

Алексей Котов

Теплыми руками

Алексей Николаевич Котов

Теплыми руками

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24136993

Аннотация

Житейская история: веселая и взбалмошная, интригующая и полная приключений, рассказанная только затем, чтобы читатель вдруг понял, что жизнь совсем не изменилась за последние двадцать пять лет, а значит, ее нужно принимать такой же доброй, какая она и есть на самом деле.

Вместо предисловия

Милое и суетливое, преступное и простодушное время начала 90-х годов!.. Время, когда зло еще бегало в коротких штанишках, деньги фантастически быстро превращались в разрисованную бумагу, а будущие олигархи только учились спекулировать сигаретами. Богатство и наглость, власть и вседозволенность еще только знакомились с другом и пугливо оглядывались по сторонам. Это было время, когда врачи могли вылечить больного за коробку конфет, а судьи и милиционеры стыдливо прятали в служебные столы прејскуранты на свои услуги. Где ты теперь, эпоха великих перемен? Но я почему-то уверен, что уже сегодня, какой-нибудь олигарх, испытывает куда как меньшую радость от миллиардных прибылей, чем когда-то от крох, вырученных за мелкооптовую торговлю на "блошином рынке". А теперешние судьи и милиционеры, отправив за решетку честного человека, с невыразимой грустью о былой жизни смотрят в след взяточнику, покидающему дворец правосудия.

Да-да, эпоха романтизма и перемен ушла... Но время совсем не жестко. Оно удивительно справедливо по отношению к человеку, ведь каждый из нас с лихвой получает не то, что он заслужил, и даже не то, что он заработал, а то, что он отдал когда-то даром. Примерно таким же удивительным даром, каким дается человеку сама жизнь.

Это книга не только о начале 90-х... Это книга о людях, которыми мы с вами когда-то были.

Глава первая

в которой рассказывается о том, что если человек ищет приключений, то рано или поздно он находит их, а также о том, что все приключения начинаются совершенно неожиданно.

Я уверен, что человеческая природа гармонична. И именно по этой причине мой друг Коля, появившийся на свет, озаренный гением математического таланта, еще и унаследовал от своих предков изрядную долю житейской непрактичности. Впрочем, именно благодаря последнему обстоятельству Коля всегда вызывал у меня неодолимое чувство симпатии. Кроме того, что у него можно было списать контрольную по математике в школе, мой застенчивый друг всегда играл роль полного болвана в любой компании, и справлялся с ней настолько успешно, что даже последний дурень мог оттачивать на нем свое остроумие. Если бы не мой острый язык и тяжелые кулаки, моему тихому другу пришлось бы пережить немало горьких разочарований и, в конце-то концов, такое поведение вошло у меня в привычку. Даже когда Коля работал над докторской диссертацией, женился и слегка облысел, я все равно не смог избавиться от малообъясни-

мой моральной ответственности за его будущее. Например, когда некий курчавый пижон вздумал увести у Коли красавицу-жену, кто бил пижону физиономию? Конечно же, я. А когда Коля вздумал продать свою машину и нарвался на "кидал", кому досталось больше всех? Конечно же, мне. И даже диван, который мы тащили в новую Колину квартиру, мой друг опять-таки счел возможным уронить именно на меня. Но я не жалуясь... Я всегда принимал последствия нашей дружбы как должное. И когда во время моего очередного домашнего лечения Коля приносил мне книжку "Забавная математика", вместо вожеленной банки пива, я уже в который раз приходил к неутешительному выводу, что, пожалуй, никогда не смогу оставить своего друга один на один с суровой действительностью.

Возможно, наша дружба так и текла бы тихим ручейком, постукивая меня головой о прибрежные камушки, но как-то раз, а точнее говоря, сумасшедшей осенью 1991 года, Коле пришла в голову мысль построить дачу. Откровенно говоря, Коля решился на такой поступок только ради своей взбалмошной красотки-жены. Мой друг надеялся на то, что Насте понравится окучивать картошку, воровать на удобрения навоз в соседнем колхозе, а по вечерам, вместе с мужем, рассматривать романтические краски заката. Нет, может быть, благие мечты полунисшего доктора наук и не были лишены основания, но по моим подсчетам такая стройка должна была бы обойтись мне, его верному другу, как минимум тяже-

лым сотрясением мозга. Увы, да и но!.. Как показали дальнейшие события, все мои предположения были не более чем благими пожеланиями самому себе, а то, что произошло на самом деле, конечно же, превзошло все ожидания. Тут дело даже не в том, что, как говорится, жизнь любит преподнести сюрпризы, а в том, что сюрпризами, причем довольно неожиданным, а часто и откровенно странным, становимся мы сами.

Между тем эпопея строительства Колиной дачи начиналась самым банальным образом. Коле, в его интеллигентно-тощем институте каких-то чрезвычайно точных наук, выделили земельный участок. Советская власть уже заканчивалась и, наверное, подозревая о своем конце, она решила оставить гражданам на добрую память что-то более существенное, чем, допустим, старый "Москвич" или двухкомнатная "хрущоба". Землю "под дачи" давали бесплатно всем желающим а, в силу привычки уходящей власти к революционной решительности, не оскудевшей за семьдесят лет, я не сомневаюсь, что кое-где и кое-кому ее пытались всучить даже насильно.

Отпустить Колю одного на первое собрание будущих дачников я, разумеется, не мог. Мой друг мог думать только о том, как обрадуется его Настенька вести о будущей стройке или о том, как по вечерам они вдвоем будут чертить план участка, а, вдоволь налюбовавшись им, в сотый раз перерисовывать его заново. Короче говоря, Коля не просто витал, а

выделявал фигуры "высшего пилотажа" в весьма облачных мечтаниях и на крайне низкой высоте здравого смысла. Его грезы совсем не пахли цементно-кирпичной пылью, а их тишину не резали как ножом скандалы за межу на огороде или одолженные "на минуточку" и исчезнувшие навсегда грабли. Математическое воображение Коли не брало в расчет ни дождливые выходные и раскисшие дороги, ни отключенное всей дачной "коммуне" электричество за долги одного тихого пропойцы и лентяя.

На собрание мы немного опоздали: по огромному, заросшему бурьяном, полю уже бродили возбужденные группки людей и переругивались между собой. Не смотря на все старания общественной комиссии всучить Коле самый худший, заболоченный участок, мне удалось отстоять его интересы и на этот раз. Кроме того, я позаботился и о будущих соседях моего друга. Я подобрал для этой не маловажной роли людей более-менее интеллигентных и на всякий случай оказал им несколько мелких услуг. Будущие дачники остались довольны, но только до той поры, пока не узнали, что их соседом будет все-таки Коля, а не я. Тут я счел свою миссию выполненной и исчез из жизни Коли ровно на три дня.

Этот опрометчивый шаг стал моей первой и самой страшной ошибкой. Уже теперь я понимаю, что если тихий гений математики вдруг решит построить себе дачу, его другу нужно: во-первых, крепко связать гения; во-вторых, запереть его в квартире; и, в-третьих, строить его дачу самому и может

быть даже на свои собственные средства. Но, черт возьми, у моего исчезновения были свои веские причины! Дело в том, что я собирался жениться. Не мог же я, в конце концов, всю свою жизнь любить и лелеять только одного Колю.

Мой друг навестил меня за день до свадьбы. Мы немного выпили, но выглядевший до этого унылым, Коля не повеселел, а стал еще мрачнее. После третьей рюмки настроение Коли стало просто убийственно меланхоличным. Я насторожился. За все время нашей дружбы Коля никогда не жаловался мне. Он всегда ждал, пока я сам не расспрошу его обо всем и сам – опять-таки по своей воле! – суну голову в петлю, предназначенную исключительно для него.

Я подумал о предстоящем медовом месяце, красавице невесте и невольно выдержал эффектную паузу. Выражение Колиного лица стало настолько кислым, что, в конце концов, я вздохнул и спросил его, что же произошло на этот раз.

Ответ Коли поверг меня в состояние шока. Оказывается, позавчера он купил кирпич для строительства дачи и отвез его на свой дачный участок. Разумеется, на следующий же день этих драгоценных кусочков обожженной глины на месте уже не было. Нет, вы только представьте себе чистое поле России времен становления демократии, а на нем, видную за сто верст, кучу бесхозного кирпича!..

Я назвал Колю "чертовым кретином". Мой друг кивнул и посмотрел на меня скорбными, коровьими глазами. Коля по-прежнему считал, что я умею все: бить физиономии любов-

никам-сердцедам, удерживать головой брошенные диваны, ну, а возвращение на место такой безделицы, как шесть тысяч штук кирпича, для меня вообще должно было оказаться сущей безделицей. Нет, в чем-то, конечно, мой друг был прав. Например, однажды я сдал за Колю пустую посуду, от которой он не мог избавиться целый год. Это был очень простой фокус. Правда, после его завершения я отсидел пять суток за то, что надел на голову приемщику стеклянной "пуш-нины" пустой ящик, в доказательство того, что пустая тара у него все-таки была. Коля, конечно же, не бросил меня в беде. Он каждый день таскал мне передачи, нанял адвоката и, своими соединенными усилиями, им удалось сократить срок моей тюремной отсидки на целые сутки. Эта победа едва не стоила мне второго тюремного срока и вот почему: Коля ликовал!.. При моем появлении на воле он не сдержался и настолько снисходительно похлопал тюремного охранника по плечу, что тот просто-таки обязан был в ответ дать ему увесистого пинка. В результате вспыхнувшей как лесной пожар в жару разборки я чуть было снова не отправился за решетку. Но мне повезло, Коля приперся к тюремным воротам вместе с адвокатом. Адвокат оказался не только красивой, но и довольно умной женщиной. После долгих переговоров, с соблюдением всех юридических формальностей, тюремный страж счел возможным произвести починку слегка потрепанного в потасовке казенного мундира за наш счет. Платил, разумеется, я. У меня, как у человека практичного и

пусть только что вышедшего из тюрьмы, было больше шансов найти требуемую сумму за подкладкой своего пиджака, нежели в карманах пришедшего из дома Коли.

Вспоминая теперь тот давний случай, я вдруг понял, что у меня нет никакого желания действовать. Я не хотел поставить под угрозу свое будущее семейное счастье, поровну принадлежащее обоим супругам.

Я встал и отошел к окну. Увидев мою нерешительность, Коля удивился. Подобного раньше никогда не было.

Я молчал... Коля медленно поплелся к двери. Он сильно сутулился и, казалось, постарел. Мне стало стыдно. Я отлично понимал, что предаю своего друга. Как знать, может быть, я и ограничился бы на прощание формальным советом обратиться с заявлением в милицию, но тут вдруг мне в голову пришла одна идея. Я почесал пальцем лоб... Идея была проста, гениальна и немного пьяна. Последнее ее качество рисовало картины возможных будущих событий в настолько ярких красках, что я почувствовал хорошо знакомый зуд в ладонях. Моя вторая натура – склонность к авантюрам и различным приключениям – снова взяла верх.

Я остановил Колю. Он охотно выслушал мой план и уже через пару минут радостно заулыбался. Никто и никогда не может забывать обиду быстрее Коли!..

Моя свадьба прошло довольно спокойно, если не принимать в расчет того, что Колю попытались избить родствен-

ники моей жены. Напившись от радости до состояния усталой швабры, повеселевший Коля начал приставать к совершенно незнакомым ему людям. Его переполнял оптимизм. Мой друг спешил поделиться с ближними своим опытом в строительстве дач и воздушных замков. Его плохо слушали, и тогда Коля стал размахивать руками...

Инцидент закончился почти без скандала. Правда, Колю пришлось поднимать с пола, а кое-кто успел наступить ему на спину ботинком с подошвой похожей на танковый трак. После завершения этой хотя и крохотной, но все-таки грустной истории, я, подойдя к зеркалу, вдруг обнаружил, что мой галстук находится не там, где ему положено было быть, то есть на груди, а свисает промеж лопаток. Жена поцеловала меня в щеку, посмеялась и помогла привести себя в порядок.

Настя увела Колю домой, и дальнейшее свадебное шумное застолье, хотя и закончилось далеко за полночь, прошло без намека на скандал. Я невольно подумал о том, а так ли уж велика роль нашей интеллигенции – включая и математическую профессору – в развитии по-настоящему цивилизованного общества, но потом – наивный человек! – выбросил это, в общем-то, здоровое сомнение из головы.

Операцию под кодовым названием "Охота на дурака" я начал сразу же после свадьбы. Здесь мне придется кое-что пояснить. Дело в том, что я немного балуюсь сочинительством, и одна областная газетка более-менее регулярно публиковала мои юмористические рассказы и заметки. За несколь-

ко лет нашего сотрудничества у меня сложились довольно неплохие отношения с главным редактором. В одном из ближайших номеров мне удалось поместить свою очередную коротенькую статью. Привожу ее текст дословно:

"Долгое время наша доблестная милиция не могла задержать мелкого воришку П-ва. Неизвестно, сколько еще продолжалась эта охота, если бы не произошел один уникальный случай: гражданин П-ов стащил со ставшего на ремонт блока атомной станции шесть тысяч штук кирпича. Радиоактивное излучение похищенного превышало допустимые нормы в сотни раз. Нисколько не смущаясь, махинатор продал "засвеченный" кирпич вместе с фальшивыми документами следующему лицу. Милиционеры уже потирали от радости руки, но нет!.. Второй покупатель, как человек склонный то ли к тихой меланхолии, то ли к такому же виду умопомешательства, оказался настолько наивным, что вывез приобретенный кирпич в чистое поле, где его благополучно стащили в первую же ночь. В результате создалась довольно пикантная ситуация: кирпич опять украден и мог быть продан еще и еще раз. Но кому?.. Может быть, именно сейчас кто-то строит себе дом, который уже в ближайшее время станет коллективным склепом? Граждане, пожалуйста, будьте внимательнее при покупке кирпича у малознакомых лиц!"

Откуда я взял подобный материал, главный редактор не спросил. Он обвел жирной чертой номер Колиного дачного участка и название деревни, вблизи которой предполага-

лось развернуть дачное строительство. Адрес шел поскрип-тумом вместе с предложением добровольно вернуть ворованное. Затем главный редактор ободряюще улыбнулся и пожал мне руку. Я улыбнулся ему в ответ. Все, кто был достаточно хорошо знаком с Федором Ивановичем, знали, что в прошлом году у него украли со строительства дачи все: то есть все, что только могли увести, включая первобытный самодельный нужник.

Заметка вышла на первой полосе. Конечно, я не был уверен в том, что кирпич вернут на место, а не выбросят в ближайший овраг. Кроме того, вор мог найти дозиметр, да и вообще в этой истории могла появиться масса других нюансов, но у вора практически не было времени. Этот тип просто-таки обязан был запаниковать. Я провернул довольно простенькую и, в общем-то, безобидную комбинацию. В былые времена она была бы хорошим лекарством от скуки, но сейчас я не нуждался в нем. Меня ждала дома любимая женщина.

Возвращаясь в тот же день домой после работы, я обратил внимание на то, что на одной из улиц застроенной частными домами, сразу два злых и хрипатых мужика, матюгаясь во всю глотку, ломали: первый – только что построенный сарайчик, а второй – не менее свежую, то есть только что пристроенную треть дома. Увиденное несколько обнадежило меня, и я решил позвонить Коле из ближайшего таксофона.

Дома Коли не оказалось. По словам Насти, прочитав мою статью, он повез на место будущей стройки цемент и доски. Я повесил трубку и выругался. Идиотизм моего друга был не только неизлечим, но еще и неисчерпаем.

Следующие два дня я занимался устройством личного счастья, обучая свою юную двадцатидвухлетнюю жену Раю таким элементарным вещам как: чистка картошки, приготовление яичницы и глажка рубашек мужа. Рая с нескрываемым удивлением поглядывала на то, как ловко мне удавалось справляться с домашними делами и, в конце концов, слегка краснея, попросила меня между делом – ведь я все-таки находил время и для поцелуев! – например, постирать ее джинсы.

Коля прибежал ко мне утром на третий день и еще не отдышавшись, сообщил, что кирпич ему вернули, правда, почему-то не тот, какой своровали. У него был красный и не очень качественный, а ему подбросили белый, полуторный и не шесть тысяч, а почти десять.

Мы сели в машину и отправились на место будущей стройки. Когда мы, наконец, добрались до дачного участка, челюсть Коли безвольно отвисла и находилась в таком положении до тех пор, пока я осторожно не вернул ее на место. Но удивляться было чему: вместо одной кучи кирпича мы увидели на Колином участке уже целых три, а одна из них была подхалимски уложена в аккуратный штабель.

Едва мы успели выйти из машины, как подкатил оче-

редной "КамАЗ" с заляпанными грязью номерами. Сердито фыркая, он вывалил из кузова очередную партию кирпича. Коля возликовал, но мне это сразу не понравилось. Я вдруг интуитивно почувствовал, что ни к чему хорошему такие "подарки" привести не могут. Я попытался остановить "КамАЗ", но водитель погрозил мне монтировкой и уехал.

Домой я вернулся поздно вечером... Рая долго допытывалась, откуда у меня на щеке царапины от целой пятерни. Но сказать молодой и еще наивной женщине всю правду, то есть объяснить, что я отбивался от таинственных машин привозящих на Колин участок дармовой кирпич, я так и не решился.

Ночью я долго не мог уснуть. Ворочаясь с боку на бок, я пытался разобраться в происходящем. Уже под утро, я кое-что понял... В общем, думая испугать своей статьей одного вора я, оказывается, испугал не одного, а многих. Причем среди них наверняка были и относительно честные люди. Эти люди никогда не воровали сами, но приобрести, по случаю, кирпич у малознакомых людей они все-таки смогли. Разумеется за полцены и с документами подделанными пьяным первоклассником. Теперь эти люди просто не знали что делать. Казалось бы, вид уже далеко не единственной кучи кирпича на Колином участке должен был заставить задуматься и честных и воров, но, к сожалению, на самом деле все происходило с точностью до наоборот. И тем и другим сразу же приходила в голову мысль, что началась государ-

ственная компания (а сколько их было самых разных за все эти годы!) по борьбе с хищением кирпича, а Колин участок – своего рода место анонимного отпущения уголовных грехов. Как говорил в свое время один человек, процесс пошел, но, увы, сразу же стал абсолютно неуправляемым.

На следующий день на работе у меня все валилось из рук. В обед мне позвонил Коля и радостно сообщил, что из образовавшихся на его участке завалов кирпича уже можно соорудить среднюю по величине рыцарскую крепость.

Я чуть было не подавился бутербродом.

– Подожди, – прервал я своего друга. – Тебе все еще подвозят этот чертов кирпич?

– Почему чертов? – удивился Коля. – Это очень даже хороший кирпич. Кстати, бывший в употреблении я уже не принимаю. Я про это даже на указателе написал.

– Каком указателе?!

– Дорожном, – пояснил Коля. – Я его у поворота на главную дорогу повесил. А то водители по всему полю бегают, меня ищут.

До сегодняшнего дня я никогда не думал, что одним бутербродом можно подавиться дважды. На всякий случай я отложил его подальше в сторону.

– Коля, не ездь туда больше! – закричал я в телефонную трубку.

– Почему? – более чем искренне удивился мой друг.

– Потому что я тебя очень прошу об этом.

– Да ты что, сдурел что ли? – вдруг возмутился Коля. – Я тебе позвонил, потому что один уже не справляюсь. Ты-то когда приедешь?

Я ничего не ответил своему разгоряченному легкой наживой другу и повесил трубку. Мне нужно было кое-что обдумать.

Через полчаса я снова снял телефонную трубку. Мой разговор с Раей носил малоинформативный характер. Как молодая, только что вышедшая замуж женщина, она решила, что я позвонил ей только затем, что бы еще раз объясниться в любви. Боюсь, что, предупредив ее о том, что я сегодня не приду к ужину, я совсем не улучшил ее настроения.

Предчувствия не обманули меня. Сразу после обеденного перерыва за мной пришли два хмурых субъекта в явно казенном штатском, а еще через пару часов я сидел перед столом следователя и осторожно отвечал на его, а точнее говоря, ее вопросы. Красивая дама в форме капитана милиции в начале нашего разговора была чрезвычайно вежлива. Ее звали Светлана Петровна Шарковская.

Сначала я, конечно же, попытался выяснить причину своего задержания. Следователь улыбнулась и ответила, что я нахожусь в кабинете начальника отдела борьбы с журналистскими преступлениями.

– Нет-нет, вы не ослышались, – довольно мило улыбаясь, продолжила следователь. – Мы расследуем причины появле-

ния тех или иных публикаций в прессе. Часто за ними стоят чьи-то корыстные интересы. Нашему руководстве хотелось бы знать, чьи именно.

В ходе допроса быстро выяснилось, что я не профессиональный журналист, а всего лишь любитель. Следовательно удовлетворенно кивнула, но не мне, а тем держимордам, которые приволокли меня в ее кабинет. Держиморды сняли пиджаки и подошли поближе.

Допрос продолжался довольно долго. Если мои ответы казались следователю уклончивыми или не ясными, я получал от стоящих сзади здоровяков очередную оплеуху, но не бессистемно, а в зависимости от того, как именно следователь квалифицировала мой ответ. Если я выражал свои мысли уклончиво, меня били справа, когда же я пытался что-то скрыть – слева. Вскоре я понял, что больше всего женщина-следователь не любила уклонистов.

Нельзя сказать, что я безропотно переносил все эти издевательства. Трижды я бросался в контратаку и во время одной из них едва не завладел массивной пепельницей на столе следователя. В конце концов, мое свободолюбие и гражданская гордость произвели на следственные органы должное впечатление. Меня стали называть на "вы" и бить так, что бы не оставлять на теле следов. Что же касается обвинений выдвинутых против меня, то они свелись к трем пунктам: а) распространение заведомо ложных, панических слухов; б) вымогательство у граждан личного и заработанного исклю-

чительно честным трудом имущества; в) экономические диверсии против нарождающейся новой демократической власти. Удивительно, но количество оплеух, которые я получил, доказывая свою лояльность российской демократии, значительно превысило количество тех, которые я получил, оправдываясь по двум первым пунктам обвинения. Скорее всего, Светлана Шарковская только вырабатывала свою дальнейшую методику работы с подследственными журналистами. Кстати, это ничем ей не грозило. Журналисты-любители отличаются от профессионалов прежде всего тем, что их можно колошматить без всяких последствий для карьерного роста. А кое-кто из критиков демократии даже утверждает, что подобная смелость даже помогает ему.

В русском языке можно найти много чисто народных синонимов слову голова. Например: чердак, тыква, кочан, купол, черепушка и т.д. Во время допроса я придумал еще один – колокольчик. Через три часа общения со Светланой Шарковской у меня в ушах стоял такой звон, что о смысле последних вопросов я был вынужден догадываться по движению красивых женских губ. Еще через час отпала необходимость и в этом. Но перед тем как найти на полу чувство безмятежного покоя, я успел узнать, что мой друг Коля "ударился" в коммерцию и устроил на своем дачном участке дикую товарную биржу. Коля продавал дармовой кирпич по демпинговым ценам, но продал совсем немного. Вскоре за ним прибыла машина весьма характерного, хотя и потаскан-

ного желтого окраса. Как я понял из слов Светланы Шарковской, Коля уже признался во всем. Даже в том, что мы пока не успели сделать, но наверняка планировали.

Почему-то во всех фильмах о революционерах-героях их, после белогвардейского допроса, тащили в камеру за руки. Революционеры силились поднять могучие головы и посылали проклятия сатрапам. Увы, но мне, как контр реформатору и экономическому саботажнику, следствие сочло возможным сделать исключение. Конвой помог мне добраться до камеры с помощью конечностей расположенных исключительно ниже пояса. Что касается проклятий, то я их не посылал. Мне было не до кинематографических эффектов.

Спал я очень крепко, примерно так же, как спит в желудке отбивная после долгих мучений на столе хладнокровного и одаренного кулинара. Мне приснился сон: Коля, почему-то одетый в рваную хламиду напоминающую одеяние Иуды, рвался поцеловать меня через тюремную решетку. Мне стало его жаль. По-моему, с талантливого математика можно спрашивать лишь то, что он умеет делать в совершенстве. Мой друг знал лишь сухие цифры и на этот раз глупцом оказался совсем не он. Моя статья затронула интересы слишком многих относительно честных людей. Как я узнал позже, несколько высокопоставленных городских начальников пережили немало неприятных минут, пока наконец-то не выяснилось, что моя статья – всего лишь блеф журналиста-любителя. В общем, те оплеухи, которые я получал на допро-

се, были только предварительной платой. Основной счет мне собирались предъявить несколько позже.

Глава вторая

в которой рассказывается о том, что даже обладающие сильным характером женщины – слабы, а так же о том, что женские слабости может выдержать не каждый мужчина.

Утром я проснулся от шума в коридоре. Ко мне, используя все свои недюжинные пробивные способности, рвалась та самая женщина-адвокат, которой удалось несколько сократить мой предыдущий пятидневный тюремный срок. Я узнал ее по резкому и властному голосу. Кстати, в прошлый раз адвокат прозрачно намекнула конвоиру в порванном мундире о возможной, но так и не состоявшейся, попытке ее изнасилования лицом, находящимся при выполнении своих служебных обязанностей. Кажется, ее излюбленный прием произвел должный эффект и на этот раз. Дверь в мою камеру женщина открыла ногой.

Первый вопрос разгневанного и запыхавшегося адвоката звучал примерно так: "Били ли вас, а если били, то насколько сильно?"

Я скорбно улыбнулся и уже было собрался пошутить по этому поводу, но, взглянув на лицо адвоката, вдруг онемел

от изумления. Во время вчерашней экзекуции меня мучил вопрос: где и когда я мог видеть раньше красивое лицо Светланы Шарковской? Теперь я вспомнил где... Оно было почти точной копией лица моего адвоката.

Когда я инстинктивно попытался прикрыть голову руками, адвокат задрожала от гнева. Она резко повернулась и чуть ли не взашей вытолкала из камеры ласково почесывающего кулак надзирателя.

Целую минуту я и нехотя остывающая от короткой схватки адвокат не без любопытства рассматривали друг друга.

– Дайте, пожалуйста, закурить, – наконец, попросил я.

– Возьмите, – адвокат протянула мне пачку сигарет.

Она тут же и напонила:

– Вы не ответили на мой вопрос.

Я кивнул и попросил спички.

– Что? – переспросила адвокат.

– Спички, – пояснил я и попытался изобразить с помощью пальцев, как чиркают о коробок спичку. – Мне нужно прикурить.

Коробок спичек ударил меня по лбу и упал на нары.

– Что-нибудь еще? – нервно спросила женщина.

Я прикурил и улыбнулся адвокату... Пауза явно затягивалась. Адвокату пора было уходить, но женщина упрямылась.

– Я знаю, что вас смущает, – твердо сказала она. – Вас смущает мое сходство со следователем Светланой Шарковской. Смею вас уверить, что оно – чисто внешнее.

Я выпустил к потолку струю дыма. На нервном лице адвоката одна гамма чувств быстро сменяла другую. Я невольно поймал себя на мысли, что мне довольно любопытно наблюдать за этой, почти шекспировской игрой страстей, бушующей в женской душе.

Адвокат поспешила продолжить наш диалог:

– Итак, вас все-таки били, – в глазах женщины сверкнуло бешенство гордой амазонки подло раненной стрелой в ягодицу. – Ну, говорите же, ну?..

Я послал адвоката к черту.

– Сами туда идите! – перешла на крик женщина. Ее слегка затуманенный гневом взор скользнул по камере, и я мысленно поздравил себя с тем, что поблизости нет тяжелых предметов. – Да вы просто трусливое ничтожество.

Я уже собирался ответить в том же духе, но вовремя спохватился. Драка с адвокатом, и тем более женщиной, вряд ли помогла бы мне в теперешнем положении. Кроме того, я интуитивно почувствовал, что адвокат действительно искренне хочет мне помочь.

Я посмотрел в решетчатое окно и безразлично сказал:

– Мне кажется, что кто-то из нас полный идиот...

Разгоряченная красавица по инерции обозвала меня вялой амебой. Я не обратил на ее замечание ни малейшего внимания. Гостья наконец поняла, что речь зашла о серьезных вещах и замолчала.

Я продолжил:

– ... И этот идиот совсем не я, – следующую струйку дыма я выпустил в сторону адвоката. – Скажите, пожалуйста, насколько я понимаю, вы в данный момент беззастенчиво используете свое родственное положение со следователем?

– Это совсем так. Хотя, конечно...

– А в том, что вы с ней близнецы я, надеюсь, не ошибаюсь? – перебил я. – Кстати, как вас зовут?

– Надежда Петровна.

– Шарковская?

Женщина чуть заметно кивнула, поджала губы и отвернулась.

– Все ясно, – я уже не мог сдержать улыбки. – Кстати, кто нанял вас защищать мои интересы? Мой друг, биржевик-неудачник, как я понимаю, в данный момент тоже сидит на нарах.

– Меня попросила ваша жена, – Надежда Петровна чуть покраснела.

Она явно врала.

– И благодаря чьей рекомендации?

– Она посоветовалась с женой вашего друга. Им обоим понравилось, как я вела ваше прошлое дело.

– О, вы были просто великолепны!

– Спасибо, а теперь не могли бы вы...

Я показал на дверь и строго сказал:

– Иди отсюда! И учти, если вздумаешь прийти еще раз, я тебя выгоню.

– Мы уже на «ты»? – делано удивилась адвокат. – Ладно, я не возражаю. А теперь я расскажу вам всю правду. Вчера вечером мне позвонила моя сестра Светка и сама предложила вести твое дело. Только потом я поехала к твоей жене.

Я насторожился. Скорость созревания довольно любопытной интриги могла смело соперничать со скоростью перепуганного страуса.

– А почему сестричка-следователь обратилась именно к тебе?

Надежда молча вытащила из пачки сигарету и прикурила. Я успел заметить, что огонек спички нервно подрагивает.

– Понимаешь... в чем дело... – медленно начала она, пыхнув дымом, – только не волнуйся, хорошо? Дело в том, что совсем недавно я отбила у своей сестрички мужа.

Смех, а тем более грубый мужской хохот, был явно не уместен в такой ситуации. Я искренне не хотел, что бы эта темпераментная и красивая женщина задушила меня в камере своим шарфиком.

– Может быть, этот муж просто перепутал тебя с сестрой? – осторожно спросил я. – Вы очень, почти парадоксально похожи. Впрочем, рассказывай дальше.

– Дальше начинается сугубо женское выяснение отношений, – продолжила Надежда. – Моя сестра поклялась, что отныне будет делать все возможное для того, что бы все мои клиенты отправились за решетку на возможно больший срок...

– У твоей сестрички Светки извращенное понятие об офицерской чести, – не выдержал я.

– ... А я в свою очередь заявила ей, что даже если мой клиент будет обвинен в попытке покушения на мою честь, он сядет в тюрьму на минимальный срок, если сядет вообще!

Со стороны подобная дуэль женских самолюбий могла бы выглядеть довольно занимательно. Но я, пусть и невольно, был участвующей в деле стороной, а Надежда была довольно искренна в своем желании ввязаться в любую, пусть даже самую жестокую схватку хоть сию минуту.

– Интересно, сколько сексуальных маньяков оправдали в суде ты? – спросил я. – И сколько честных людей расстреляла "при попытке к бегству" твоя сестричка?

– Ни одного. Ты первый человек, на котором столкнулись наши интересы.

Я подавился табачным дымом.

– Я просто счастлив, – пробормотал я. – Кстати, неужели меня считают настолько опасным, что бросили в одиночку? Или следствие боится, что мне удастся разгладить пару-тройку убийц или гомосексуалистов-наильников?

– Отдел журналистских преступлений только что создан. Ты – первая ласточка в этой клетке, – пошутила адвокат. – Но, откровенно говоря, я тебе не завидую. Светлана – страшный человек. А теперь, давай все-таки перейдем к делу и...

– Подожди, – оборвал я. – А если ты оставишь меня в покое, может быть, тогда и твоя сестра перестанет считать меня

достойной добычей?

– Нет, она доведет свое дело до конца, – убеждено ответила адвокат. – Хотя бы из принципа. Кстати, есть еще одно не маловажное обстоятельство, твоя статья получила большой общественный резонанс. Многие возмущены этой провокационной выходкой. Прокурор города хочет сделать процесс над тобой и твоим другом показательным.

– Прокурору что, тоже пришлось ломать свою дачу?

– Нет, но... В общем, он сильно испугался. Дачи пришлось ломать трем его очень близким родственникам. Такое трудно простить. Ты понимаешь это?

Я кивнул. Разбор всех обстоятельств дела занял у нас около двух часов. Я даже заподозрил, что соломенная вдова, в образе капитана милиции, предоставила своей сестре полную свободу действий, потому что была абсолютно уверена в своей победе.

В начале беседы мы плохо понимали друг друга – от рекомендаций Надежды Шарковской слишком сильно несло теоретическим холодом. В конце концов, я не выдержал и сказал:

– Послушайте, Наденька, поскольку я не хочу сидеть в этой камере больше суток, о теории юриспруденции нам придется забыть. И чем быстрее, тем лучше...

Неожиданно для самого себя я прочитал адвокату целую лекцию. Казалось бы, от человека, имеющего дело с тонкостями юриспруденции только во время краткосрочных отси-

док, невозможно ждать открытий в юридической казуистике, но, тем не менее, я был выслушан с большим вниманием. Ведь я был зол и говорил довольно убедительно. Суть моего краткого, практического курса сводилась к следующему: никакой юридической казенщины, напор, импровизация, борьба везде и всюду любыми средствами включая кулаки, средневековые интриги, а так же подвернувшиеся под руку подушки и прочие предметы. Адвокат удивленно молчала. Но совсем скоро в ее глазах появился восхищенный блеск.

Затем моя речь перешла в более практическое русло. Я настаивал на том, что бы мой друг Коля покинул КПЗ как можно раньше. В противном случае все мое долготерпение на допросах теряло всякий смысл. Надежда быстро согласилась и пообещала предпринять для этого все необходимое.

Я внимательно посмотрел на сидящую напротив меня красивую женщину и не спросил, что же именно она собирается предпринять. В ней определенно было что-то такое, что позволяло верить в ее блестящее, юридическое будущее, но достигнутое, так сказать не совсем юридически вменяемыми способами.

Мне стало чуть легче. Но на всякий случай я еще и еще раз объяснил Наде, что с выходом Коли на свободу третий пункт моего обвинения – экономические диверсии против демократической власти – становится практически недоказуемым. Что касается двух остальных, то после небольших дебатов мы пришли к следующему решению: во-первых, в

своих показаниях я должен ссылаться на то, что получил информацию для статьи от неизвестного лица; во-вторых, ни о каком предварительном сговоре с Колей не может быть и речи, так как я не поддерживаю с ним отношения со школьной скамьи; и, в-третьих, если я занимался шантажом, пусть следствие предъявит мне заявления пострадавших.

Сложнее оказалось решить проблему с кирпичом, оставшимся на участке Коли. От такой улики было невозможно избавиться, а уж тем более внятно объяснить суду ее происхождение. Стоило сестре моего адвоката вытянуть из Коли два-три неосторожных слова, (а в том, что это ей удастся сделать, я не сомневался) и все дело можно было бы представить как элементарное жульничество.

Надя задумчиво потерла лобик указательным пальцем.

– А если бы вдруг нам с вами удалось доказать, что тот злополучный дачный участок принадлежит совсем не вашему другу?.. – указательный палец сполз ниже и сделал аккуратный женский носик чуть более курносим. – Тогда мы решили бы и эту проблему. Тебе так не кажется?

Я улыбнулся.

– Ты делаешь успехи, Надя.

– Спасибо, – адвокат охотно улыбнулась в ответ. – Но продолжим тему. Давай представим себе на минуту, что протокол по распределению дачных участков бесследно исчез...

– Бесследно не надо. Если он исчезнет бесследно, то точно также он исчезнет и для нас.

– Хорошо, – Надя кивнула. – Тогда допустим, что протокол не исчез, а – скажем так – мы просто возьмем его под свой контроль право на его бытие или небытие.

– Правильно. Кстати, если я не ошибаюсь, эта драгоценная бумажка все еще находится в Колином институте. Точнее, в отделе кадров. В списках есть все, кто получал участки. Даже те, кто не работает в институте. Но списки в сейфе, а ключа у меня нет.

– Кто начальник отдела кадров?

– Какое-то лысое чудо сорока пяти лет. Любит выпить и поговорить о женщинах. Его зовут Гриша. Фамилии не знаю.

– Не важно, – Надя отмахнулась. – Мне хватит и такого редкого имени. Кроме того, в таком возрасте мужчины довольно снисходительно относятся к женской фамильярности.

– Ты обещала мне позаботиться о Коле, – напомнил я.

– Разумеется. Сегодня же он выйдет на свободу, – заверила Надя. – Если следствие отказывается изменить меру пресечения, я сделаю это сама. До свидания.

Перед тем, как выйти из камеры адвокат вытащила из-под легкого плаща узелок размером с два кулака и положила его на стол. Это была передача от моей жenuшки. В узелке оказалось две, в общем-то, довольно невинные вещи: записка с бесконечным повторением слова "люблю" и, судя по всему, результат первой, торопливой попытки изготовления торта "Наполеон" в полевых условиях.

Я грустно улыбнулся. Не смотря на изрядную долю жеребьячьего оптимизма, которую я только что продемонстрировал адвокату с блестящим именем Надежда, мне было плохо... Очень плохо.

В коридоре постепенно стих визг тюремного вертухая, подвернувшегося под руку темпераментному адвокату. Я невольно подумал о том, что вскоре меня ждет встреча с не менее сумасшедшим следователем. Следователем, которого будили по ночам телефонные звонки сильных мира сего и требовали только одного: что бы подследственный умер под пытками не слишком быстро.

На следующий день меня вызывали на допрос дважды. Оба раза следователь Светлана Шарковская, подозрительно приняхивалась к исходившему от меня запаху шоколадного крема и сурово требовала ответов на свои явно надуманные, а порой и фантастически смелые в предположениях вопросы. Я подарил следствию минимум слов, то есть только то, о чем вчера договорился с сестричкой Светланы. В конце концов, если в стране объявлена свобода слова, то это же право распространяется и на молчание.

Во время второго, послеобеденного допроса следователь нехотя предложила мне невинный компромисс: я сдаю Колю со всеми потрохами и бирочной на шее "главный мафиози города", а взамен получаю полное отпущение своих уголовных грехов.

Мы встретились со следователем глазами. Я немного подумал и снисходительно и даже мягко улыбнулся. Именно улыбнулся, а не усмехнулся. Ведь я был по-прежнему зол и жаждал хорошей драки с обидчиками меня и Коли. Что же касается предложения Светки, то его было трудно назвать даже провокацией. Нет, конечно, при определенных обстоятельствах государство, в лице Светланы Шарковской, могло бы простить мне многое. Оно даже могло простить мне все, но вот в том, что одна женщина никогда не простит другой похищение своего мужа, я не сомневался.

Светлана поморщилась.

– На вашем месте я подумала бы еще, – сухо посоветовала она.

Мне ничего не оставалось, как посоветовать Светлане оказаться на моем месте как можно раньше.

Сзади цинично хохотнули конвоиры. Но по лицу следователя скользнула тень неуверенности. Сердито взглянув на охранников, женщина встала и подошла к окну. Прежде чем продолжить разговор, она о чем-то долго думала.

Я закурил.

– Постарайтесь понять, – наконец заговорила Светлана, – что в вашем теперешнем положении от вас, собственно говоря, ничего не зависит...

Не думаю, что произнося эти слова, Светлана верила самой себе. Я снова улыбнулся.

– Это вы мне пытаетесь внушить второй день, – перебил я

и стряхнул пепел сигареты на протокол допроса. – Но я все равно вам не верю.

Женщина вернулась к столу и села.

Один из стоящих сзади конвоиров кашлянул, снова напоминая следователю о своем существовании. Задумавшаяся было снова Светлана, чуть заметно вздрогнула. Она оторвала взгляд от моей сигареты и подвинула ко мне пепельницу. Я стряхнул пепел на пол.

Мы немного помолчали, а потом я твердо сказал:

– Вы мне надоели, Светлана Петровна.

Следователь, точно так же как ее сестра, потеряла лобик указательным пальцем.

– Хотите, я вам расскажу одну забавную историю? – вдруг предложила она.

– Вы хотите меня разжалобить?

– Нет, испугать.

– Ну, что ж, тогда валяйте.

– Вы знаете, по нашему ведомству бродит довольно много любопытных бумаг написанных для ознакомления сотрудников с многочисленными внештатными ситуациями. Так вот, совсем недавно я прочитала в одной из них одну любопытную историю. – Светлане удалось взять себя в руки. Она заговорила спокойно и даже чуть иронично. Если бы за моей спиной не торчали два грубых субъекта, то, глядя на нас со стороны, можно было подумать, что наша беседа это разговор двух интеллигентных людей. – Примерно месяц назад

в одном из сибирских городов моим коллегам удалось выйти на след банды матерых уголовников. Все началось с того, что бандиты решили "подоить" одного цеховика, которых сейчас почему-то называют "новыми русскими". Но тот оказался довольно зубастым малым и кликнул на помощь застоявшийся в казарме взвод ОМОНа. Разборка получилось довольно крутой и неудачной для бандитов. Только троим из них удалось уйти на захваченной машине. Но на первом же посту ГИБДД их ждали. Короче говоря, бандиты потеряли все: машину, деньги, оружие и последние остатки душевного хладнокровия. Два дня они уходили от погони по тайге, два дня их травили собаками и пытались подстрелить с вертолета...

Здесь я хотел было вставить реплику об уважении прав человека еще не осужденного судом, но передумал. Во-первых, я сам не любил типов, о которых рассказывала следователь, а, во-вторых, я не думаю, что она видела какую-то разницу между мной и ними.

Между тем следователь продолжала:

– Бандиты стали наглее и злее. В конце концов, этим ребятам удалось добраться до аэропорта. В нашей системе "Перехват" произошел самый элементарный и очередной сбой. Бандитам каким-то чудом удалось купить билеты на ближайший авиарейс. Но спрашивается, что же делать дальше, если уже на трапе в аэропорту прилета их могут ждать прохладные наручники? Ответ напрашивается сам собой – захватить

самолет. Задумано – сделано. Бандиты усаживаются на свои места в хвосте салона. Как только самолет набирает высоту, один из них встает и громко заявляет, что у него, – вот в этом рюкзаке, – бомба. И что ему и его друзьям нечего терять кроме перспективы оказаться на берегу теплого моря, где-нибудь в Турции. Все пассажиры оглядываются и смотрят на бандита. Все кроме одного. Этот единственный пассажир сидит впереди, самой двери в кабину пилотов, смотрит в иллюминатор и о чем-то сосредоточенно думает. Между тем в салоне возникает паника. Пока стюардесса мечется между кабиной пилота и тремя небритыми представителями "дикой фирмы" вдруг решившей зафрахтовать самолет, на борту происходят и еще кое-что. Неожиданно один из бандитов замечает девушку, косо посмотревшую на него в аэропорту. Эта девушка, видите ли, не захотела выносить его присутствия. Когда он, усталый и затравленный зверь, присел рядом с ней, девушка презрительно поморщилась, встала и ушла. Теперь наступило время расплаты. Слегка подрагивая нижней челюстью и комкая у себя в груди то, что раньше можно было назвать душой, а теперь просто комком нервов жаждущим крови и наркотиков, бандит подошел к девушке и приказал ей встать. Та отказалась. Тогда он силой поднял свою жертву из кресла и наотмашь ударил ее по лицу. Весь салон оцепенел от ужаса – на высоте пять тысяч метров очень трудно найти кинематографического героя-одиночку. Неизвестно чем бы все это закончилось, но неожиданно из

первого ряда кресел встал тот самый единственный пассажир, не обративший внимания на бандитов. Это был довольно крупный мужчина с фигурой чемпиона мира по валке леса без топора. Не глядя по сторонам, он спокойно направился в хвост салона. Бандит был слишком увлечен расправой. Он обратил на "чемпиона" свое высокомерное внимание только после того, как тому удалось подойти на расстояние вытянутой руки. Короче говоря, вопрос: "А тебе, падла, что больше всех надо?" так и не был произнесен до конца. Удар в лицо был таким сильным, что бандит буквально выпорхнул из салона и едва не сорвал с петель дверь туалета. То, что произошло дальше, вряд ли когда-нибудь будет восстановлено с документальной точностью. Бандит с рюкзаком закричал, что взрывает самолет. "Чемпион" не обратил на его слова никакого внимания и принялся обрабатывать своими кулачищами второго угонщика, бросившегося на помощь дружку. Прodelьвал он это настолько ловко, что когда последний, третий, бандит оставил свой бесполезный рюкзак и кинулся в драку, ему тоже пришлось встретиться с "чемпионом" один на один. Чем все это закончилось не трудно себе представить: последний угонщик едва не сорвал телом еще одну дверь, правда, выходящую уже прямо на облака.

Наконец, самолет коснулся шасси благословенной земли. Летчики с веселым матом вытерли вспотевшие лбы. Обстановка несколько разрядилась. Милицейское начальство начало скучнейший разбор происшествия: кто что видел, кто

кого бил и, о Боже, кто же так сильно отделал трех небритых субъектов валяющихся без сознания в хвосте самолета?.. Счастливые пассажиры захлеб рассказывают о героине-одиночке. Большой милицейский начальник со шрамом на лице искренне жмет ему руку и говорит, что бандиты все-таки блефовали. Начальник говорит герою, глядя ему в лицо: "У бандитов не было бомбы, понимаете?" Тут начинается самое интересное: наш герой-одиночка едва не падает в обморок от страха. Его бережно поддерживают под руки, усаживают в кресло и милицейский начальник угощает "чемпиона" валерьянкой из личного пузырька. Но у героя так сильно дрожат руки, что он роняет стакан с лекарством. Удивлены?.. А между тем, в этой истории нет ничего удивительного. Наш герой был глухонемым от рождения. И он понимал слова своего собеседника только по движению его губ. Иначе говоря, наш "чемпион" не имел ни малейшего представления о том, что самолет захвачен террористами и его могут взорвать. Но главное, он с детства и до истерического ужаса боялся высоты. Во время взлета наш герой, как замороженный смотрел в иллюминатор на проваливающуюся в бездну землю, и был едва жив от страха. Именно поэтому, из-за сильной сосредоточенности на своих личных переживаниях, он не заметил паники в салоне. Его даже тошнило, но "чемпион" постеснялся попросить кулечек у стюардессы. Потом, когда наш герой встал и направился в туалет, он вдруг увидел, как какой-то мало симпатичный тип бьет по лицу де-

вушку. Стыд за собственный страх породил в нем не знающую компромиссов агрессивность. "Чемпион" пошел в бой, не думая ни о чем и не видя перед собой ничего кроме трех небритых рож. Хотя, если быть честным до конца, именно он из всех присутствующих в самолете, был менее всего способен на такой подвиг. Наш герой попросту упал в обморок, если бы вдруг узнал, что бандиты угрожают взорвать самолет. Интересная история, правда?..

Я кивнул.

– Довольно занимательная. Только зачем вы мне ее рассказали?

– Зачем? – следователь улыбнулась. – Затем, чтобы объяснить вам ваше теперешнее поведение. Вы лезете в драку, но у вас под ногами бездна. Правда, я немножко недооценила вас. Честное слово, если бы я знала вас чуть лучше, наше первое, вчерашнее знакомство, не было бы столь драматичным.

– Не подлизывайтесь.

– Я и не думаю. Кстати, вчера утром меня вызвали на ковер и порекомендовали провести с вами жесткую беседу.

– Теперь я рекомендую вам провести точно такую же беседу с вашим начальством.

Следователь игриво рассмеялась.

– Я была бы очень рада это сделать, но, к сожалению не могу. Поэтому я еще раз напомню вам о кирпичных завалах на участке вашего друга. Это очень большая проблема.

И многое будет зависеть от того, кто будет ее решать: я одна или мы вместе с вами.

Я лишний раз подивился тому, как умело красавица с милицейскими погонами смогла взять себя в руки. Какой замечательно легкий и подвижный характер!

Я вытащил из пачки вторую сигарету и принялся разминать ее пальцами. Мне было о чем подумать. Но мой ответ следователю был лишен всякой логики.

– Вы мне надоели, – твердо сказал я. – Вы мне надоели так сильно, что если бы я был вашим мужем, я бы попросту ушел к другой женщине.

Красивое и веселое лицо следователя дрогнуло. Мой удар попал точно в цель. Да, его было трудно отнести к тем приемам, с помощью которых джентльмены выясняют отношения с зарвавшимися ледами, но, в конце концов, я просто не мог простить следователю вчерашний допрос. Это было бы выше моих сил.

Светлана попыталась возобновить прежний игривый тон разговора, но я еще раз повторил свою предыдущую фразу. Наш дальнейший диалог со Светланой Шарковской быстро превратился в критику личных недостатков друг друга, при чем довольно уничижительную. Но если я веселел с каждой минутой, то лицо следователя, к концу нашей перепалки, приобрело нездоровый, красноватый оттенок. Она даже швырнула в меня пепельницей, но промахнулась и, сунувшаяся было в кабинет чья-то голова с вопросом: "Извините,

спросить можно?", исчезла вместе со звоном разбившейся о дверь пепельницы, не задавая дальнейших вопросов.

Я торжествовал. Когда меня под руки выволакивали из кабинета под нервные выкрики следователя: "Я еще завтра поговорю с тобой, подлец!", я уже настолько прекрасно себя чувствовал, что пожелал ей застрелиться уже сегодня.

В мою одиночную камеру меня проводил милиционер самого добродушного вида. Перед тем, как закрыть дверь, он пожелал мне спокойной ночи.

Глава третья

в которой рассказывается о торжестве победителя и о том, что когда государство опускает руки, настоящая женщина продолжает сражаться с фанатизмом камикадзе.

Утром я проснулся почти счастливым. А если бы толстый, солнечный луч, косо падающий на стену, не был поделен на порционные куски тюремной решеткой, как знать, может быть, я был бы счастлив вполне. Мое внимание привлек запах торта. Я подошел к столу и осмотрел его остатки.

Почему-то во всех старых любовных романах, так или иначе касающихся тюремной тематики, заключенные очень любят кормить пернатых. Например, голубей обитающих, по уверениям авторов этих романов, в казенных юдолях печач-

ли в достаточных количествах. Представьте себе на минутку следующую картину: бледное существо в полосатой робе со слезами на глазах ласкает вольного голубка, кормит его крошками скудного пайка и после кроткого поцелуя отпускает его на волю. Говорят, после прочтения подобных сцен нервные дамы бальзаковского возраста падают на диван и содрогаются от рыданий. "Ах, голубок!.. Ах, невинно осужденный!" Но мне, по совести говоря, не понятно одно, почему эти вольнолюбивые птички так любили тюрьму? Это была их общественная столовая или, воздухом свободы играл с птичками слишком злую шутку? Впрочем, время меняет не только и птиц, и общественные формации государства. Допустим, если сегодня в обычную квартиру залетит голубь, я не сомневаюсь, что это вызовет у коренных ее обитателей или шок, или большие сомнения в психическом здоровье птички. Ведь свобода, как и несвобода, – хотя и довольно сложные понятия, но всем пора бы знать, что они зависят только от человека, а не от стен, решеток и прочего театрално-литературного антуража. Уж слишком просто объявить дефицит первого и переизбыток второго, а значит откуда знать вдруг впорхнувшей в человеческое жилье птичке, кто перед ней: злодей или гений, просто добрый человек или любитель-сыроед?..

Я еще раз осмотрел торт. С ним определенно нужно было что-то делать: или съесть самому или скормить тому "голубю", который погромыхивая гулливерской связкой ключей,

прохаживался в коридоре. В конце концов, скорее всего от скуки, я склонился в сторону рыночных отношений. После недолгих переговоров через дверную кормушку времен Лаврентия Берия, мне удалось обменять остатки кондитерского изделия на пару сигарет. Сделка прошла успешно. Но уже через час в конце коридора шумно и энергично заработал сливной бачок. Когда это перестало меня веселить, я подошел к окну и задумался о своем теперешнем положении.

В игре следователя что-то явно не ладилось. Об этом мне поведала истерика, на которую мне довольно легко удалось спровоцировать Светлану Шарковскую. Как известно, женский крик – всегда признак слабости. Но для дальнейших рассуждений мне не хватало фактов и знания событий.

Ближе к вечеру ко мне в камеру пришел вчерашний вежливый милиционер. Он попросил меня собрать свои вещи, проводил к выходу и на прощание пожелал всего доброго.

Едва переступив порог КПЗ, я едва не был растерзан толпой восторженных людей. Первой женщиной повисшей у меня на шее была адвокат Надежда Шарковская. Моя жена Рачка, веселая и счастливая, на радостях согласилась потерпеть эту сцену целых пять секунд, а потом ревниво оттерла адвоката в сторону.

Окинув взглядом собравшуюся толпу, я с удивлением подумал о том, как много у меня прекрасных друзей. Пришел даже "кадровик", женолюб и закоренелый бюрократ Гриша. Он мял в руках кепку и затравленно посматривал на Надеж-

ду Шарковскую. Здесь же был главный редактор Федор Иванович. Он размахивал свежим номером своей газеты, проповедуя толпе свободу слова. Коля стоял в стороне и, потупившись, рассматривал свои ботинки. Когда я поздоровался с ним, он радостно улыбнулся и в его больших, грустных глазах появились слезы. Что же касается остальных собравшихся, то подавляющее их большинство составили многочисленные Раины родственники. Моя молодая жена подняла на ноги всех, кого только смогла. Уверен, что ее объяснение произошедшего со мной было, мягко говоря, не объективным. Этот вывод я сделал после того, как заметил, что кое-кто из родственников, включая женщин, пришли к воротам КПЗ, бережно прижимая к груди революционные булжники.

Ближе к вечеру торжество по случаю освобождения невинно осужденного (точнее, не совсем гуманно допрашиваемого подследственного) незаметно переросло в дружескую попойку. Я узнал много нового и интересного. Оказывается, после визита ко мне адвокат Надежда Шарковская развила самую бурную деятельность. Первое, что удалось сделать темпераментному адвокату, – вытащить на свободу Колю. Под ее чутким руководством там же, в камере, мой друг симулировал сердечный припадок. Несколько опоздавший к началу представления врач "скорой" был вынужден забрать Колю в реанимацию. Как я полагаю, дело опять не обошлось без спекулятивного обвинения в попытке изнаси-

лования должностного лица находящегося при выполнении своих адвокатских обязанностей другим должностным лицом, находящимся при выполнении черт знает чего.

Затем Надежда Шарковская посетила редакцию. Результатом визита стала статья, написанная Федором Ивановичем и появившаяся в газете (на первой полосе!) на следующий день. Я не берусь с точностью пересказывать ее содержание, но вкратце суть статьи сводилась к следующему: выдающийся писатель-диссидент (он же философ-моралист и правозащитник) брошен в подвалы местного милицейского гестапо и подвергается там нечеловеческим пыткам. Что ж, с этим было трудно не согласиться... Но вот дальше в статье приводились факты, мягко говоря, взятые с потолка. Не сомневаюсь, что вторую часть статьи сочинила сама Надежда – так излагать мою биографию мог только человек знающий меня исключительно понаслышке и думающий во время ее написания о чем угодно, только не об умственных способностях своего героя. Изображенный в статье весьма активный идиот не защищал разве что пингвинов от мороза в Антарктиде. Лично мне это очень не понравилось. Но что касается родственников Раи, то с тех самых пор они испытывают передо мной чувство едва ли не полубожественного благоговения.

Следующей жертвой Надежды пал вождь институтского отдела кадров Гриша. Трудно себе представить каким моральным оскорблением был подвергнут сей женолюбивый тип, но то, что я увидел перед собой на вечеринке, было, по-

жалуй, только третью прежнего бесшабашного Гриши. Его душевная травма была настолько огромна, что Гриша мог смотреть (да и видеть тоже!) только на адвоката Надю Шарковскую. Он молча поглощал спиртное и часто мигал желтыми, кошачьими глазами. В ночь перед моим освобождением, Надежда, опасаясь визита милиции, ночевала у Коли дома. Гриша простоял под окнами до утра. Портфель со списками дачников он прижимал к бюрократической, пухлой груди.

Наша домашняя вечеринка удалась на славу. Пили в основном за мое здоровье и, по настоянию Федора Ивановича, за свободу слова. Второй тост часто провозглашал он сам и несколько переусердствовал. Когда его провожали, Федор Николаевич проповедовал свои идеи висевшим в прихожей курткам и плащам, а так же придремавшему возле них моему тестю Ивану Егорычу. Тесть сначала хотел поспорить, а потом передумал и снова уснул.

Как я уже говорил, застолье носило весьма скромный характер и к часу ночи женское большинство сделало все возможное, что бы, наконец, вытащить из-за стола мужчин. На автобусной остановке, в ожидании заспанных такси, Надежда Шарковская раздала последние инструкции гостям согласившимся помогать мне и дальше: Гриша занимал свой пост в институте; так и не удосужившийся познакомиться со мной некий дядя Леша должен был завтра же отключить в доме следователя воду и электричество; а одна из многочисленных тетей моей жены, дама с до отвращения ехидным голо-

сом, через каждый час должна была звонить следователю на работу и интересоваться здоровьем ее мужа. Были и другие инструкции, но они носили более интимный характер и шептались только на ушко. Судя по всему, сестричке адвоката в самое ближайшее время предстояло пережить немало неприятностей. Надежда не только отлично усвоила недавно изложенный мной план юридической защиты, но и творчески развила его с чисто женским умением.

О, Данте Алигьери!.. Путешествуя по преисподней, ты нашел там девять кругов ада, но не пропустил ли ты еще один, самый страшный десятый круг? Тот самый, в который одна женщина может с головой окунуть другую, сражаясь за обладание существом, которое некий шутник, в минуту слабости, назвал сильным полом?

Ночью Рая была особенно ласкова со мной. Женщины любят победителей, пусть даже и немного помятых в процессе приключений. Наша взаимная страсть возобновилась и утром, как вдруг в прихожей раздался громкий звонок. Я в сердцах ударил ладонью по подушке и выругался. Рая рассмеялась, погладила меня по голове и назвала "бедненьким". Не найдя в темноте трусы я обмотался простыней и направился встречать заранее горячо нелюбимого гостя.

За дверью стояла жена Коли Настя с мокрыми от слез глазами. Еще не успев задать ни единого вопроса, я вдруг услышал страшную новость – Колю снова забрали в милицию.

От неожиданности я уронил простыню. Не обратив на это никакого внимания, и потрясенная личным горем Настя упала мне на грудь. Я немного смутился и не знаю, что подумала о нас соседка, спускающаяся по лестнице с верхнего этажа. Впрочем, она ничего не сказала и только понимающе усмехнулась.

Справившись с замешательством, я поднял простыню и попытался выяснить у несчастной женщины подробности случившегося. Увы, но с таким же успехом я мог расспрашивать местного дворника – Настя то и дело начинала плакать. Кое-как мне все-таки удалось выяснить хронологию событий. Оказывается, по настоянию Надежды Шарковской, Коля провел ночь гараже. Адвокат не без оснований опасалась, что ее сестричка не оставит моего друга в покое. Настя решила, что холодный гараж почти та же Сибирь, и смело направилась следом за мужем в добровольную ссылку. В пять часов утра за Колей пришли. Милиционеры выломали дверь. Коля дрался с отчаянностью кота впервые подвергающегося кастрации, но его стукнули по голове большой, черной палкой и куда-то унесли.

Я возмутился. Нет, это уже было слишком!.. Черт возьми, если государство нацепило погоны женщине, это еще не значит, что она может безнаказанно хватать биржевиков-первоклашек и уж тем более бить их палками по голове.

Уже через пять минут я спешил на автобусную остановку.

Перед тем как сесть в такси я обратил внимание на то, что один из мужиков недавно ломавший свой сарайчик, теперь снова возводит его. Впрочем, я слишком спешил и не даже не попытался задуматься над этим странным фактом.

Еще через полчаса я вошел в кабинет следователя. Меня ждали и встретили приветливой улыбкой. О, это была великолепная провокация!.. Будь на моем месте человек с более обостренным чувством справедливости и собственного достоинства, он бы попросту взял следователя за нежное горло и, пока та медленно умирала у него на руках, сказал ей все, что та давно заслуживала узнать. К счастью, я вовремя спохватился и после небольшого раздумья улыбнулся Светлане Шарковской в ответ.

Начало нашего разговора носило малоинформативный характер. Мне просто необходимо было взять себя в руки, и я начал издалека. Светлана поддержала беседу довольно охотно. Но как только я перевел разговор от обсуждения погоды к таким абстрактным понятиям как человеческая совесть и гуманизм, следователь загадочно улыбнулась и замолчала.

Наконец я решил перейти к цели своего визита и прямо спросил:

– Между прочим, за что вы арестовали Колю?

– Вы имеете в виду спекулянта и вымогателя Николая Швырева? – деловито осведомилась Светлана. – Должна заметить, что вы проявляете к его делу нездоровый интерес. Недавно вы утверждали, что не поддерживаете с ним ника-

ких отношений.

– Вы правы, – я закурил. – Но дело в том, влюблен в его жену. Вы должны засадить этого хапугу на возможно больший срок. Чем я могу вам помочь?

Следователь щелчком пододвинула мне пепельницу. Щелчок оказался слишком сильным и пепельница свалилась мне на колени.

– Попала, – радостно констатировала женщина.

– Конечно, попали, – легко согласился я. Мне пришлось отряхнуть брюки, после чего я поставил пепельницу на стол и аккуратно положил в нее сгоревшую спичку. – Но вы не ответили на мой вопрос.

В глазах следователя вспыхнул азартный огонек. Она снова протянулась к пепельнице, но я быстро переставил ее подальше. На лице Светланы появилось чисто детское, капризное выражение типа "ну, я так не играю".

– Так что мне делать? – снова спросил я.

Следователь пожала плечами.

– Просто уйдите отсюда и все.

– Не могу. Я писатель-диссидент, правозащитник и философ-моралист.

– Не слишком ли много для человека отсидевшего меньше двух суток? – рассмеялась Светлана.

Я смущенно кашлянул.

– Ну, во-первых, в общей сложности и с учетом предыдущих сроков я отсидел несколько больше, а во-вторых, на до-

суге, я написал научный трактат.

– Какой, если не секрет?

– "Государство и экзекуция". Не читали?

– Нет, я предпочитаю теории практике.

Света снова посмотрела на пепельницу. Та стояла слишком далеко. Женщина вздохнула и перевела взгляд на меня.

"Ну, что ты сидишь здесь? – довольно ясно сказали мне ее насмешливые глаза. – Неужели ты не понял, что если кошка не может поймать двух мышат сразу, ей остается сосредоточить свое внимание только на одном из них, самом бестолковом? А тобой я займусь позже. И будь уверен, я не оставлю тебя в покое до тех пор, пока моя уставшая от поражений сестричка не убедится в собственном ничтожестве".

– Кстати, ваши мелкие пакости, – уже вслух сказала следователь. – Например, отсутствие в доме воды или звонки полусумасшедших девиц, меня совершенно не трогают. Что же касается... – неожиданно следователь покраснела. – Впрочем, не будем об этом. От философа-моралиста я такого не ожидала.

Я подумал, что же могло заставить покраснеть эту женщину, и вдруг понял, что не смогу ответить на этот вопрос даже через тысячу лет. Для решения такой задачи нужен был исключительно женский ум. Ну, хотя бы такой, как у Надежды Шарковской.

– Жизнь – сложная штука, – на всякий случай сказал я. – Иногда нам, моралистам, стоящим на переднем крае нау-

ки о человеческих отношениях, приходится искать решения некоторых проблем за гранью привычного и даже разумного.

– Я так и поняла, – кивнула Света. – А теперь вы можете идти читать лекции жене подследственного. Можете быть спокойны, вам не придется прятаться в шкафу или прыгать в окошко.

– Уверены?

– Ну, конечно же. Кстати, вы начинаете мне надоедать.

– Господи, но кто может сравниться терпением с женщиной?!

– Осел.

Последняя фраза следователя прозвучала довольно сухо. Я посмотрел на свои руки и заметил, что начинают чуть-чуть подрагивать.

– Вы с ума сошли! – я перешел на крик. – Против Коли у вас ничего нет.

– У меня есть маленькая пирамида Хеопса на его участке.

– И все?

– Ну, если не считать требований о скорейшей экзекуции вашего друга со стороны уважаемых граждан, то это действительно все.

– Боюсь, что этого будет мало.

– А почему вы кричите? Я где-то слышала, что если мужчина переходит на крик, это, прежде всего, говорит о его неуверенности в собственных силах.

Я выронил сигарету. Улыбка следователя снова стала

снисходительной.

– Отпустите Колю, – глухо и безнадежно потребовал я.

– И не подумаю. Ваш друг находится у меня под рукой и он нужен мне для важной работы. Если у меня возникнут какие-то вопросы, он всегда сможет на них правдиво, а главное, правильно ответить.

– Вы забыли о темпераменте своей сестрички, – напомнил я. – Вполне возможно, что сейчас она формирует партизанские отряды или ведет пропаганду среди солдат Кремлевского гарнизона.

– С сегодняшнего дня Надежда будет проявлять свой темперамент только за стенами моего кабинета.

– Учли свои прошлые ошибки?

– Не столько свои ошибки, сколько ваши успехи в воспитательной работе. И вот еще что... – следователь немного подумала. – Знаете, наша мать рассказывала, что мы с сестрой дрались еще в утробе. Потом, после появления на свет, наши драки стали принимать все более и более принципиальный характер. Но побеждала всегда я. Слышите?.. Только я!

– Врете.

– Зачем мне врать?

– Не знаю, может быть ради собственного удовольствия.

Я всеми силами пытался сохранить внешнее спокойствие. Но мои мысли метались в поисках выхода, словно аквариумные рыбки, к которым с неожиданным визитом заявился речной, голодный ерш. Попытка сыграть на чувстве превос-

ходства следователя была только жалкой соломинкой, за которую я пытался ухватиться. Я искренне не знал, что мне делать дальше.

– Хорошо, – согласилась Светлана. – Вы можете позвонить нашей матери. Она вам все расскажет сама.

"Господи, – взмолился я, еще не веря в удачу. – Только бы она дала ее номер телефона!"

Следователь назвала номер.

– Ну, даже не знаю... – с явно наигранной неуверенностью сказал я. – Впрочем, может быть и в самом деле позвонить?

– Позвоните обязательно. Я думаю, это добьет вас окончательно. Моя сестричка обычная неудачница и всегда пыталась доказать обратное. А вы только пешка в ее игре.

На столе зазвонил телефон. Следователь сняла трубку, выслушала сообщение и, ответив коротко "нет", положила ее на место.

– Надежда желает со мной поговорить, – пояснила Светлана. – Кстати, она в панике. Мы очень быстро отыскали вашего друга.

После недолгого колебания я, наконец, решился задать вопрос, который в силу сложившихся обстоятельств, должен был рано или поздно прозвучать в нашей беседе. Это был главный вопрос – храм, войдя в который, игрок должен был снять свою маску. Я не хотел рисковать здоровьем Коли и решил задать этот вопрос именно сейчас.

Я глубоко вздохнул и спросил:

– Что вы хотите?

Ах, бедный Гамлет, терзающий свой изощренный разум жалким "Быть или не быть?" Разве может твоя дилемма сравниться глубиной и тайным смыслом с этим вопросом? "ЧТО ВЫ ХОТИТЕ?" Человечество придумает новые социальные законы, двинет к горизонту границы нравственности и напридумывает еще много чего такого, что не снится сегодня даже сумасшедшим, но снова и снова будет звучать этот воистину бессмертный вопрос: "ЧТО ВЫ ХОТИТЕ?" Он будет задаваться в диалогах Великих Ученых с Великими Инквизиторами, противным, изнаночным шепотом тлеть за политическими трибунами, выйдет в космос, устремится в Вечность и я уверен, что однажды какая-нибудь среднестатистическая сволочь, отдавшая Богу душу, спросит и самого Творца: "ЧТО ВЫ ХОТИТЕ?"

Светлана не спешила с ответом. Она достала сигарету и долго щелкала зажигалкой.

– Видите ли, в чем дело ... – кончик сигареты следовательно наконец-то приблизился к огоньку зажигалки и искупался в нем. Светлана с нескрываемым удовольствием выпустила струйку дыма. – Откровенно говоря, мне жаль вашего друга.

"Отдавать замуж за Квазимодо надо за такую жалость!", – подумал я.

– ... Он хороший и, в отличие от вас, в общем-то, довольно безобидный человек, – продолжила следователь.

– Коля талантливый человек, – с ноткой раздражения за-

метил я. – И не собираюсь обсуждать в вашем кабинете его достоинства. Если можно, то покороче, пожалуйста.

– А куда мне спешить? – наигранно удивилась следователь. – Во-первых, мне очень хочется еще чуть-чуть поиздеваться над вами. А, во-вторых, мои будущие майорские погоны, в данный момент, сидят в камере и в ближайшее время покидать ее не собираются.

– Неужели за такое дело вас могут повесить в звании?

– Ну, смотря как представить это дело.

– Простите, мне можно наконец-то от души выругаться в вашем высочайшем присутствии?

– Но-но, я все-таки женщина! – следователь выпустила мне в лицо струйку дыма. – А на свете нет ничего опаснее униженной и оскорбленной женщины. Откровенно говоря, знаете в чем ваша ошибка? Вы сглупили и вмешались в женскую драку.

– Да?!... А вам не кажется, что я совсем не собирался этого делать и меня попросту втянули в нее? – я тут же поймал себя на мысли, что начинаю оправдываться. Мне стало тошно до боли, и я сказал:

– Я даю вам еще минуту, Светлана Петровна. Если вы не ответите на мой вопрос, я уйду отсюда. Я еще не знаю, что буду делать, но я поставлю на уши весь город. Возможно, для меня все плохо кончится, но я, как философ-моралист, постараюсь навешать на вас столько дохлых собак, что вам попросту некуда будет прищипливать свои майорские погоны.

Следователь довольно искренне рассмеялась.

– Нет, все-таки вы мне чем-то нравитесь.

– И что дальше? – я посмотрел на часы. – Какие выводы мне сделать из сказанного?

– Простые. Вы мне нравитесь, и я приглашаю вас завтра пообедать со мной. Вы такой стеснительный, что наверняка не решились бы пригласить меня сами.

– А вы не боитесь, что я вас отравлю во время обеда?

– Не-а. Кстати, соблазнять вас я тоже не собираюсь. Насколько мне известно, у вас не кончился медовый месяц. Короче говоря, я жду вас завтра в час дня, в ресторане "Восток". А теперь до свидания.

Уходя, я хотел было плюнуть на ковер, но сдержался. Когда имеешь дело с непредсказуемой женщиной, свои эмоции нужно сдерживать. Хотя бы до поры...

Глава четвертая

в которой с грустью рассказывается о том, что все женщины законченные эгоистки, а так же о том, что жизнь иногда любит бить по голове о чем-то задумавшихся суперменов.

На улице, у выхода из КПЗ меня ждала адвокат Надежда Шарковская. За ее спиной маячила физиономия Гриши. В его широко распахнутых глазах горел революционный огонь

фанатика-цареубийцы.

Мы поздоровались.

– О чем вам говорила Светка? – быстро перешла к делу Надежда. Ее голос дрожал от едва сдерживаемого негодования. – Впрочем, я и без вас знаю. Она рассказывала вам про меня всякие гадости.

– Для начала вам следовало бы поинтересоваться здоровьем Коли, – сухо заметил я. – Например, я так и не нашел ответа на вопрос, почему он, после сердечного приступа, поперся ночевать в гараж, а не остался в больнице.

– А вы думаете, что Светка, зная о его местонахождении, оставила бы его в покое?

– Да, но и гараж не конспиративная квартира.

– А вы знаете, как его нашли? Теща понесла своему любимому зятю горячий кофе в гараж. В четыре часа утра!..

– Вы забываете, что имеете дело с обычными людьми. А они всегда мало предсказуемы, – мое внимание привлекала свежая, тщательно припудренная царапина на щеке Надежды.

Я немного подумал и добавил:

– Иногда они даже причиняют боль своим близким.

Надежда слегка покраснела. Такой факт не мог не вызвать у меня некоторые, пока еще довольно смутные, догадки. Я посмотрел на Гришу. Кажется, он держал под полой своего плаща что-то тяжелое.

Надежда подошла ко мне поближе и доверительно взяла

за руку.

– Послушайте, я не хотела вам говорить об этом раньше, – она попыталась заглянуть мне в глаза. – Вы могли меня не правильно понять... В общем, я первая встретила Гену три года тому назад. Дело уже шло к свадьбе, но тут вмешалась Светка. Это было очень подло с ее стороны. Гена ушел к ней... А теперь я только вернула его.

– Очень интересно, – сухо сказал я. – Продолжайте, пожалуйста.

– Повторяю, я только вернула его!

– Я понимаю. Только, пожалуйста, поясните мне, о каком Гене идет речь?

Мы встретились с Надеждой глазами.

"Как это, о каком? – довольно красноречиво сказал мне женский взгляд. – Ну, конечно, о том самом, который..."

Я отвернулся. Дуэль женских самолюбий стала причиной Колиных бедствий и поэтому интересовала меня примерно так же, как прошлогодняя газета пусть даже с моей статьей. Я – сильнее Коли, и я всегда смогу вывернуться даже из очень дрянной ситуации. А вот он – нет.

– Спасибо за разъяснения, Надя, – сухо сказал я. – Теперь мне пора домой.

– Подождите, – Надя снова схватила меня за руку. – Что вы собираетесь предпринять?

– Пока не знаю, – соврал я.

– У меня есть хороший план.

– Догадываюсь, какой. Гриша притащил с собой бомбу и собирается взорвать КПЗ.

Адвокат мельком взглянула на своего спутника.

– Это не бомба, а портфель со списками... – быстро пояснила Надя, но тут же сбилась с мысли и закричала: – Прекратите надо мной издеваться!

– С удовольствием это сделаю, – я аккуратно освободил свою руку. – Я вам завтра позвоню. До свидания.

– Вы не можете просто взять и уйти.

– Могу. Тем более что я у вас ничего не брал. Я уже устал от вас и вашей не менее взбалмошной сестрички. В самое ближайшее время я сделаю все возможное, чтобы закончить дело. И мой вам добрый совет, уведите отсюда Гришу. Он до беспамятства влюблен в вас, и может натворить черт знает что.

На углу меня догнала Настя. Мягко прижавшись к моему плечу, она снова заплакала. Она плакала тихо и жалобно, как может плакать только глубоко несчастная женщина.

Отойдя на безопасное расстояние от Надежды Шарковской, я остановился возле телефона-автомата и порылся в карманах. Настя протянула мне целую горсточку мелочи. Когда я заметил, как дрожит ее тонкая рука, я вдруг почувствовал, что в моей груди нарождается какое-то новое, доселе неизведанное чувство. Это был хороший признак, потому что-то чувство, которое я выносил в своей груди, можно бы-

ло смело назвать холодным и расчетливым бешенством.

Я быстро набрал телефонный номер названный мне Светланой. Ответивший мне голос мог принадлежать только старушке ангельского вида с ямочками на щеках. Я постарался вкратце изложить суть своего дела. Старушка внимательно выслушала и посоветовала мне как можно быстрее убраться из города. Я спросил, почему и тут мама сестер Шарковских поведала мне одну, довольно любопытную историю. Как-то раз, еще в голубом детстве, ее дочки-близняшки не поделили котенка, подаренного им на день рождения теткой. После упорной борьбы за обладание драгоценным котенком Светочка и Наденька наконец-то нашли компромисс и выбросили бедное животное в окно. По словам мамы, обе ее девочки считали себя победительницами. Светочка и Наденька вообще никогда никому не проигрывали, оставляя такую честь кому угодно, только не себе. Впрочем, та, что родилась на час позже и потом подалась в адвокатуру, обладала все-таки более мягким характером. Мама припомнила, что именно Наденька перевязывала голову мальчишке, на которого свалился котенок.

История с котенком заинтересовала меня, и постарался расспросить о ней подробнее. Словоохотливой маме Шарковских понравилась беседовать с посторонним, но очень вежливым человеком. Она рассказала мне еще целую кучу довольно любопытных фактов. Оказывается, в борьбе девочек за котенка был и такой этап, когда они обе гнали его.

Это произошло после того, как окончательно обалдевший от приключений котенок перепутал спальни сестричек, то есть самовольно перебрался из одной спальни в другую. Тогда та девочка, от которой он ушел, не растерялась и принялась утверждать, что она сама выгнала надоевшего ей котенка. А та, к которой он пришел, не желая оставаться в дураках, заявила, что котенок ей совсем не нужен. Так на некоторое время бедный котенок стал изгоем. Но, увы, ненадолго. Едва он прижился в спальне мамы и девочки наверняка удостоверились в том, что за котенка можно снова хорошенько подраться, схватка возобновилась с новой силой.

Я беседовал со словоохотливой старушкой довольно долго, до тех пор, пока Настя не замерзла. Потом поблагодарил собеседницу и повесил трубку.

Мы медленно побрели по тротуару... Настя уже перестала плакать. К моему удивлению, все попытки заговорить с ней оказались безуспешными. Настя молчала и смотрела куда-то в сторону. У ближайшего кафе я остановился и предупредительно распахнул перед Настей дверь.

Честное слово, когда в октябре грустные дворники жгут листву, кофе приобретает какой-то особый, терпкий привкус. Он больше горчит, пахнет дымом, и его теплота кажется куда более приятной, чем, допустим, в жарком июле.

Я улыбнулся и задал Насте самый что ни на есть дурацкий вопрос:

– Ты любишь пить кофе в октябре?

Настя механически кивнула, рассматривая стакан.

– Посмотри за окно, – попросил я.

Настя посмотрела.

– Октябрь. Падают последние листья, и мы пьем кофе...

– я говорил противным голосом поэта-неудачника испытывающего очередной приступ вселенской скорби. – Пройдет год, снова будут падать листья, и мы снова будем пить кофе. Все проходящее, Настенька. Вечных истин нет, кроме одной. А она гласит, что все проходящее – вечно. Нужно жить дальше. Кстати, ты меня слушаешь или нет?

– Слушаю, – Настя кивнула. – Я тебя очень внимательно слушаю. Десять минут назад, в телефонном разговоре, ты расспрашивал какую-то женщину про кота, а теперь решил сойти с ума и заговорил о кофе в октябре.

– Я пытаюсь понять, что мне делать дальше.

– Жаль, что этого не может сделать Коля. Я уверена, что сейчас, в кабинете следователя, его бьют по голове большими, черными палками.

"Пора, – решил я. – Извини, пожалуйста, меня Настя, но пора!.."

– А тебе не приходила мысль, что Коля сам во многом виноват? – резко спросил я.

– Коля?.. А разве он, а не ты написал идиотскую статью?

– Я хотел вернуть кирпич.

– Плевать я хотела на твой кирпич.

– Не на мой, а на свой.

– На свой тем более. Мне нужен Коля.

– Во время следствия Коля сразу же заявил, что он, мягко говоря, не очень сильный человек. А таких, как известно, любят бить. Иногда из простого интереса.

– Во-первых, Коля не заявлял ничего подобного, – повысила голос Настя. – А, во-вторых, он умный и сильный. По вечерам, когда другие мужики пьют водку или лезут в постель к чужим женщинам, Коля сидит дома и работает.

– Конечно, – согласился я. – А когда не работает, то пьет сухое вино и играет с тобой в поддавки на шелчки.

– Вот именно этим он мне особенно дорог! – громким, трагическим голосом заявила Настя.

Мы встретились с ней глазами. Я невольно подумал о том, как сильно изменилось ее лицо за последние полчаса: оно осунулось, стало твердым, а возле носа вдруг пролегла легкая тень суровой морщинки.

Я немного подумал и сказал:

– Пойми, я не могу говорить с тобой о деле до тех пор, пока мне не удастся по-настоящему разозлить тебя. Пони-маешь?.. Сейчас я пытаюсь добиться именно этого. Но я не уверен, что у меня у меня получается...

– Я готова тебя убить только за одно кислое выражение твоей физиономии, – твердо сказала Настя.

Я отрицательно покачал головой.

– Не верю.

Настя приподнялась, взяла с соседнего столика стакан с

недопитым кофе и вылила мне его на голову.

– А теперь?

– Уже лучше, – я вытащил платок и вытер мокрые волосы. – Интересно, как Коля прожил с тобой семь лет? При определенных обстоятельствах твои чувства очень трудно понять. Ты – женщина загадка.

Настя встала.

– Я пошла домой.

– Ты не пойдешь домой. А теперь сядь и спроси почему.

– Пошел ты к черту.

– Отлично! Сядь.

Настя нехотя села и посмотрела на входную дверь. Любое мое следующее слово могло стать в нашем диалоге последним.

– Итак, мы начинаем действовать, – сказал я. – Точнее говоря, действовать будешь ты. Сейчас ты поедешь домой к адвокату Надежде Шарковской и познакомишься с ее любимым мужчиной Геной.

– Зачем?

– Затем, что завтра в час дня ты отправишься со мной в ресторан "Восток". Там мы пообедаем со следователем Светланой. Она тебя не приглашала, но ты придешь. Так вот, завтрашняя встреча не будет иметь никакого смысла, если мы не сможем к ней как следует подготовиться.

– Я ничего не понимаю, – призналась Настя.

– Откровенно говоря, и я тоже. Но вполне возможно, что

завтра нам повезет. Теперь что касается твоего сегодняшнего задания... – я понизил голос до шпионского шепота, но на Настю это не произвело никакого впечатления.

Я невольно вспомнил сестричек Шарковских и едва не прослезился от умиления: как все-таки легко работать с женщинами, у которых чувства опережают мысли!

– Ты позвонишь в квартиру адвоката, – продолжил я. – Когда тебе откроет дверь симпатичный мужик по имени Гена, скажешь ему, что ошиблась адресом.

– А что это за тип Гена?

– Это тебе и предстоит выяснить. Причем в довольно грубой и – извини! – возможно, даже несколько вульгарной форме.

Брови Насти поползли на лоб.

– И какой именно?

– Поймешь по ходу дела.

– Но я не знаю адрес Нади и...

– Узнаешь его в адресном бюро возле центрального рынка, – прервал я очередные сомнения Насти. – Там у центрального входа сидит довольно шустрая и рыжая тетя, которая за пятьдесят рублей подскажет тебе не только любой адрес, но и место, куда хозяева прячут запасной ключ. Далее, ты войдешь в квартиру...

– А если этот Гена меня не пустит?

– Какой идиот моложе сорока лет не впустит в квартиру очень красивую, промокшую и продрогшую женщину?

– Но я не продрогшая и тем более не промокшая.

– Это легко устранимо. Купишь в киоске бутылку минеральной воды и выльешь себе на голову. Потом...

– Подожди, но на улице нет дождя.

– Настенька, это просто замечательно, что на улице нет дождя! – Я повысил голос. – Если бы сейчас шел дождь, я бы от горя рвал на голове волосы! Это первое. Второе, неужели ты думаешь, что если мужчина впустил в квартиру красивую, мокрую женщину, он тут же побежит к окну, что бы проверить идет ли на улице дождь? Людям, и особенно мужчинам, свойственно верить в удачу.

– Хорошо, дальше.

– Дальше ты будешь сушиться, пить с хозяином чай и болтать о пустяках. Например, о погоде.

– О погоде лучше не надо.

– Почему?

– Потому что тогда Гена действительно может посмотреть в окно.

– Пожалуй, ты права, – согласился я. – Ну, так вот, чтобы отвлечь его от окна, ты снимешь плащ, туфли...

– А остальное? – быстро спросила Настя.

Вернувшееся к Насте хладнокровие порадовало меня. Кто бы мог подумать, что взбалмошная и смешливая Настенька, оказавшись в критической ситуации и выплакав не такую уж большую порцию слез, вдруг совершенно неожиданно превратится в женщину с холодным взглядом професси-

онального карточного игрока? Нет, жизнь все-таки волшебная штука и иногда она может преподносить большие сюрпризы. Боже ж ты мой!.. Ну, что, например, сможет сделать, что противопоставить какая-то там социальная революция, Великая ли французская, Наивеличайшая ли Октябрьская, или пусть просто демократическая с тем переворотом, который сейчас произошел в душе ставшей одинокой Насте? Что?!.. А ничего. Ноль. Потому что все уйдет, все рухнет, все исчезнет, а Настя останется. Именно, именно так, а не наоборот, как учат дураков в школах. Знания, говорите?.. В общем, семечки все это, ваши знания, паутинки на ветру и утренний мороз в начале июня.

– Больше ничего из одежды ты снимать не будешь, – твердо сказал я Насте. – Поскольку Коля в тюрьме, то за твой моральный облик несу ответственность я.

Настя кивнула. Я отхлебнул кофе и продолжил:

– Дальше я начну говорить загадками. Теперь спроси за чем?

– Зачем?

– Затем, что когда человек на зубок знает свою роль, он теряет способность к импровизации. И ему перестают верить. Теперь слушай меня дальше очень внимательно: в общем, тебя ждут большие неприятности.

– Какие?

– Не знаю, но дай Бог, что бы они были. Советую тебе встретить их достойно. Если тебя начнут бить...

– А меня что и бить будут? – все-таки удивилась Настя.

– Не исключено. В конце концов, если где-то колотят мужа, то почему бы и его жене не попробовать пару тумачков? В случае чего одеваться будешь на лестничной площадке. Но перед этим ты должна сделать все возможное, что бы как можно дольше задержаться в квартире. Если вслед за тобой забудут выбросить твои вещи, позвонишь и напомнишь о своем существовании. Но не подходи слишком близко к двери, это может быть опасно. Потом ты приедешь ко мне домой.

Я замолчал. Настя раздумывала меньше минуты и потом сказала:

– Хорошо, я согласна. А когда вернется Коля?

– Коля вернется завтра.

Автобусная остановка находилась в трех десятках шагов от кафе. Мы прошли их молча, думая каждый о своем. Я посадил Настю в "маршрутку" и направился домой пешком. Мне необходимо было не спеша обдумать сложившуюся ситуацию.

В конце концов, размышлял я, любая истинная трагедия начинается с пустяка. Например, Оттело задушил Дездемону не из-за раздела имущества, а всего лишь из-за дешевого носового платочка. И даже прародительница Ева подсунула Адаму в раю совсем не бомбу, а вполне обычное с виду яблочко. Черт возьми, но такие действительно грандиозные явления природы как огромные пожары, землетрясения или

наводнения встречаются в человеческих трагедиях довольно редко и почти всегда остаются на втором плане. Что ни говори, а человек слишком эгоистичен для того, что бы уступать первенство даже матушке-природе.

Размышляя подобным образом, я совершенно незаметно добрался до своего дома.

Как я уже говорил, жизнь любит преподносить неожиданные сюрпризы. Но все-таки самые неожиданные сюрпризы это те, которые поджидают человека на пороге его собственного дома.

Едва я вошел в темный подъезд, вдруг чей-то хриплый и злой голос спросил меня:

– Где кирпич, сука?

Ждать моего ответа две смутно виднеющиеся фигуры не собирались. В ту же секунду на меня обрушился целый ураган ударов.

Должен заметить, что драка в темном подъезде с двумя абсолютно не знакомыми людьми занятие не только малоприятное, но и опасное. Как говорил один мой товарищ, когда бьют неизвестно за что, могут ударить черт знает чем.

Но мне повезло. Первые несколько секунд я смог устоять на ногах, а затем мне удалось довольно удачно увернуться от очередного удара и один из нападавших, что есть силы, врезал кулаком по почтовому ящику моего соседа-майора. Раздавшийся следом вопль распугал очередь, собравшуюся воз-

ле магазина на противоположенной стороне улицы. У соседа-майора раньше частенько воровали газеты, и недавно он воплотил в жизнь свою давнишнюю мечту – соорудил себе почтовый ящик из броневых плит боевой машины пехоты. Получив от меня увесистого пинка, "контуженный" хулиган пулей вылетел из подъезда и в дальнейшей "дискуссии" участия уже не принимал.

Второй нападающий оказался явно слабее. Когда мне удалось выкрутить ему руку за спину, он охнул и коротко сказал: "Все, хватит!"

Прежде, чем задать ему первый вопрос, я долго и тяжело дышал, привалившись спиной к стене. Неизвестный делал то же самое, но в полусогнутом положении и уткнувшись головой в стену.

– Так, где все-таки кирпич, сука? – наконец, спросил я. – Меня это тоже интересно.

– На участке твоего друга его уже нет, – нехотя ответил незнакомец и тут же присел от резкой боли в руке. – Честное слово нет. Его весь вывезли.

– Кто вывез? – невольно удивился я.

– А откуда я знаю?

Я попытался собраться с мыслями, наш диалог становился все более интересным. У меня возникла смутная догадка. Я вспомнил мужика, который принялся заново отстраивать свой сарайчик.

– Хорошо, давай начнем с самого начала, – предложил я. –

Откуда ты взял свой кирпич?

– Купил. А-а-а, гад, не дави, больно же!..

– Говори правду.

– Ну, взял.

– Где?

– Со стройки. Недалеко от моего дома котельную новую хотели построить.

– Хотели? – прервал я. – Впрочем, я понимаю. Теперь ее просто не из чего строить.

Дальнейший рассказ незнакомца был довольно путанным. Но, тем не менее, он полностью подтвердил мое недавнее предположение о перепуганных дураках.

– Когда ты был на участке? – спросил я.

– Сегодня утром. Хотел свой кирпич назад забрать...

– Передумал возвращать?

– Ага. Слух пошел, что статья твоя – туфта. Мой сосед смеется и говорит: мол, я раньше тебя кирпич сдал, но зато мне при обратной дележке больше досталось. Мы с братаном через забор посмотрели, а сосед-то, оказывается, вместо пяти тысяч штук десять привез. Обидно нам стало. Где же, спрашивается, справедливость?

– Вот и набил бы соседу морду.

– А причем здесь сосед, когда ты все начал?

Я усмехнулся. Порывшись в карманах незнакомца, я извлек оттуда что-то похожее на водительские права.

– Слушай меня внимательно, парень, – как можно тверже

сказал я. – У меня есть один знакомый следователь, довольно милая женщина. Она будет очень расстроена, если узнает, что в подъезде меня периодически подкарауливают какие-то темные личности. Ты хочешь быть крайним?

– Нет, – честно признался незнакомец.

– Правильно. Учти, после бесед со следователем Светланой Шарковской ее клиенты любят ошиваться возле кабинета психиатра и задавать всем один и тот же вопрос: "Кто крайний?" Они пристают с ним даже к нянечкам и уборщицам. Ты все понял?

К сожалению, я не мог отпустить своего оппонента просто так. Мне пришлось дать ему увесистый пинка, так как в противном случае он мог расценить мое поведение как слабость и заявиться еще раз.

Глава пятая

в которой рассказывается о том, что интриганы все-таки иногда достигают своей цели, а также о том, что любая интрига по своей сути иногда донельзя аморальна.

Дверь квартиры мне открыла Рая.

– Надя Шарковская уже здесь? – деловито осведомился я, снимая плащ.

– Здесь, – Рая улыбнулась и обвила мою шею теплыми руками. – А от тебя кофе пахнет.

– Я мыл им голову. Кстати, Надежда на меня не ругалась?

– Нет. Сейчас она руководит совещанием.

– Каким совещанием?! – искренне удивился я.

Рая рассмеялась.

– Не скажу до тех пор, пока ты не спросишь, за что я тебя полюбила.

– Хорошо. Так за что ты меня полюбила?

– За то, что ты веселый обманщик. А теперь скажи мне, откуда у тебя синяк на лице?

Я заглянул в зеркало. Кулак прошел вскользь, и синяк был совсем маленьким.

– Это не синяк, – заверил я жену. – Это след твоего последнего поцелуя.

– Опять обманываешь?

– Конечно. А теперь объясни мне...

Договорить я не успел. Рая что было сил, прижалась губами к тому месту на моем лице, к которому совсем недавно прикасался чужой кулак. Поцелуй был крепким, и мне стоило большого труда не поморщиться.

Рая довольно улыбнулась.

– Действительно не синяк, – заключила она.

Потеряв всякую надежду выяснить у жены, что же происходит в моем доме, я мимоходом поцеловал ее в ответ и прошел в зал.

Картина, которую я там увидел, была более чем живописна. Наверное, именно такие видения чаще всего посеща-

ют сны бывших премьер-министров и королей в изгнании: в комнате с конспиративно задернутыми шторами сидели за столом не менее десятка человек, причем как минимум трое из них произносили взволнованные речи. Совещанием руководила адвокат Надежда Шарковская. Это я понял по тому, что адвокат пыталась всех перекричать. Затея Надежды с собранием была довольно прозрачна – она испугалась, что мне удастся отстранить ее от дела. И она сделала довольно логичный шаг, решив стать другом моей семьи.

Я осмотрелся. Все гости, за исключением темпераментной Надежды, снова оказались родственниками моей супруги. Они еще не знали о моей склонности к аферам и пришли мне помочь.

Мое появление было встречено восторженным грохотом стульев. Целую минуту мне жали руки, хлопали по спине и два раза поцеловали в нос. Что поделаешь, но в нашей стране любят защитников прав человека. Ох, уж этот наивный, деревенский романтизм!.. Например, я уверен, что если простому человеку, который поспорил за огородную межу со своим соседом, вдруг предоставили право выбора к кому обратиться: к простому адвокату или философу-моралисту, тот, несомненно, выберет последнего. Быть совестью наивного человечества или, по крайней мере, взывать к ней ведь всегда так заманчиво. Хотя стоит ли взывать к совести всего человечества при разделе огорода?.. Прав, трижды прав тот, кто утверждает, что грянувший капитализм спас нашу

страну от тихого умопомешательства.

В конце концов, Надежда призвала всех занять свои места и продолжить совещание. Но с моим появлением и без того достаточно хрупкий авторитет адвоката затрещал по швам. Народ жаждал слова героя.

Во имя сохранения порядка и, как следствие, последующего перерастания благородного политического заговора в безобидную попойку, я поддержал требования адвоката. Ответом мне послужила осторожная улыбка Нади. После нашей недавней размолвки она, несомненно, испытывала некоторые сомнения в моей лояльности. И не без основания!.. Думаю, что Надя уже начинала жалеть о том, что слишком сильно преувеличила мои достоинства в газетной статье.

Снова задвигались стулья. Мне, как одному из главных действующих лиц, было предложено почетное место рядом с адвокатом. Когда все расселись по местам, вдруг выяснилось, что не хватило стула низкорослому и тощему дяде Леше. Ему предложили устроиться на диване, то есть занять место вне тесного круга заговорщиков. Он обиженно засопел и прочно замолчал.

Собрание возобновило свою работу. Черт возьми, это был целый океан различных мнений почти не имеющих отношения к моему делу! Кроме того, я пропустил начало дискуссии, и мне было довольно нелегко понять, почему дядя Миша вдруг заговорил о недостатках капиталистического распределения валового национального дохода. А, впрочем, я

даже и не пытался. Я вздохнул и принялся размышлять о том, что, пожалуй, ни в одной стране мира власть не пересажала столько людей "за политику", а, с другой стороны, нигде и никогда граждане, имеющие такую власть, с удивительным упрямством не возвращались к запретной теме. Но это не было бы так обидно, если бы не было столь бездарно!.. У вас плохой начальник? Виновата система социалистического планирования в легкой промышленности. Вашу породистую сучку изнасиловал соседский цепной кобель с репьями вместо орденов на груди? Виноваты недостатки капиталистического маркетинга. Ваша жена наставила вам рога? А вот в более цивилизованной стране эти рога наверняка оказались бы рогами изобилия.

Иногда мне кажется, что если бы в России не существовало политической системы, которая как гоголевский черт, успеваешь поспевать от забытого на столе утюга к реактору атомной электростанции, то нам, ее гражданам уже порядком измочаленной реформами страны, просто не о чем было бы говорить друг с другом.

Господи, спаси нас!.. Иначе Ты останешься без работы.

Громче всех гостей бушевал древний дедушка старобольшевистского образца. Дед призывал к подпольной работе с последующим собранием на площади и штурмом здания областной администрации. Доказывая свою правоту, он несколько раз стукнул клюкой по полу и, войдя в экстаз, ба-

рабанил ей до тех пор, пока его не одернули собравшиеся. Инцидент был исчерпан после того, как один из соседей деда по столу не посоветовал ему заняться подпольной работой прямо сейчас, отправившись под пол в бронежилете из досок. Что же касается второго пункта дедушкиной программы – собрания и штурма, – то он не вызвал никаких вопросов. Дед мог принять участие в них лежа на носилках.

В зал вошла Рая. Она стала позади меня и положила на плечо руку. Дискуссия достигла своего апогея. В хор мужских голосов все чаще врезались звонкие женские дисканты и через десять минут говорили буквально все.

Я покосился на Надежду... Если бы у адвоката была в руках палка, то, судя по выражению ее лица, она, как и старобольшевицкий дедушка, не задумываясь, пустила ее в ход. Я усмехнулся. Пора было переходить к заключительной стадии совещания – простому говорению за столом установленному безобидными бутылками со спиртным. В конце концов, водка может причинить здоровью гораздо меньше вреда, чем увлечение политикой.

Я взял вилку и уже было потянулся к графину, выполняющему роль председательского колокольчика, но, взглянув на лица собравшихся людей, вдруг едва не столовый инструмент. Меня словно ударило током: я вдруг увидел, как все присутствующие женщины смотрят на мою жену. Только слепой не увидел бы в этих взглядах самой заурядной человеческой зависти.

За первым открытием последовало второе. Все женщины точно так же как Рая стояли за спинами своих мужей, но если Рая молчала, то все остальные представительницы прекрасного пола буквально подталкивали своими советами мужей в тюрьму. Просто счастье, что их не слышали чиновники из федеральной службы контрразведки или личной охраны Президента.

Я оглянулся и посмотрел на Раю. Она стояла, устремив неподвижный и слегка затуманенный взор куда-то в вечность. Я тихо позвал ее, но Рая не откликнулась. Может быть именно сейчас, в своих мечтах, она, словно русская Вини Мандела, давала интервью корреспондентам Си-би-эс, стоя у ворот провинциального КПЗ.

Я еще раз окинул взглядом собравшихся женщин.

"А чем я хуже? – было написано на их лицах. – Почему моего мужа не таскают по тюрьмам, не бьют его там, и выпускают на свободу только после появления хлестких, политических статей?.. И почему школьный учитель моего Вовки, произнося свою сакраментальную фразу "весь в отца", имеет в виду не что-то хорошее, а нечто такое, за что не грех перестать здороваться?"

Увы, и да!.. Рая, как и Надежда Шарковская, тоже немного перестаралась, расписывая, во время моего отсутствия, прелести жизни с великим человеком. Особенно хорошо это было заметно глядя на худосочного дядю Лешу. Его благоверная женошка, женщина примерно такой же комплекции, как

и он сам, буквально бесновалась около мужа и будь ее воля, она отнесла бы мужа в тюрьму прямо на руках.

А, впрочем, так ли уж виновата Рая? Может быть, причину следует поискать в другом? Чужая слава и успех!.. Какая еще прилюдно врученная ближнему награда может показаться любому из нас наименее заслуженной, чем эта? Пусть слава будет не так уж велика, а успех практически эфемерен, но все равно найдется масса людей, которая хором воскликнет: "А чем это я хуже?!".

Еще будучи студентом первого курса института, я увлекся шахматами. Что за невероятная игра, какая удивительная трагедия чистого, рационального разума! Я уверен, что если любому заядлому шахматисту предложить выбор между пожаром в собственной квартире и матовой атакой на короля гроссмейстера с жертвой ферзя, он не станет раздумывать. Он одолжит у гроссмейстера спички и тут же исчезнет на ближайшие полчаса.

Ну, так вот, мое увлечение шахматами сразу же приняло характер стихийного бедствия: я опаздывал на свидания, пропускал лекции, а по ночам, вместо сопромата и математики, изучал логику построения черных фигур в староиндийской защите. Плоды моего упорного труда созрели через несколько лет: я выполнил норму первого разряда. Но, в сущности, мне была дорога не эта формальность, сколько то, что я наконец-то смог разобраться в деле, которое так беззаветно полюбил.

Вскоре я стал чемпионом двора и его окрестностей. Я стал знаменитостью!.. Мой авторитет был непререкаемым среди любителей поиграть в шахматы на свежем воздухе в возрасте от семи до девяносто семи лет. Для всех кроме одного человека, которого звали Павлик. Павлик с завидным постоянством оправдывал свои катастрофические проигрыши слабым знанием теории дебютов, не забывая при этом добавлять, что стоит ему только полистать учебник и уж тогда... О, Боже, только полистать учебник! Я уж не знаю, что такого дурацкого нашел во мне Павлик, если ставил на одну доску свое "полистать" и несколько лет моего упорного труда. Или он искренне считал, что если один человек обладает большой физической силой и ростом, а второй толстым брюшком и писклявым голосом, то по некоему таинственному велению матушки-природы второй должен быть всегда быть умнее первого? Только полистать учебник!..

Я нашел в шахматах целый мир, я горел, я умирал в нем, воскресал и снова бросался в бой. Однажды в одном из турниров я дважды играл с немцем, практикантом нашего института. Первая международная встреча!.. Одна девушка потом спросила меня: "Ты что, и в самом деле играл в шахматы с живым немцем?" Я ответил, что мертвые немцы в шахматы не играют и перестал приглашать ее в кино.

Мой первый "международный" поединок закончилась для меня плачевно. Я обрушил на стройные, немецкие ряды белых пешек черную, русскую кавалерию и ценой значитель-

ных усилий задержал развитие королевского фланга противника. Вскоре на доске возникла довольно фантастическая позиция. Азарт и огонь атаки!.. Бой на шахматной доске получился не шуточным. Мои партизанские фигуры – конь и ферзь – действующие в немецком тылу, не давали покоя не только моему противнику, но и мне, заставляя постоянно выискивать ресурсы для их поддержки. Я пожертвовал очередное качество и нацелил все оставшиеся фигуры на застрявшего в центре белого короля. Победа была близка, но, увы, в шахматах, как и в жизни, выигрывает тот, кто ошибается предпоследним. Я пропустил короткий контрудар и пал жертвой собственной неосмотрительности. После той партии прошло уже довольно много лет, но я до сих пор помню правильный, но так и не найденный за доской ход...

Во второй встрече я отыгрался и, надо сказать, отыгрался на все сто. Я снова заставил свои фигуры зависнуть в почти сюрреалистическом положении и когда, казалось бы, русское вдохновение должно было в очередной раз пасть жертвой немецкой педантичности, отдал пару фигур за пару пешек и провел довольно дикую, но геометрически точную матовую атаку. Король-канцлер умер в центре доски окруженный бесполезной массой своих защитников. А потом я ехал домой в последнем, пустом автобусе и чуть не плакал от счастья. Только полистать учебник!..

Я молча встал и направился в спальню. Закрыв за собой

дверь я вдруг с удивлением почувствовал, что впервые в жизни вид супружеского ложа не вызывает у меня никаких сексуальных эмоций. От чего это произошло, то ли от обиды на людскую глупость, то ли просто от усталости, я не знал. Ужасно хотелось полежать просто так и не о чем не думать. Я упал лицом в подушку и замер.

Довольно скоро я услышал рядом чье-то дыхание и непроизвольно вздрогнул. Надо мной тут же склонилось встревоженное лицо Раи.

– Ты что?

– Ничего, извини, – улыбнулся я. – Просто мне померещилось.

– Ты забыл, что я твой зайчик? – нежно спросила Рая. – А теперь скажи, что тебе померещилось?

– Не что, а кто... Мне показалось, что ко мне пришла не ты.

– А кто?

– Адвокат. Боюсь, что со временем Надежда станет моим кошмаром и будет являться ко мне во снах.

Рая нежно прильнула ко мне.

– Это ты зря. Надя очень хороший человек. Между прочим, она рассказала мне, что ты прогуливался с Настей. И не как-нибудь, а под ручку... Я ревную.

– Я люблю, когда меня ревнуют.

– Ты самолюб, – Рая довольно сильно укусила меня за ухо.

Я быстро обнял жену и легко подмял под себя. Рая при-

творно-испуганно пискнула и затихла. Поцелуй получился очень долгим и нежным.

– Зайчик... – тихо позвал я.

– Что? – не открывая глаз, спросила Рая. Молодая женщина ждала второго, не менее страстного, поцелуя.

– Зайчик, у меня к тебе не совсем обычная просьба. Только сначала скажи, ты умеешь говорить старушечьим голосом?

Рая открыла глаза.

– Пока нет. А что?

– В таком случае, тебе придется прикрыть телефонную трубку носовым платком.

Я коротко объяснил Рае суть дела. Она должна спуститься на улицу, позвонить к нам в квартиру по телефону и пригласить к трубке Надежду.

– Зачем? – искренне удивилась Рая.

– Ты скажешь, что дома у Нади случилась беда с мужем.

Рая потребовала дальнейших объяснений, но я встал и осторожно подтолкнул ее к двери.

– Это для Коли? – неуверенно спросила Рая.

– Ну, конечно же! – охотно соврал я. – А теперь поспеши, пожалуйста.

Рая вышла. Я сладко потянулся и посмотрел на часы. Пора было приступать к очередной интриге.

Проходя через зал, я демонстративно зевнул и почесал щеку. Мой расслабленный, умиротворенный вид, поведал

гостям, что я пока не в форме и принимать участия в дискуссии не собираюсь. Надежда Шарковская проводила меня долгим, подозрительным взглядом словно ждала, что я вот-вот покажу ей язык.

На кухне сидел мой тесть Иван Егорыч и барабанил пальцами по столу. Мы встретились глазами и немного смущенно улыбнулись друг другу.

Рая родилась и выросла в деревне. Всю жизнь тихий и спокойный Иван Егорыч пас коров. Он очень стеснялся рассказывать горожанам о своей не престижной профессии. Город пугал его...

Я сел напротив Ивана Егорыча. Когда пауза слишком затянулась, и я уже было собирался заговорить о погоде, как вдруг дверь тихо скрипнула и к нам на кухню пожаловали дядя Леша и дядя Петя. Мужчины вытащили сигареты и закурили. Неловкое напряжение исчезло, словно его не было.

Как бы между делом, рассказывая анекдот про неунывающего Чапаева, я вытащил из холодильника бутылку чистейшего, деревенского самогона. Дядя Леша и дядя Петя охотно выпили и, неспешно закусив одним огурцом, ушли. На смену старшему поколению сразу же пришла молодежь – Раины двоюродные братья Витя и Костя. Конвейер заработал. Выпить и поговорить!.. Господи, ну какой мужик откажется от такого удовольствия? Тем более что выпивка без разговоров, а разговоры без выпивки всегда представляют из себя нечто академично засушенное и неинтересное.

Когда дядя Леша и дядя Петя проскользнули в кухню уже по второму кругу, вслед за ними влетел грозный окрик адвоката. Надежду явно не устраивало то, что живая душа заговора ускользает из ее рук.

Мы насторожились. За дверью раздались четкий перестук каблучков женщины привыкшей иметь дело с суровым и часто несправедливым законом. Только что стоящая на столе бутылка буквально растворилась в воздухе, а собравшиеся как по команде уставились в окно. Но приступить к расправе адвокат не успела. В прихожей раздался звонок, Надю позвали к телефону. Шаги замерли возле самой двери. После небольшого размышления Надя решила отложить выяснение отношений с горе-заговорщиками и направилась в прихожую. Еще через минуту, сквозь неумолчный хор голосов в зале, я услышал, как хлопнула входная дверь.

Я потушил окурок и предложил собравшимся на кухне гостям перебраться в зал. Мужики переглянулись. Они явно побаивались Нади, но, узнав, что она только что ушла, с радостью согласились.

Вскоре вернулась Рая. Она помогла накрыть стол и с удовольствием заняла место свое недавнее место невесты. Отсутствие темпераментного адвоката более чем благоприятно сказалось на гостях. Мужские лица с каждой минутой становились все добрее, а с женских быстро исчезло склочное выражение. Политическая тема заговора умерла. Моя свадьба продолжалась. Гости предпочитали говорить о чем угодно,

лишь бы это доставляло им простое веселье.

Когда пришла Настя, я облегченно вздохнул. Вернулась прежняя веселая и легкомысленная Настенька, а не малознакомая женщина с холодными глазами готового на все человека.

Я решительно встал и вышел из-за стола. Настя чуть заметно улыбнулась и кивнула мне в сторону кухни. Прежде чем закрыть за собой дверь я увидел немного растерянное лицо спешащей следом Раи.

"А как же я?" – успел я прочесть немой и немножко навивный вопрос в ее глазах. Ах, глупец!.. Скольких бы неприятностей мне удалось избежать,пусти я ее!

Но я захлопнул дверь. Настенька села на стул и сладко потянулась. В ее плавных, немного похожих на кошачьи движениях, явно просматривались порывы еще не остывшей сексуальности.

– Как дела? – осторожно спросил я.

– Великолепно! – Настенька засмеялась. – Ты знаешь, сегодня я поняла одну великую истину.

– Какую же?

– Женщина должна драться за свою честь.

– Я понимаю, так ее интереснее хранить. Что дальше?

Настенька пожала плечами.

– Случилось то, что ты хотел. Гена собрал вещи и ушел от Надежды.

– А откуда ты знаешь, что я этого хотел?

– Не считай меня за дурочку, пожалуйста. Я только не могу понять, зачем тебе это нужно?

– Завтра узнаешь, – пообещал я. – Моей путеводной звездочкой была всего лишь царапина на лице адвоката и ее немного странная реакция на мое, в общем-то, безобидное замечание. Все, что произошло с тобой сегодня, было импровизацией чистой воды. Но, кажется, я угадал.

– Ты страшный человек, – заверила меня Настя. – Ты интриган и циничный разрушитель людских судеб.

– Я только игрок. А, кроме того, я с детства не люблю мужчин, которых крадут как баранов.

Настенька оглянулась по сторонам.

– Слушай, игрок, у тебя выпить нет?

Я пожал плечами и сказал, что раньше не замечал у нее тяги к спиртному. Настенька скорчила невинную гримаску.

– Раньше я не вламывалась в квартиры к незнакомым мужчинам, – сказала она. – И вообще, после всего, что со мной сегодня произошло, мне просто необходимо немного расслабиться.

Я поймал себя на мысли, что мой дом постепенно превращается в приют веселых алкоголиков. Бутылка коньяка стояла в холодильнике. Между тем Настенька продолжала свой рассказ.

– Я сделала так, как ты мне говорил: узнала адрес, купила бутылку минеральной воды, вылила ее себе на голову и позвонила в дверь... М-м-м! Какое хорошее вино.

– Это коньяк. Не тяни и рассказывай дальше.

– Коньяк? – наигранно удивилась Настя. – А почему он пахнет осенью? Ты любишь пить коньяк осенью?

Мне вдруг захотелось сделать Настеньке приятное. Я притворился, что ее вопрос заставил меня нервничать. Мое поведение было довольно легко понять: отомстившая за издевательство женщина становится значительно добрее и мягче.

– Да люблю! – я наигранно повысил голос. – Осенью я пью его прямо из горлышка.

– Какой ты все-таки нервный, – довольно улыбнулась Настя. – Впрочем, ладно, на чем я остановилась?

– Ты позвонила в дверь.

– Мне открыл Гена и сразу же предложил войти. Я действительно сильно промокла и много смеялась.

Я удивился.

– Смеялась? На нервной почве, что ли?

– Нет. От минеральной воды у меня шипели и лопались в волосах пузырьки. Мне было щекотно. Гена любезно предложил мне обсушиться.

– Что он из себя представляет?

– Изнеженный тридцатилетний мальчик. Умом не блещет, но любит красиво молчать, предоставляя высказываться другим. Знает себе цену. Ну, что еще?.. Очень щепетилен в вопросах личной гигиены.

Я насторожился.

– Откуда ты это знаешь?

– Он порвал на мне лифчик. Хочешь, покажу?

– Нет. А что сделала ты?

– А я укусила его за плечо.

– А он?

– А он, не стесняясь моего присутствия, тут же смазал ранку йодом. Впрочем, его можно было понять, мы были знакомы меньше часа.

В дверь постучали. Я приложил палец к губам и встал.

– Кто там? – громко спросил я.

Ответом было интригующее молчание. Я осторожно открыл дверь. За дверью стояла моя Раечка. В ее измученных глазах легко угадывался уже не один, а целых три вопроса. Первый: "А как же я?!", второй: "Что вы там, без меня, делаете?", и третий: "Ты меня любишь или нет?" Я поцеловал жену в лоб и закрыл дверь. Впустить Раю, когда рассказ Насти коснулся интимных подробностей ее недавней и незаконной встречи с почти незнакомым мужчиной было выше моих сил.

– Итак, он порвал, а ты укусила, – обратился я к Насте. – Что было дальше?

– Я не слышу участия в твоём голосе, – улыбнулась Настя. Она прикоснулась полными губами к краю стакана. – Ты холоден как старый интриган. Кстати, мне стоило большого труда продержаться в квартире до прихода Нади. Пару раз меня попытались выставить за дверь. Я раздавала слишком щедрые авансы, но категорически отказывалась снимать

платье. Если бы ты разрешил мне сделать это, мне бы было значительно легче.

– Вернется Коля, пусть он и разрешает.

– От него дождешься!.. Все мужья – грубые собственники.

– Ладно, продолжай. Надя открыла дверь своим ключом?

– Да. И тут начинается самое интересное: все объяснения Гены рассеялись как дым. Ты оказался прав, мужчине очень трудно объяснить жене присутствие в квартире чужой, мокрой женщины, если на улице нет дождя.

– А из твоих объяснений Надя что-нибудь поняла?

– Конечно, нет. Но Надежда все-таки догадалась, что мой визит подстроил именно ты.

– Гена поссорился с Надей?

– Они чуть было не подрались. Гена оказался очень гордым мужчиной. Он заявил, что не будет опускаться до унижительных объяснений.

– Мужчина, которого постоянно крадут, может позволить себе такую роскошь, – заметил я. – Он ушел?

– Да. Уже при мне он начал собирать вещи.

– А ты?

– Я сделала все возможное, что бы на меня не обращали внимания, – Настя хитро улыбнулась. – Я боялась, что они помирятся. Когда Настя, наконец, меня заметила и спросила, что я тут еще делаю, я сказала, что никак не могу найти свой плащ. Надя нашла его первой и выбросила на лестничную площадку. Но я все равно не ушла.

– Глупо! Глупо и опасно.

– Тоже мне умник. Это был не мой плащ, а Надин.

– Я тебе сочувствую.

– Еще бы!.. Раньше я никогда не думала, что от, в общем-то, неплохих людей можно уйти, предварительно засунув в сумочку свои туфли. Мы вышли вместе с Геной. Я предложила ему помочь нести чемодан, но он меня им чуть не ударил.

– Гену можно понять. Он получил отставку только за разорванный лифчик.

– Что поделаешь, но он не в моем вкусе, – Настя перестала улыбаться и строго посмотрела мне в глаза. – Короче говоря, я сделала все, что ты просил. Если Коля завтра не вернется домой, я тебя убью. Понял?..

Я кивнул. На карту было поставлено все, но я не испытывал страха, а скорее даже наоборот, торопил время.

В передней раздался длинный звонок. Неизвестный визитер желал как можно скорее войти в квартиру. Возложив свой палец на кнопку звонка, он не торопился его убирать.

Мы встретились с Настей глазами и одновременно потупились. Вскоре послышался уже хорошо знакомый мне четкий перестук каблучков и после сильнейшего удара в дверь кухни, нанесенного, судя по всему ногой, злой голос Нади Шарковской сказал:

– Немедленно откройте.

Я сунул в рот сигарету. Настя плеснула в стакан еще чуть-

чуть конька. Мы оба молчали, стараясь не смотреть друг на друга. Настя рассматривала шкаф, а я изучал собственное обручальное кольцо.

– Я знаю, что вы оба там, – громко крикнула адвокат.

Ну, еще бы!..

– Я вам этого никогда не прощу, – продолжала бушевать адвокат. – Подлецы!..

Я подавился сигаретным дымом. Настенька кисло улыбнулась, встала и отошла к окну.

Надежда громко напомнила о том, что она сделала для того, что бы развалить уголовное дело и тут же добавила, уже исключительно в мой адрес, совсем не литературное слово которое даже очень смелые авторы не любят вкладывать в уста своих героинь.

За дверью послышался ропот мужских голосов. Народ пришел в себя и попытался напомнить адвокату, что его кумиров не свергают с пьедестала без предъявления каких-либо конкретных фактов. Мужские голоса приблизились к двери, но тут на помощь Надежде подоспели женщины. Более нежная часть человечества уже порядком устала от безмерного потребления горячительных напитков другой, более грубой, половиной и даже в какой-то мере обрадовалось скандалу. Возглавляемые разъяренным адвокатом жены, оттеснили мужей в сторону, предварительно несколько раз стукнув телом одного из них в дверь. Но мужчины не сдавались. Спор быстро перерос в откровенный скандал. Объ-

единившиеся по половому признаку гости принялись энергично обсуждать недостатки друг друга.

– Может быть, тебе лучше выйти? – тихо спросила Настя.

Я пожал плечами. Нет, разумеется, я бы мог выйти, но наше законодательство совсем не требует от подследственного обязательной встречи с адвокатом. Особенно если они придерживаются разных точек зрения на тактику юридической защиты.

Когда скандал за дверью достиг своей кульминационной точки, Надежда не выдержала и громко зарыдала. Сразу же послышался грозный окрик Раи. Гости затихли.

Настя облегченно вздохнула и попыталась мне улыбнуться. Я улыбнулся ей в ответ, но уверен, что моя улыбка получилась довольно сдержанной. Мои мысли были слишком далеко – еще никогда в жизни я не желал столь отчаянно наступления завтрашнего дня.

Вечеринка быстро увяла. Когда гости разошлись, я проводил Настю. Вернувшись домой, я так и не решился зайти в зал. Там сидели Рая и Надежда. Громко всхлипывая, адвокат, рассказывала моей юной жене какую-то длинную историю. Рая сочувственно кивала головой и один раз, по крайней мере, я видел это собственными глазами, вытерла щеку ладошкой.

Я ушел в спальню и включил телевизор. На втором канале шел концерт. Худосочная певица с лицом уставшей кра-

савицы и негритяньским кольцом на губе поведала мне о своих переживаниях во время своего последнего полового акта. Мне сразу же стало скучно. Я не поп и не отпускаю грехи по телевизору пусть даже под музыку.

На первом канале шел футбол. Озверевший диктор так орал на сонных футболистов, что уже через полминуты меня окликнула Рая и спросила, кто к нам пришел. Я промолчал, опасаясь, что Надя расценит мой ответ как желание поговорить с ней. Так и не дождавшись ответа Рая, крикнула, что если к нам пришел дядя Леша, ни в коем случае не надо давать ему водки.

Я переключил телевизор на следующий канал. Там пела та же любительница рассказывать о своей половой жизни окольцованная сумасшедшим косметологом. Но если на втором канале она уже закончила свою исповедь, то на четвертом только начинала. О, Господи!.. Помоги и дай утешиться человеку мечтающему стать знаменитым. Но спаси и сохрани его от самого себя, если он решил стать более оригинальным, чем родила его мама.

Я выключил телевизор и лег спать.

Рая разбудила меня уже ночью. Она положила мне голову на грудь и крепко обняла за шею.

– Между прочим, иногда Зайчикам отрывают уши, – проворчал я. – Особенно когда они мешают спать.

– Ха-ха-ха! – громко сказала Рая.

– Честное слово, я спать хочу.

– Хо-хо-хо!

– У меня завтра трудный день.

– Хе-хе-хе!

– Глупо.

– Зато искренне, – Рая посмотрела мне в глаза. – Знаешь, что мне рассказывала Надя?

– Не знаю, и знать не хочу.

– Надя права. Ты – страшный человек, – Рая вздохнула. –

И вообще, знаешь, что я решила?

– Господи, ну что?

– Что я тебя все-таки люблю.

– Я тебя тоже. Но я не бужу тебя по ночам, что бы сообщить эту новость.

– А еще знаешь что?

– Ну?

– Пусть это звучит нелепо, – Рая провела рукой по моей груди и немного дрогнувшим голосом закончила: – Но я готова пойти ради тебя на все. Понимаешь?.. На все!

Я вспомнил о том, что сегодня пришлось выдержать Насте, и коротко сказал:

– На все – не надо.

Глава шестая

в которой рассказывается о том, что житейская интрига почти ничем не отличается от шахматной комбинации

ции, а также о том, что победа над женщиной не требует никаких усилий, кроме моральных.

Утром я проснулся в девять часов и с удивлением обнаружил, что Раи уже нет. До вчерашнего дня она всегда пользовалась привилегиями молодой жены и всегда капризничала, если я опаздывал с завтраком, который подавал ей в постель.

Я встал и прошлепал босыми ногами на кухню. Раи не оказалось и там. На столе стояла тарелка с неумело сделанными бутербродами и лежала записка.

"Я пошла провожать папу, – прочитал я. – Не волнуйся, если немного задержусь. Твой личный, любимый Зайчик".

Я улыбнулся и пошел одеваться.

Мы встретились с Настей за полчаса за назначенного Светланой Шарковской времени. Настя выглядела превосходно. Мы поздоровались и не спеша, направились по аллее в сторону ресторана.

– Сегодня чудесная погода, – опершись на мою руку, Настя поддела сапожком кучу желтых листьев. – И вообще, мне почему-то хочется визжать от восторга. Счастливый день, правда?

– Человек создает свое счастье сам, – рассудительно заметил я.

– Создает. Работает. Творит!.. – Настя снова засмеялась. – Все так, я не спорю с этим, но жаль, что счастье иногда не приходит к человеку само... Просто так.

Я интуитивно почувствовал у себя на спине чей-то взгляд и быстро оглянулся. Сзади никого не было.

– Кстати, мне скучно, – Настенька хитро прищурившись, взглянула на меня и громко крикнула: – Хочу мужа!

– Не кричи, на нас люди смотрят.

– Кто?.. Вокруг никого нет.

– Не уверен, – я снова оглянулся и, на какое-то мгновение, мне показалось, что за одним из деревьев мелькнуло сосредоточенное личико Надежды Шарковской. – Кстати, любая другая женщина на твоём месте, была рада немножко отдохнуть от своего благоверного.

– Ну, конечно же, все так, – легко согласилась Настя. – Но мне не дает покоя мысль, что какая-то другая женщина, а не я, распоряжается судьбой Коли. Слушай, почему ты постоянно оглядываешься?

– Ерунда какая-то... Кажется, я немного нервничаю. Мне только что померещилось, что я видел Надежду.

– Где?

– Сзади нас.

– Странно, минут пять назад мне показалось тоже самое. Но это не существенно, – Настя принялась трясти меня за руку. – Верни мне мужа, интриган!.. Ну, верни, пожалуйста.

– Черт знает что, – не выдержал я. – В конце концов, кто как не ты, три года назад вдруг вздумала сбежать от Коли?

– Ну и что? – простодушно возразила Настя. – Я бы потом все равно вернулась. Кроме того, тогда я была еще молодая

и глупая.

– А сейчас ты поумнела?

Настя кивнула:

– Да, поумнела. И даже не потому, что поняла – лучше. Коли нет никого на свете, а... – она замолчала, словно вспоминая что-то. – Короче говоря, это случилось десять лет назад. Тогда мне было восемнадцать лет, и я была горда как тысяча чертей. Как-то раз, собираясь на свидание, я решила опоздать на него больше чем обычно. От нечего делать я принялась бродить по комнате. Мне было скучно. Неожиданно я заметила на столе бабушкину Библию. Я раскрыла ее и прочитала там одну удивительную фразу: "И прилепится человек к жене своей..." – Настя поежилась. – Господи, да я просто содрогнулась от ужаса, прочитав такое. Оказывается, браки свершаются совсем не на небесах. Вдумайся только, чего только стоит этот глиняный и совсем земной глагол "прилепится"!.. Кроме того, Библия, как я поняла, совсем не считала женщину человеком. Она отводила мне, юной и отважной феминистке, роль чего-то такого, к чему настоящий человек только должен был прилепиться.

– Конечно, ты взвилась на дыбы, – предположил я.

– Это еще слишком слабо сказано, – охотно призналась Настя. – "Прилепится"!.. Я вдруг представила, как какой-нибудь полусонный и до одури ленивый от рождения мужичишка, зевая и почесываясь, вдруг начинает ко мне "лепиться". Я взвизгнула от страха и побежала на кухню к бабушке.

Еще ни разу в жизни я не произносила столь отчаянного атеистического монолога. Целых два часа я доказывала бабушке, что Бога нет. Потому что Бог не может быть таким жестоким по отношению к восемнадцатилетним красавицам.

– Тебе удалось переубедить старушку?

– Не смейся! – Настя толкнула меня в бок. – Ты знаешь, уже теперь, совсем недавно, я поняла, что в так не понравившемся мне глаголе "прилепится", нет ничего страшного. Более того, он прекрасен и настолько удивительно точен, что...

– Настя запнулась и потерла лоб, пытаясь найти нужную фразу. – Хорошо, вот представь себе, к чему можно прилепиться? Наверное, только к тому, что значительно больше и сильнее тебя. Именно больше и именно сильнее, понимаешь?.. Как раз в этом-то и суть библейской фразы.

– Ты так и осталась феминисткой.

– И не вижу в этом ничего плохого, – быстро парировала Настя.

– Вот-вот!.. Правда, еще не известно, кто из вас двоих с Колей к кому прилепился, – заметил я. – Он к тебе или ты к нему.

Настя звонко рассмеялась.

– А что?.. Очень интересный вопрос.

Мы вошли в ресторан. В зале нас окликнули. Я оглянулся и увидел за столиком в углу приветливо машущую мне рукой Светлану Шарковскую. Рядом с ней сидел какой-то смазли-

вый тип и хмуро рассматривал люстру.

– Это Гена, – тихо шепнула мне Настя.

– Тебе придется его убить, – тихо ответил я. – Не в прямом смысле.

– Но только в моральном мне скучно.

Мы подошли и поздоровались.

– Вы не один? – спросила следователь, с любопытством рассматривая Настю.

– Как и вы, – заметил я. – Насколько я понимаю, это ваш муж?

– Ошибаетесь. Это мой бывший муж.

Названный бывшим Гена удивленно поднял брови и попытался возразить. Светлана остановила его легким движением руки.

Мы сели, и я слегка толкнул Настю ногой. Настя кивнула и бросила испепеляющее гордый взгляд на Гену. Он пока не видел ее... Гена смотрел в сторону и с кислым видом размышлял о чем-то личном. Очевидно, что, вернувшись к жене, блудный муж попал совсем не в горячие объятия.

– Может быть, вы представите мне свою спутницу? – предложила Светлана.

– С удовольствием. Это Настя, жена Коли, а это, – я кивнул на следователя. – Светлана Петровна Шарковская, следователь собственной персоной.

Света снисходительно улыбнулась:

– Могли бы и пошутить. Например, сказать что я "следо-

ватель за собственной персоной". Впрочем, это ладно, поговорим о главном. Сейчас, насколько я понимаю, вы постараетесь меня разжалобить с помощью жены подследственного?

Настя рассмеялась настолько звонко, что Гена вздрогнул и поднял глаза. Я с удовольствием отметил про себя, что на его смазливой физиономии сразу же отразился тихий кроличий ужас.

– Разжалобить? – переспросила Настя. – Господи, да вы наивны как ребенок, Света. Этот интриган, – Настя кивнула в мою сторону, – уже наверняка приготовил вам такую ловушку, о которой не мечтал даже великий отравитель Борджиа.

Гена сжался в комок. Света удивленно приподняла брови.

– Даже так?

Я скромно потупился.

– Впрочем, давайте поговорим о деле, – предложила Света. Она взяла из вазы апельсин и принялась медленно очищать его. – Надеюсь, вы догадываетесь, зачем я вас сюда пригласила?

Я кивнул и осмотрел стол. Сервировка была не ахти какой, но выбирать все-таки было из чего. Я пододвинул к себе бифштекс и взял вилку.

– Я уже кое-что разузнала о вас, – продолжала Светлана, обращаясь ко мне. – Оказывается, люди, которые вас знают, уверены в том, что вы можете сделать все. Например, однажды вы отправились в командировку в соседний город и вер-

нулись, оттуда прихватив с собой в качестве "заложника" заместителя директора завода. Заместитель оказался женщиной, причем довольно симпатичной. Потом вас несколько раз видели вместе в нерабочее время. Вы решали с ней производственные вопросы?

Бифштекс был довольно жестким, и мне пришлось отвечать с набитым ртом.

– Грехи молодости, сплетни и интриги завистников.

– Может быть, – следователь закончила обрабатывать апельсин холеными пальчиками. Она посмотрела на горку корочек и после короткого размышления положила их на тарелку Гены. – Будь так добр, милый, – попросила она. – Постереги их, пожалуйста, пока я ем.

Гена затравленно зыркнул глазами и промолчал.

– Ну, так вот, – продолжила Светлана. – Характеристика, данная вам на работе, натолкнула меня на одну мысль...

– Надеюсь, при столкновении вам было не очень больно? – заметил я.

Следователь посмотрела на мужа. По законам этикета Гена должен был вступить за даму, но он промолчал. Мужья не любят, когда их называют бывшими и когда их просят покараулить апельсиновые корки.

– Если вы будете хамить, я встану и уйду, – в глазах Светланы блеснул уже хорошо мне знакомый гордый огонек. – Но потом я вызову вас повесткой и уверяю вас, в моем кабинете вам будет не до бифштекса.

Я отрицательно покачал головой.

– Вы не уйдете.

– Ого! И почему же?

– Потому что вам нужно довести до конца весь этот спектакль. Так что можете спокойно продолжать.

– Он действительно больше не будет, – вмешалась в разговор Настя. – Я очень не хочу, чтобы вы поссорились. Кстати, мне еще сегодня нужно зайти в магазин с Колей и купить ему новые ботинки.

– Понятно, – палец следователя ткнул в мою сторону. – Этот аферист пообещал вам, что сегодня ваш муж выйдет на свободу?

– Да. Он дал мне честное слово.

– Боже мой!.. – не выдержала и повысила голос Света. –

И вы ему поверили?

– Конечно. Я знаю его уже девять лет. Еще ни разу он не нарушил своего слова. Нет, конечно, он авантюрист, но очень честный.

Следователь отложила апельсин и посмотрела на меня. Из всех собравшихся за столом ел только я и, нужно признаться, с аппетитом.

"Ну, ты и наглец!" – сказал мне взгляд следователя.

Я пожал плечами и снова уткнулся в тарелку.

– Милый, налей мне немного вина, – попросила мужа Света. Самолюбивой женщине просто необходима была хоть какая-нибудь победа, пусть даже совсем крохотная и одержан-

ная над существом несоизмеримо более слабым, чем она сама.

Гена нехотя взял бутылку. Он потянулся к бокалу Светланы, но вдруг подскочил как ужаленный. Вино хлынуло на скатерть. Я понял, что Насте наконец-то удалось найти под столом ногу Гены и с помощью довольно грубого толчка выразить свои чувства к не состоявшемуся донжуану.

Шарковская бросила на мужа сердитый взгляд.

– Какой ты неловкий.

– Простите, это я виновата, – снова вмешалась Настя. – Ваш муж наступил мне на ногу. Я расценила бы это как пошлый намек.

На лице Гены появились нездоровые пятна. Светлана презрительно скривила губы.

– Хорошо, попробуем продолжить наш разговор дальше. Вы не возражаете?

– Конечно, нет, – добродушно согласился я.

– И я тоже, – быстро вставила Настя.

– Так вот... Я пригласила вас, – Шарковская посмотрела на меня, – только затем, что бы вы помогли вернуть мне мужа. Уверена, что вам, как супермену-интригану это не составило бы труда.

Я кивнул.

– Я догадался об этом еще вчера. Унизить сестричку, заставив работать против нее ее же клиента, в вашем стиле.

– Не будем касаться стиля, это всего лишь вопрос моды.

Но теперь, как вы видите, – следователь кивнула в сторону Гены. – Вы мне больше не нужны. Понимаете?.. Не нужны!

– Я сейчас упаду в обморок, – пообещал я.

– И я тоже, – с деланным ужасом добавила Настя.

– Слушайте, я просто не могу понять причину вашего хамства, – Светлана наклонилась вперед и приблизила ко мне свое покрасневшее от гнева лицо. – Вы – идиот, да?..

– Конечно, нет.

– Тогда чему вы радуетесь? Вы что не понимаете, что у вас исчезла последняя возможность благополучно уладить дело?

– Я просто рассчитываю на то, что женщина, к которой вернулся супруг, обязана вести себя с ближними с ангельской кротостью.

– Я не ангел, я – следователь, – напомнила Светлана. – И мой кабинет находится значительно ближе к аду, чем к раю.

– Ну и что? Все равно под вашим мундиром бьется любящее женское сердце.

– Нет, вы все-таки идиот, – Света откинулась на спинку стула. – Мне даже не интересно разговаривать с вами.

– А вы все-таки попробуйте, – предложил я. – И вообще, может быть, помиримся, а? Вы выпустите на свободу Колю, я подарю вам букет роз. Потом мы простим друг другу взаимные обиды. Если сможем, конечно...

Предлагать ничью, имея в запасе эффектную матовую атаку, конечно же, было глупо. Но я знал, что следователь не согласиться со мной и ее отказ только подчеркивал изящность

финала.

– Ни за что, – четко, по слогам, произнесла Светлана. – Как любил говорить мой дедушка-генерал, хороший враг, это мертвый враг под столом переговоров.

Я пожал плечами.

– Тогда валяйте дальше. Добивайте больных и раненых.

– Отлично! Для начала я покажу вам один небольшой фокус, – нехорошо улыбнувшись, Светлана, посмотрела на Гена. – Милый, сделай мне, пожалуйста, одно одолжение... (краденый муж вжался в кресло) Пошел вон отсюда!

В голосе следователя было столько же теплоты, сколько в глыбе векового льда.

Гена медленно встал. Улыбка Светланы стала еще жестче.

– Если ты надеешься на то, что это шутка, ты ошибаешься, – продолжила Светлана. – Ты мне больше не нужен. Пошел вон!..

Первые несколько шагов Гена сделал, пятясь назад, и явно опасаясь подставлять бывшей жене спину. Светлана отвернулась и плеснула в свой бокал вина.

Я притворно вздохнул и тихо спросил:

– Зачем вы так? Это жестоко.

– Я люблю неожиданные эффекты, – глаза следователя чуть повлажнели. Она закурила и выпустила в потолок струйку дыма. – Кроме того, мне хочется, что бы вы рассказали сестре об этой сценке. Теперь она может забирать себе мою бывшую игрушку. Мне надоело с ней возиться.

Гена исчез так незаметно, словно его не было.

Мы немного помолчали.

Светлана посмотрела на меня и сказала:

– А теперь вам придется подумать о том, чем вы можете мне угодить.

– Зачем?

– Чтобы сдержать свое несправедливое честное слово.

– Я могу пасть перед вами на колени, – предложил я.

Следователь поморщилась.

– Мало.

– Я могу облобызать ваши пятки.

– Мало!

– Может быть, вы хотите, что бы я повесился прямо здесь на люстре?

Светлана нервным движением загасила сигарету в пепельнице.

– Нет, судя по всему, вы и в самом деле придумали для меня что-то очень оригинальное. Выкладывайте что там у вас? – нетерпеливо спросила она. – Очередная статейка в газете? Несанкционированный митинг в зоопарке? Жалоба в ООН?..

– Ладно, скажу, иначе вы просто умрете от нетерпения, – я попытался согнать со своего лица улыбку. – Вы зря прогнали своего непутевого мужа.

Я рассказал Светлане о вчерашнем визите Насти на квартиру адвоката и о том, что случилось чуть позже. Рассказ за-

нял не так много времени, но, пытаясь приукрасить его, я довольно смело импровизировал. Наконец я перешел к финалу.

– Суть в том, – пояснил я, – что вчера, когда ваш муж пришел к вам домой, он не сказал вам самого главного. Его попросту вышвырнула ваша сестричка. Понимаете?.. Он надоед ей раньше, чем вам. Но вы посчитали, что одержали победу – муж сам вернулся к вам. Дальше произошло то, на что я и рассчитывал. Вы решили усилить эффект своей победы и выбросили котенка...

– Какого котенка? – тихо спросила Светлана.

– Большого и глупого. Вы прогнали Гену, но на самом деле вам не стоило этого делать. Хотя бы первое время. Котенок должен был освоиться на новом месте. Согласно вашим же правилам игры, его следовало выгнать позже, когда он и в самом деле начал бы цепляться за вас своими коготками...

– О каком котенке вы говорите?! – чуть ли не на весь зал не закричала Светлана.

– О вашем общем с сестрой. Хотя, будь то котенок или Гена, в этом нет никакой принципиальной разницы. Гена пришел к вам только по одной причине – ему некуда больше было идти. Я подарил вам только иллюзию победы. Понимаете?.. А теперь Гена вернется к вашей сестре и она ему все легко простит. В сущности, чего удалось добиться вчера Насте?.. Только минутной, явно спровоцированной, размолвки. Я не очень хорошо отношусь к таким людям как Гена, но

если уж он так мил Надежде, то пусть она с ним и милуется. Это была только игра и вы ее проиграли.

– Бред! – твердо сказала Светлана. – Вы все придумали от начала до конца.

– Настя, подтверди, пожалуйста – попросил я.

– Все правда, – кивнула Настя. – Этот аферист... – Настя ойкнула и извиняюще мне улыбнулась. – Короче говоря, он заранее все рассчитал. Что касается моего вчерашнего визита к Гене, то я могу подтвердить его фактами: во-первых, у вашего мужа след укуса на правом плече, во-вторых, он любит называть женщин "Кисками", а, в-третьих, когда он целует женщин в шею, у него дрожит нижняя губа.

– Достаточно! – оборвала Светлана. Она потянулась к бутылке, но, заметив, как сильно дрожит ее рука, опустила ее. – Будьте так добры, налейте мне вина.

Я налил полный бокал. Светлана залпом выпила. Настя укоризненно покачала головой. По ее мнению женщине не следовало так глушить спиртное, даже если она проиграла в схватке за мужа. Светлана перехватила Настин взгляд и грустно усмехнулась.

– Ладно, сегодня можно... Просто мне немного жаль, что я посвятила три года жизни откровенному ничтожеству.

– Я вам сочувствую, – тихо сказала Настя. – Честное слово.

– Вы думаете, от этого мне станет легче?

– Нет, ну все-таки... – Настя запнулась. – Впрочем, это

ваше дело.

Я с удивлением посмотрел на Настю. Черт бы меня побрал, если на какое-то мгновение в ее глазах не вспыхнула искорка участия!

Светлана глубоко вздохнула и потерла ладошками лицо.

– Нет, Настя, и все-таки ваш друг не супермен и даже не граф Монтекресто. Он забыл об огромной куче кирпича, которая все еще находится на участке вашего мужа.

– Какая такая куча? – довольно искренне удивился я.

– Вот видите, Настя? Умственные способности вашего друга гаснут прямо на глазах.

– Нет, а все-таки о каком кирпиче идет речь?

– О том, из-за которого и разгорелся весь сыр-бор.

– Ах, об этом!.. – я разочаровано махнул рукой. – Вы все еще забываете себе голову такими пустяками? Да забудьте вы о них! Тем более что кирпич уже благополучно свистнули второй раз.

Лицо Светланы вытянулось.

– Ну да!.. – я налил вина и себе. – А вы не знали об этом? Кстати, если сегодня Коля не вернется домой, завтра, в уже известной вам газете, появится статья под заголовком "А был ли кирпич?.." Если вы не забыли, благодаря примерно такой же статье, правда, с другим названием, я уже один раз вышел на свободу. Но на этот раз вам придется объяснять начальству гораздо большее. Боюсь, что после разбирательства вам придется пришпиливать не майорские погоны, а сержант-

ские нашивки.

– Звучит убедительно, – Светлана побледнела и кивнула. – Что дальше?

– Ничего. Сейчас мы закончим наш обед и попрощаемся друг с другом. Надеюсь навсегда.

– Ошибаетесь, мы очень скоро встретимся, – Светлана подняла глаза и посмотрела мне в лицо. – Вы еще пожалеете, что связались со мной. Я превращу вашу жизнь в ад. Рано или поздно, но я добьюсь того, что вы сами приползете ко мне на коленях и сами попроситесь в тюрьму. Кстати, я совсем не собиралась отправлять вас туда раньше, – Светлана вытащила из сумочки листок бумаги. – Смотрите сюда, видите? Это постановление о прекращении вашего уголовного дела. Я бы отдала вам его сегодня вне зависимости от итога нашей сегодняшней встречи. Но вы ошиблись. Вы снова ввязались в женскую драку, и теперь вам придется плохо. Очень плохо.

– Я не люблю, когда меня бьют по ушам на первом же допросе, – напомнил я. – У меня тоже есть самолюбие.

– Скоро у вас его не будет, – Светлана спрятала постановление в сумочку. – Что касается первого допроса, то меня можно понять. Когда в кабинет к женщине вдруг затаскивают типа, который с порога задает вопрос: "А какого хрена вам от меня надо?", она может поневоле растеряться. Потом вместо того, что бы отвечать на вопросы, вы постоянно пытались стащить у меня со стола пепельницу и запустить ей

в конвоиров.

– Это была самооборона. Ваши гориллы начали обрабатывать меня еще в "воронке" после того, как я совершенно случайно наступил на ногу одному из них.

– Случайно ли?

– Да, случайно! А, кроме того, я не люблю, когда сплевывают шелуху от семечек мне на колени.

– Ну что ж, – следователь встала. – Теперь я займусь вами вплотную, и вам станет не до шелухи.

– Простите, вы ничего не сказали о моем муже, – напомнила следователю Настя.

– Игра есть игра. К вашему супругу у меня пока нет никаких вопросов, – холодно ответила следователь. – Сегодня же он вернется домой. Это я вам обещаю.

Я посмотрел вслед быстро идущей к дверям Светланы Шарковской и повернулся к Насте.

– Если эта темпераментная дама не предоставит подследственным права самим являться на допросы, то рано или поздно она нарвется на очень большие неприятности, – заметил я.

Настя зябко поежилась и спросила:

– А может быть, ты все зря это затеял? Светлана хотела прекратить дело...

– А мой первый допрос?! И вот что я тебе скажу, Настенька, если Коля вдруг превратится в размазню, способную на такое идиотское всепрощение, рано или поздно ты его бро-

сишь.

Настя посмотрела в окно и немного подумала. Свою следующую реплику она произнесла с явным вздохом сожаления о случившемся:

– Очевидно, что сам черт не разберет кто из вас прав!..

Глава седьмая

в которой рассказывается о том, что победа над женщиной всегда иллюзорна, а так же о том, что у любого игрока есть свои уязвимые места.

На улице шел дождь. Настя улыбалась и ловила ртом капли. Я раскрыл зонтик, но Настя категорически отказалась.

– Не хочу, – весело сказала она, отстраняя зонтик. – Я сегодня счастливая и буду кушать дождь.

– Простудишься.

– Поспорим, что нет? Счастливые не простужаются.

Идти домой Настя отказалась. Оказывается, ей просто необходимо было встретиться с Раей и поделиться с ней радостью. Я пожал плечами и согласился. В конце концов, до возвращения Коли оставалось еще немного времени, и его не обязательно было проводить в трагическом женском одиночестве.

Но Раи снова не оказалось дома. Я включил телевизор, чтобы Настя не скучала, и ушел на кухню. В виду отсутствия

Раи, все заботы по приготовлению праздничного ужина пали на мои плечи.

Я выглянул из кухни минут через двадцать для того, что бы спросить который час. Настя не отреагировала на мой вопрос. Она оцепенело смотрела на экран телевизора. Я взглянул туда же и выронил тарелку. На экране извивалась моя старая знакомая секс-певичка.

Настя оглянулась.

– Хорошо поет. Правда?..

– Правда, – я нагнулся и принялся собирать осколки. – Я только не могу понять, о чем она поет?

– О любви, конечно, – охотно пояснила Настя.

– Поэтому она пляшет возле смятой постели и дергает животом?

– Кровать – только символ.

– Довольно прозрачный.

– Не будь старым ханжой.

– Ладно, не буду. Но я никак не могу понять, почему ее окольцевали за губу? Она что, настолько страстная женщина, что ее нужно держать на привязи как племенного быка?

Ответить Настя не успела, в прихожей раздался телефонный звонок. Двигимая чисто женским инстинктом, Настя бросилась в прихожую. Уже через секунду оттуда донесся ее восторженный голос:

– Это Коля!..

– Скажи ему, что бы ехал к нам.

Настя не обратила на мои слова никакого внимания. Она нежно прильнула к телефонной трубке и захлопнула ногой дверь.

Я пожал плечами и пошел на кухню.

Глупец пытается понять женщин, умный их только терпит.

Коля приехал к нам через полчаса. Все это время Настя металась по квартире не находя себе места. Она обрела покой только после того, как Коля сел в кресло и она, наконец-то, взгромоздилась ему на колени.

Глядя на любовную идиллию, я не мог сдержать улыбки.

– Как дела, Коля? – спросил я. – Мы не ждали тебя так быстро. У следователя проснулась совесть?

Коля устало улыбнулся. Он потер лоб рукой и, ни к кому конкретно не обращаясь, сказал:

– Выпить бы, а?..

– Я сейчас принесу.

Настя бросилась на кухню и вернулась оттуда с бутылкой коньяка, которую, откровенно говоря, я приберегал для личных нужд. Это просто возмутительно до чего много начинают пить люди, если на их долю выпадают кое-какие приключения!..

Коля выпил рюмку и тихо сказал:

– Вообще-то, я ничего не понимаю...

– А тебе и не надо ничего понимать, твоими делами зани-

маюсь лично я, – заметил я. – Но теперь все кончилось.

Коля посмотрел на меня странным, не мигающим взглядом и спросил:

– Ты уверен?

– Абсолютно.

– А вот я нет. Когда я выходил из КПЗ, мне показали Шарковскую. Издалека, конечно...

– Что за странный тон, Коля? – удивился я. – Ты говоришь так, словно тебе показали голого следователя.

– Не голого следователя, а растрепанного адвоката. Мне показали Надежду, а потом ее затолкали в камеру.

– Ты просто что-то перепутал.

– Я не мог ничего перепутать, – твердо сказал Коля. – Потому что уже на улице я встретил Светлану Петровну. Она как-то странно улыбнулась и передала тебе привет.

Я инстинктивно потянулся к бутылке.

– Этого не может быть, – я механически отхлебнул прямо из горлышка. – Надежду забрали, но за что? Слушай, а, может быть, у тебя были галлюцинации? Тебя не били по голове на допросах?

– Нет. Меня на них даже не вызывали.

В прихожей снова зазвонил телефон. Настя встала и вышла.

– Если это звонит Рая, – крикнул я ей вслед, – скажи, что я оборву ей уши! Пусть немедленно едет домой.

Неожиданно дверь в прихожую отворилась с таким гром-

ким стуком, словно рухнул шкаф. Я вздрогнул и поднял глаза. В дверях стояла Настя. Удивленные глаза женщины были распахнуты до максимально допустимого природой размера.

– Там... Боже мой... – она протянула мне телефонную трубку. – Это тебя.

У меня нехорошо кольнуло под сердцем.

– Уже понял, – я взял телефонную трубку, рука дрогнула и я чуть было не уронил ее на пол. – Алло.

– Привет, – мурлыкнул у меня в ухе голос Светланы. – Надеюсь, вам уже сообщили последние новости?

– Идите к черту, – я сразу перешел на крик. – Какие еще новости?

– Моя сестричка решила погостить у меня в КПЗ.

– Вы с ума сошли. Если вы начали арестовывать ни в чем не повинных адвокатов, то, надеюсь, сами скоро окажетесь за решеткой.

– Почему невиновных? – засмеялась следователь. – Моя сестричка арестована за нападение на должностное лицо, а также за похищение служебных документов.

Впервые в жизни я почувствовал, как у меня начинает нервически подергиваться шея.

– Что-что? – вкрадчиво переспросил я.

– Для интригана-супермена вы слишком туго соображаете. Мне повторить?

– Нет, но я буду вам очень признателен, если вы перестанете говорить загадками.

Светлана рассмеялась.

– Мне так больше нравится.

– Если вы не перестанете нести вздор, я повешу трубку! – пригрозил я.

– Хорошо, я вам все объясню, но только если вы скажете мне волшебное слово.

– Пожалуйста, что ли?

– Ну, конечно.

– Я согласен. Пожалуйста, объясните мне, что случилось.

Настя и Коля стояли рядом со мной и были похожи на два соляных столба. Причем глаза Насти так и не обрели своего прежнего, естественного размера.

– Что ж, вы меня уговорили, – согласилась Света. – А теперь слушайте внимательно. Сегодня в ресторане, когда после разговора с вами я имела неосторожность зайти в туалет, моя сестричка атаковала меня там при помощи газового баллончика. Должна заметить, что лежать на кафельном полу и чувствовать, как чьи-то руки стаскивают с тебя платье, очень неприятно.

– А ваше платье-то ей зачем потребовалось?!

– Вы что, не поняли? Надя очень переживала за судьбу Гены и решила занять в ресторане мое место. Она хотела выведать у вас все, что вы задумали. Кстати, секрет с переодеванием близнецов известен еще со времен египетских пирамид. Шаблонный ход, но у сестрички не было другого выхода.

Боже мой, какой идиотизм! Неужели Надежда и в самом деле рассчитывала на то, что после довольно близкого знакомства я не смогу отличить одну сестру от другой?

– Вы поставили Надежду в безвыходное положение, – пояснила Светлана. – Сидеть и ничего не предпринимать, не в ее вкусе. Откровенно говоря, я ждала от нее нечто подобное. Правда я не думала, что все произойдет так быстро. К вашему сожалению Надя не успела с вами поговорить. Тогда она бросилась на выручку вашего друга. Она хотела вывести Колю из КПЗ. Правда, ее уже ждали. Печально, правда?..

Я растерянно смотрел на лица Коли и Насти. Наверное, у меня был довольно глупый вид. В голове билась только одна мысль посвященная Надежде: Господи, неужели нельзя было просто посидеть дома и немного подождать?

– Вы забыли о темпераменте моей сестры, – напомнила Светлана. – А, кроме того, мы действительно с ней очень похожи.

– Я могу поговорить с Надей? – быстро спросил я. У меня еще теплилась надежда, что рассказ следователя не более чем блеф.

– Можете, – не очень охотно согласилась Светлана. – Сейчас ее подведут к параллельному телефону. Но учтите, если она начнет говорить лишнее, я прерву разговор.

В телефонной трубке шелкнуло. Откуда-то издалека возник второй женский голос.

– Я слушаю...

Несомненно, это была Надя.

– Нет, это я тебя слушаю! – взорвался я. – Ты знаешь о том, что если бы не твоя идиотская выходка, то эта история уже закончилась?

– Ты отнял у меня Гену.

– Да на фига мне был нужен твой Гена?! Сейчас он сидит у тебя дома и, наверняка, придумывает жалкий монолог для оправдания.

– Что?.. – тихо переспросила адвокат.

– Гена сейчас у тебя дома, – отдельно, по слогам, повторил я. – Я и не думал отнимать его у тебя, хотя, признаться, сделал бы это с большим удовольствием. У меня нет сейчас возможности объяснить тебе все подробно, но если в двух словах, то я просто заранее знал, что потребует от меня твоя полусумасшедшая сестричка...

– Без оскорблений, пожалуйста! – послышался в трубке веселый голос следователя.

– Надя, ты меня слышишь?

– Слышу.

– Ты все поняла? Я взял у тебя Гену только на время. Даже если бы кирпич снова не свистнули, я все равно вернул его тебе.

– Кирпича на участке уже нет?

– Нет. И его разворовали настолько быстро, что я ничем не смог помочь этим добрым людям.

– Но Гена провел у Светки целую ночь.

– Да хоть три!.. – заорал я. – Когда такая женщина, как твоя сестра, хочет из принципа вернуть себе мужа, это еще не значит, что она тотчас полезет к нему в постель.

– Мы провели довольно бурную ночь, – снова вмешалась в разговор Светка. – Гена был очень мил со мной.

– Ага! – я переложил телефонную трубку из одной вспотевшей ладони в другую. Она буквально жгла мне ладони. – Я не сомневаюсь в том, что Гена сидел до утра в ванной комнате. Он был нужен Светке только...

– Светлане Петровне, – подсказала следователь.

– Он был нужен Светке только затем, чтобы унижить тебя.

Светлана одобрительно промолчала.

– Послушайте, – быстро заговорила Надежда. – Моя сестра замышляет что-то ужасное. Она...

В трубке снова щелкнуло. Голос адвоката исчез.

– Кажется, мы начинаем переходить к частностям, – сказала Светлана. Готов поспорить, в этот момент она снова улыбалась. – Слушайте, вы, доморощенный интриган, у меня есть к вам одно деловое предложение.

– Могу догадаться какое.

– Конечно, это не трудно. Я предлагаю вам обмен. Поскольку дело о кирпиче уже развалилось, давайте решим так: вы возвращаете мне Гену, а я дарю вам вашего нерадивого адвоката.

Не соглашаться было бы глупо. Мне просто нечего было возразить следователю.

– Хорошо, я согласен. Кстати, я даже благодарен вам за такое предложение. Вы не попросили меня достать луну с неба или вернуть на место украденный кирпич.

В трубке долго шуршало и потрескивало.

– А вы смогли вернуть кирпич? – наконец осторожно спросила Света.

– Запросто! – соврал я в надежде, что хоть чем-то смогу задеть следователя за живое. – Но мы с вами уже договорились о цене. Когда Надежда выйдет на свободу, вы будете в примерно равных условиях. Тогда вы можете выяснять свои отношения до глубокой старости. Только уже без меня.

Вторая пауза в телефонной трубке получилась еще более подозрительной, чем первая.

– Хорошо. Через два часа я позвоню к себе домой, – Светлана назвала свой домашний адрес. – И если к тому времени Гена будет уже там, я выпущу Надю. До свидания.

Я повесил трубку и посмотрел на Настю и Колю.

– Светка требует, что бы я вернул ей Гену, – сказал я.

– Какого Гену? – искренне удивился Коля.

Настя заботливо поправила мужу воротничок рубашки и принялась рассказывать ему наше вчерашнее приключение. Пикантные подробности женщина благоразумно пропустила. Впрочем, избавиться от всех было, попросту говоря, невозможно. Но умная Настя изобразила отдельные сцены своего визита так, будто отвратительный Гена валялся у нее в ногах, выпрашивая невинный поцелуй в щечку. О взаим-

ных укусах и порванном лифчике умная Настя не сказала не слова.

Я отошел к окну и задумался.

Когда Настя закончила свой рассказ, Коля громко сказал:

– Боже мой, ну почему из-за меня каждый раз честные люди попадают в тюрьму?

Я грустно усмехнулся. Коля-то тут при чем?.. Прежде чем направиться в ресторан, я должен был запереть темпераментного адвоката в подвале ее собственного дома. Моя вина была неоспоримой.

– Хорошо. Я верну этого Гену следователю, – твердо сказал Коля.

Я оглянулся. Коля стоял, скрестив руки на груди и грозно сверкая глазами.

– Еще чего!.. – строго сказал я.

– Я верну его, – повторил Коля. – Как-то раз ты сам говорил, что мне пора становиться настоящим мужчиной.

– Да, но не обязательно начинать с эпических подвигов.

Неожиданно в наш спор вмешалась Настя.

– А почему это ты считаешь, что Коля не сможет этого сделать? – сразу на повышенном тоне заговорила со мной Настя. Она бросила на своего мужа быстрый взгляд, в котором легко угадывалось восхищение. – Чем Коля хуже тебя?

– Послушайте, друзья мои... – начал было я.

– Так с друзьями не поступают, – отрезала Настя.

– Что значит так?

– Пренебрежительно. Раскомандовался тут.

Я поднял вверх руки.

– Да как хотите, Господи!.. Что мне больше всех надо?

Кстати, что ты собираешься предпринять, Коля?

– Ну, я еще не знаю... – Коля посмотрел на жену.

– Решим по ходу дела, так будет проще, – сказала Настя. – Мы пойдем вдвоем.

Сборы в дорогу заняли совсем мало времени. Конечно, я пытался еще раз остановить разгоряченных супругов, но Настя была неумолима. Не исключено, что молодая женщина попросту пыталась загладить свою чисто теоретическую вину перед мужем и торопилась доказать ему свою искреннюю преданность.

Когда входная дверь захлопнулась, я махнул рукой и устало опустился в кресло. Несколько минут я рассматривал собственную квартиру, а потом мельком взглянул на телевизор. Мое настроение было настолько отвратительным, что если бы увидел на экране секс-певичку, я попросту вышвырнул телевизор в окно. Но на экране торчал какой-то политический дядя и, потрясая свеженаеденными щеками, доказывал, что без его непосредственного участия в демократических преобразованиях Россия рухнет в пропасть.

Я закрыл глаза, откинулся на спинку кресла и попытался представить себе как одна шестая часть земной тверди падает в пропасть. Картина получилась эпической и потрясающей. В ней определенной было что-то из апокалипси-

са. Мысленно созерцая катастрофу вселенского масштаба, я немного успокоил нервы. Странно, но всегда, когда я размышляю над чем-то абстрактным, (особенно это относится к гипотезам неуважаемых мной политиков) мне всегда становится легче. А иногда даже тянет на улыбку.

Телефон зазвонил ровно через полчаса. Я снял трубку и услышал восхищенный голос Насти.

– Он его бьет!.. – громко кричала она.

Кто кого бьет, я спрашивать не стал, все было понятно и так. Коля впервые в своей жизни поднял руку на физиономию своего ближнего. И, как это всегда случается с такими интеллигентными людьми как он, Коля поднял руку на, в общем-то, невинного человека.

– Где вы сейчас находитесь? – спросил я.

– Возле Надькиного подъезда, – по-прежнему чему-то радуясь, сообщила Настя. – Я разбила себе коленку.

Насте очень хотелось поговорить. Впечатления буквально переполняли ее. Мне оставалось только подчиниться. Я участливо спросил:

– Сильно разбила?

– Не очень. Когда мы тащили Гену вниз по порожкам, я запуталась в мешке и упала.

– Каком мешке? – уже по настоящему удивился я. – Может быть вам помощь нужна?

– Нет! Я тебе уже говорила, что Коля справится сам. Ну, я побежала!..

– Куда?

– За такси.

– Подожди! Если вы возьмете такси, то вас отвезут прямо в милицию. Попробуй поймать частника, они не такие привередливые. Кроме того, попытайся убедить водителя, что вы возвращаете домой блудного мужа. Поняла?

– Ага.

– И главное не давай Гене много говорить.

Настя повесила трубку и я вернулся в кресло. Меня немного волновала проблема, есть ли дно у той бездны, в которую собирается рухнуть Россия?..

К моему немалому удивлению разбойное нападение на квартиру адвоката закончилось успешно. Коля и Настя вернулись еще через полчаса после телефонного звонка. Коля небрежно плюхнулся в кресло рядом со мной и потянулся за коньяком. Но конька на столике не оказалось. Мы с недоумением посмотрели друг на друга, а потом на Настю. Та покраснела.

– Подумаешь! – сказала она. – Я его, между прочим, для дела взяла.

– Какого дела?

– Ну, это самое... – Настя еще больше покраснела. – Ну, что бы Гена не очень сильно кричал.

– Ты что, насильно поила его коньком? – удивился Коля. – Когда?

– Когда ты, Коля, держал его за ноги.

– Оригинально, ничего не скажешь, – я рассмеялся. – Бу-
тылка коньяка, какой-то загадочный мешок... По-моему вам
стоит запатентовать ваш способ возвращения блудных му-
жей.

– А что за мешок-то? – снова заморгал глазами Коля.

– Да, ну вас, – Настя досадливо отмахнулась и встала. –
Если вам так жалко эту несчастную бутылку, я сейчас вам
куплю другую.

Настя быстро вышла в прихожую. Хлопнула входная
дверь.

– Может быть, ты мне объяснишь о каком мешке шла
речь? – спросил меня Коля.

– Понятия не имею. Но я не удивлюсь, если увижу, что из
моего кухонного стола пропала скалка, толокушка для кар-
тошки и еще какое-нибудь чисто женское оружие.

Настя вернулась вместе с адвокатом Надеждой Шарков-
ской. Открыв дверь, я очень удивился, увидев их вместе.
Впрочем, обе женщины вели себя довольно естественно –
они старались не смотреть друг на друга. Лишенное малей-
ших признаков косметики лицо адвоката было бледным и
спокойным.

Мы молча расселись по местам.

– Ладно, все хорошо, друзья, – наконец заговорил я. –
Наши приключения наконец-то закончились. Предлагаю вы-
пить по этому поводу.

Я мельком взглянул на Настю. Она сидела, уткнувшись носом в Колино плечо. Молодой женщине было немножко стыдно перед Надей за двойное похищение ее мужа. Впрочем, Настя была только инструментом в моих руках.

– Вы снова отдали Гену, – глухо и тихо напомнила мне Надежда.

– Да, и я не испытываю ни малейших угрызений совести, – спокойно сказал я.

Надя тихо всхлипнула. Я разлил коньяк по рюмкам и поднял свою.

– Наденька, пройдет время, и ты поймешь, что я был прав. Твоя сестричка обещала причинить тебе массу неприятностей и, как я понимаю, не без помощи Гены. Ну, его к черту!.. Если хочешь, я найду тебе порядочного мужа.

Надя усмехнулась, выпила коньяк и со стуком поставила рюмку на стол.

– Наши приключения еще не закончились, – сказала она и посмотрела на меня. – Твоя жена Рая сейчас сидит в КПЗ.

Если бы адвокат вдруг попыталась выброситься в окно, это произвело бы на меня значительно меньший эффект, чем только что услышанная фраза. Коля открыл рот. Я машинально выпил коньяк и чуть не закусил его только что прикуренной сигаретой. В глазах Насти снова появилось что-то огромное и свиное.

– Где-где?.. – тихо переспросил я.

– В КПЗ. В ресторане она была вместе со мной.

Настя уронила рюмку.

– Значит, сидя вчера вечером на кухне, ты не зря пускала крокодилью слезу? – тихо и зловеще спросил я Надю. – Ты искала себе сообщницу?

– Я не звала ее! – Надя была готова заплакать. – Рае стало обидно. Все вокруг были чем-то заняты, а она сидела у окошка и наивно ждала своего мужа. Она пошла со мной сама.

– Сама? – я аккуратно поставил рюмку на стол. – Вот как раз сейчас мы это и попробуем выяснить...

Настя вскочила и бросилась между мной и адвокатом. Коля тяжело повис у меня на плечах. Мы упали на столик и затем свалились на пол. Никогда бы не подумал, но Коля оказался довольно крепким мужиком. Его настолько вдохновила недавняя победа над блудливым двоеженцем, что он даже попытался выкрутить мне за спину руку. Я не без труда отпихнул его в сторону, встал, но было уже поздно. Женщины скрылись на кухне.

Я подошел к запертой двери и пнул ее ногой.

– Приятные новости еще есть? – спросил я.

За дверью послышалась тихая возня. Женщины подпирали закрытую дверь кухонным шкафом. Сзади, тяжело дыша, подошел Коля. Он сердито шурился и прижимал к лицу носовой платок.

– Ты разбил мне нос, дурак, – сказал он.

– Пошел к черту! – я снова повернулся к двери. – Если вы

будете молчать, я выломаю дверь.

Женщины оставили в покое шкаф и принялись перешептываться.

Нет, Настенька определенно пыталась загладить свою вину перед адвокатом и полностью встала на ее сторону. Это я понял из того, что в ее голосе явно прослушивались возмущенные нотки. Но когда за дверью послышалось: "В конце концов, обменяем и Раю на что-нибудь...", я ударил кулаком в дверь с такой силой, что с потолка упал кусок штукатурки.

– Откройте дверь, аферистки!

– Подожди, – послышался в ответ торопливый Настенькин голос. – Давай лучше поговорим спокойно.

– Для этого мне нужно видеть лицо Надьки. Я хочу ей напомнить, что жена подзащитного – святое табу и к нему не стоит прикасаться.

За дверью снова послышался тихий шепот.

– Слушай, что ты развоевался? – вдруг взорвалась Настя. – Пока не случилось ничего не страшного. Светка хочет, что бы ты приехал к ней.

– Это я собираюсь сделать только после того, как переговорю со своим адвокатом.

– Если ты поговоришь с адвокатом сегодня, тебе придется искать еще дюжину завтра, – возразила Настя. – Кроме того, Светка требует, что бы ты приехал к ней немедленно. Иначе она не пустит тебя в камеру к Рае.

– Что-что?..

Адвокат что-то тихо заговорила. Настя громко повторяла ее слова.

– В этом случае ты можешь остаться с ней на ночь. У тебя молодая жена и ты будешь очень беспокоиться, если она проведет ночь вне дома. Светка в бешенстве. Она может натворить что угодно.

– Это все?

– Все. Остальное она тебе скажет сама.

Я вышел из квартиры и так сильно хлопнул дверью, что в квартире что-то упало. Я поймал себя на мысли, что хорошо бы, если это был очередной кусок штукатурки и что было бы просто здорово, если бы он свалился на голову моего адвоката-проходимца.

Великолепно, черт возьми!.. И так, не смотря на все мои усилия, вместо изящного конца наша история получила самое невероятное продолжение. Рая в КПЗ!.. Это выглядело также нелепо, как маленькая девочка в розовом платьице в казарме штрафного батальона.

Я так сильно спешил и нервничал, что впервые в жизни разговаривал сам с собой. Мой монолог почти достиг степени горячечного бреда.

Прохожие оборачивались и долго смотрели мне вслед...

Глава восьмая

в которой рассказывается о том, что любая интрига по-

хожа на колеблющиеся весы, а так же о том, что не стоит унывать даже, казалось бы, в безвыходных ситуациях.

У входа в КПЗ меня остановил усмехающийся прапорщик. Он явно подждал меня и снял телефонную трубку, еще не услышав моего требования о немедленной встрече со следователем Светланой Петровной Шарковской.

Я присел на казенную скамью. Закончив разговаривать по телефону, прапорщик коротко бросил:

– Ждите.

Я безропотно прождал пять часов. Иногда я выходил на улицу, чтобы покурить и именно там, глядя на свободных людей, я вдруг понимал, насколько несвободен я сам. Мои руки не сковывали наручники, а ноги – кандалы, меня не окружали стены и решетки, а под свитером не прятался скромный собачий ошейник, но, тем не менее, я никуда не мог уйти. И даже более того, я не был в тюрьме, я терпеливо ждал, когда меня пустят в тюрьму. Господи, не это ли высшая степень несвободы, когда ты становишься узником и совсем не замечаешь этого? Но тогда, может быть, и сама свобода не столь драгоценная игрушка, если человек готов вот так легко променять ее на встречу со следователем? Или вопрос был совсем в другом: мне было наплевать на себя, и я хотел только одно – вытащить из беды мою Раю. Кажется, я даже успел подумать о том, что из таких "узников" как я было невозможно собрать даже самую крохотную демонстрацию.

Увы, но я был готов в одиночку бороться с целым миром, а не взывать к его помощи.

В десять часов вечера, прапорщик наконец-то открыл решетчатую дверь. Мы прошли по коридору и остановились возле уже знакомой мне камеры номер тринадцать.

– Светланы Петровны сегодня не будет, – пояснил прапорщик. Он кивнул на дверь: – Но если вы хотите, вы можете переночевать с женой.

Я кивнул. Прапорщик долго скрежетал ключом в замочной скважине. Он искоса бросал на меня многозначительные и вместе с тем довольно насмешливые взгляды.

– Эй, дамочка, – крикнул он в абсолютно черный проем за распахнувшейся дверью. – Гостя принимай.

Я шагнул в камеру. Дверь с грохотом захлопнулась.

Несколько секунд я стоял и осматривался, пытаюсь разглядеть хоть что-нибудь в полной темноте, а потом тихо позвал:

– Рая...

Ответом мне послужил животный рев неведомого существа, и чьи-то сильные руки вцепились мне в горло. Я инстинктивно схватил их за запястья. Под моими пальцами захрустели хорошо накрахмаленные рукава мужской рубашки.

– Я тебе покажу Рая, – прошипел незнакомец. – Удавлю, падлу!

Я несколько раз ткнул перед собой кулаком наугад. Существо взвизгнуло и отлетело в сторону. Я бросился вперед. Незнакомец метнулся к выходу, но мне удалось схватить его

за пиджак и повалить на нары. Тот отчаянно сопротивлялся. Я ударил еще раз, целясь в то место, где должны были быть ребра незнакомца. Прижатый животом к нарам незнакомец взвыл нечеловеческим голосом:

– Лучше убей, гад!

Стараясь говорить спокойно, я спросил:

– Здесь должна быть женщина. Где она?

– Я не женщина.

– Ты не ответил на вопрос.

– Не знаю!.. Я здесь совсем один.

Голос показался мне знакомым, и я спросил:

– Ты кто?

– А ты кто?.. И вообще не дави мне на шею, позвоночник сломаешь.

Я чуть ослабил захват. Задать следующего вопроса я не успел – за дверью захохотали и в камере вспыхнул яркий свет. Несколько секунд я с удивлением рассматривал своего противника, а потом плюнул с досады и отпустил его. На нарах лежал включенный и одичавший Гриша.

Пару минут мы приводили себя в порядок, искоса поглядывая друг на друга. Гриша сердито сопел и никак не мог зашнуровать дрожащими пальцами шнурки потерянного в пылу схватки ботинка. Я поднял с пола рукав его пиджака и положил рядом с Гришей. Он благодарно кивнул.

– Давно ты здесь? – спросил я.

– Второй день, – голос Гриши трагически дрогнул.

– Ты сильно изменился, – заметил я. – У тебя такой робинзоновский вид, словно ты прожил тут лет пять.

– Меня допрашивала Шарковская.

– Та или другая?

Гриша не понял шутки и выругался.

– Конечно та.

– Сочувствую. Что же она хотела?

Гриша пожал плечами.

– Черт ее знает. Сначала она расспрашивала меня, о чем мы болтали на вечеринке после твоего освобождения. Потом рассматривала списки по распределению участков, – их отобрали у меня при обыске, – а затем целых полчаса молча курила у окна.

Новость о списках насторожила меня. Я почти забыл об их существовании.

– Зачем Светке списки? – спросил я.

Гриша немного успокоился. Он сел и вытащил сигареты.

– Ты знаешь, – прикурив измятую сигарету, заговорил он. – У меня сложилось такое впечатление, что она и сама толком не знает, зачем они ей нужны. Кирпич-то уже свистнули и это все знают.

– Значит, ты так и не понял, чего она хотела от тебя?

– Нет... – Гриша обиженно хлопнул носом. – Этот следователь не женщина, а змея подколотная. Она хотела меня завербовать в осведомители.

Я улыбнулся.

– Понимаю. Ты не согласился. Тогда Светка сказала, что посадит на ночь к тебе в камеру какого-нибудь типа со строго определенными сексуальными наклонностями. Такая провокация в ее стиле. Ты, конечно, занервничал. Когда охотник вдруг превращается в добычу, он поневоле начинает нервничать. Но зачем Светке вдруг потребовался доносчик?

– Понятия не имею, – Гриша развел руками. – Кстати, Светка сказала, что тот тип, которого она посадит ко мне в камеру, любит называть свои жертвы "Раечками". Я здорово испугался.

– Ладно, все уже закончилось, – я подошел к двери и стукнул по ней кулаком. – Эй, служивый!

– Ну, что? – сразу же послышалось из-за двери.

– Где моя жена?

– Не беспокойся, в целости и сохранности. Светлана Петровна бережет ее как зеницу ока. Она забрала ее к себе домой, – охранник немного помолчал и добавил. – А вот тот торт, сука, который ты мне подсунул, я тебя никогда не прощу.

Я засмеялся.

– А-а-а, старый знакомый?

– Старый? Я посмотрю, каким ты завтра после допроса станешь.

Охранник смачно плюнул и ушел.

Я вернулся к Грише и присел рядом с ним на нары. Мы проговорили больше часа. Гриша окончательно успокоился

и даже поведал мне о сердечной слабости к адвокату Надежде Петровне. По его мнению, между сестрами практически не было ничего общего. Я засомневался. Тогда Гриша принялся перечислять мне все те маленькие отличия, которые ему удалось заметить, пообщавшись с обеими сестричками. Правда, все они носили чисто условный характер и выражались в динамике движения лица, скорости реакции и тому подобное. Например, когда Надя прикладывает свой пальчик к носу, (излюбленный жест сестричек) она прикладывает его под углом в тридцать градусов, в то время как Светка делает тоже самое, но под углом в сорок пять и даже чуть больше.

Я скептически улыбнулся и сказал, что различать сестер при помощи транспортира и секундомера занятие довольно хлопотное. Мы снова заговорил о списках. Мне никак не удавалось понять, зачем вдруг они потребовались следовательно. Гриша снова пожал плечами и сказал, что списки существуют не в одном экземпляре. Светлане понадобился только один, а об остальных она даже не спросила.

Ночью я долго ворочался с боку на бок, пытаюсь разобраться в происходящем. Но любая версия шла к чертям, как только я вспоминал реплику Гриши о том, что на заключительной части допроса Светлана курила у окна, забыв о существовании задержанного. Мне казалось, что я даже видел спину следователя и краешек ее задумчиво наморщенного лба. О чем она думала, а точнее говоря, замышляла, было

просто невозможно понять.

Утром меня вызвали к Светлане. Следователь пила чай. Она была в прекрасном расположении духа и предложила мне позавтракать вместе с ней. Я отказался и довольно резко спросил, где сейчас находится Рая. Светлана притворно вздохнула: что поделаешь, но утром ей опять пришлось вернуть Раю в КПЗ. Я внимательно осмотрел широкий стол следователя. К сожалению, массивной пепельницы на нем уже не было, а тот предмет, который ее заменял, представлял жалкий кусочек жести.

Я сел и закурил. Светлана лицемерно улыбнулась.

– Я предупреждала вас, – сказала она, – что вам не стоило вмешиваться в женскую драку. Сейчас вы имеете дело не с милиционером, и даже не с обиженной женщиной, а с ущемленным женским самолюбием. Я вам не завидую.

– Плевать я хотел на твое самолюбие, – грубо оборвал я Светлану. – Если с головы Раи упадет хоть один волос, я придушу тебя в твоем же кабинете.

– Мы уже перешли на ты? – весело удивилась Светлана. – А впрочем, я понимаю – убивать малознакомого человека нелогично. Что касается Раи, то можешь за нее не беспокоиться. Вчера вечером мы довольно мило побеседовали с ней. Я накормила ее вкусным ужином и уложила спать на роскошном диване.

– Ты всегда так относишься к задержанным?

– Конечно, нет. Но у нас с тобой личные счеты и если ты помнишь, вчера я пообещала превратить твою жизнь в ад.

– Именно этим ты сейчас и занимаешься?

– Да. Кстати, Рая похвасталась мне, что ты подаешь ей завтрак в постель.

– Еще чего!..

– А вот мне пришлось сделать это. Должна тебе заметить, что ты слишком балуешь свою жену. Впрочем, счастье всегда оглушает человека, – улыбка следователя стала снисходительной. – Ну-с, а теперь перейдем к делу. Надеюсь, ты отдаешь себе отчет в том, что во имя сохранения целостности моей легко ранимой женской психики, я не могу отпустить тебя просто так?

Я неохотно кивнул.

– Хорошо, – продолжила Светка. – Теперь давай договоримся с тобой по-хорошему: ты садишься в тюрьму по доброй воле, и мы благополучно заканчиваем наше побоище.

– Извини, но я сажусь в тюрьму на какой срок?

– Год-полтора общего режима, не вдалеке от дома. Если ты будешь примерно себя вести, срок сократят. Я гарантирую.

– Что-то маловато для ада.

– А кто сказал, что ад ждет тебя в тюрьме?

Я попытался понять смысл сказанного. Мне даже пришлось почесать затылок. Светка придумала что-то по-настоящему дьявольское.

Я попробовал нащупать слабое место противника и спросил:

– А если я попробую вытащить Раю без твоей помощи? Уверен, что она не принимала непосредственного участия в твоей разборке с сестрой в туалете.

– Правильно. Она только стояла на стреме, но для суда будет достаточно и этого.

Боже мой, моя Рая, моя Прекрасная Принцесса, стояла на стреме и где? В женском туалете!.. В свой медовый месяц.

– Она могла зайти туда случайно, – охрипшим от возмущения голосом предположил я.

– У меня есть масса свидетелей, которые подтвердят обратное, – возразила Светлана. – Но не в этом дело. Может быть, тебе и удастся вытащить одного человека, но не всех сразу.

– Всех?! – удивился я.

– А я тебе еще разве не говорила? – Светлана протянула мне сигарету и щелкнула зажигалкой. – Твой друг Коля снова у меня в гостях. Но на этот раз вместе со своей верной женой.

Я подавился сигаретным дымом и закашлялся. Следователь смотрела с явным участием, примерно с таким же, с каким смотрит опытный врач на безнадежно больного.

– Твоя неумная сестричка опять придумала какую-нибудь комбинацию? – наконец с трудом выговорил я.

– Опять. Надька зачем-то решила, что необходимо вер-

нуть пропавший кирпич на прежнее место – Колин участок. Зачем, я не знаю. Впрочем, это не имеет значения. Как говорили древние, важен сам факт, а Рубикон, который нужно перейти, может называться и как-то иначе.

У меня потемнело в глазах.

– И Коля согласился на эту идиотскую затею?! – закричал я.

– Моя сестра довольно опытный адвокат и обладает даром убеждения. Когда завертелась вся эта чехарда с кирпичом, ее участники начали постепенно сходить с ума. Вокруг постоянно что-то менялось и твоим друзьям постоянно хотелось что-нибудь перейти. Не знаю как там насчет Рубикона, но границы здравого смысла – точно. Твоего друга Колю подвел элементарный азарт. Жажда действия всегда делает человека глупее, чем он есть на самом деле.

– Но смысл?!

Следователь пожала плечами.

– О смысле поинтересуйся у моей сестрички. Короче говоря, сегодня ночью твой друг Коля вместе с женой пробралась на кирпичный завод и принялись укладывать кирпич в кузов стоящего там же "КАМАЗа". Их взяли уже под утро, когда они уложили его в количестве достаточном для того, что бы получить пятилетний срок.

Я встал и принялся нервно расхаживать по кабинету. Следователь молча наблюдала за мной и загадочно улыбалась.

Я подошел к окну и нервно забарабанил пальцами по под-

оконнику. То, что произошло с Колей и Настей не поддавалось никакому логическому объяснению.

– Я могу поговорить с твоей сестрой? – наконец спросил я.

– Меня не нужно об этом просить – я отпустила ее. Должна же Надя совершить еще какую-нибудь глупость. Но со своим неумным темпераментом на свободе она долго не задержится. А теперь давай все-таки вернемся к нашему делу. Итак, если ты добровольно согласишься сесть в тюрьму, я на многое закрою глаза.

– Например?

– Я отпущу всех, кроме тебя. По рукам?

Мне пришлось немного подумать.

– А за что меня будут судить? – спросил я. – Дело о кирпиче уже давно развалилось.

– Можешь считать, что тебе повезло. Позавчера на улице мои коллеги нашли на улице двух изрядно потрепанных субъектов. Кто-то их избил, причем довольно сильно. Но они категорически отказываются давать показания. Один из них, по видимому, защищаясь, ударил кулаком по твердому и сломал два пальца. Второму настолько долго выкручивали руку за спину, что он так и шел по улице в полусогнутом состоянии.

Я вспомнил свою недавнюю драку в подъезде.

– Какая жестокость! – с самым искренним чувством заметил я.

– Согласна. Кстати, у нас как раз горит план по хулиганам.

Вот я и подумала, а что если это сделал ты?

– Я?!

– А почему нет? Этих типов нашли недалеко от твоего дома. Примерно в то же время, когда ты возвращался домой после нашей беседы.

– Это был не я.

– Нет, это был ты. После нашей беседы ты решил с горя выпить. Потом ты стал приставать к прохожим и избил двух ни в чем неповинных людей. Ты – дебошир, пьяница и хулиган.

– Не вяжется, – продолжал упорствовать я. – Никто не поверит, что я смог поднять руку на человека. У меня слишком хорошая репутация.

– У тебя репутация прожженного афериста, – отмахнулась следователь.

– Но и философа-моралиста, – напомнил я.

– К твоему делу о мелком хулиганстве это не будет иметь никакого отношения. Соглашайся, иначе я постараюсь устроить тебе дело об изнасиловании.

Я вздохнул.

– Хорошо. Когда ты отпустишь Раю, Колю и Настю?

– Как только ты напишешь явку с повинной.

– Давай бумагу.

– Не спеши. Ты еще должен зайти домой и собрать вещи. Я не хочу, чтобы ты встречался со своими друзьями на свободе. Ведь ты – не Надька. Три часа тебе хватит?

– С избытком.

– Тогда иди.

Я не понимал, зачем Светлана отпускает меня. Но не подчиняться такому ходу в игре было бы глупо.

"Думай, думай, черт бы тебя побрал!.."

И я думал.

– У тебя слишком сосредоточенное лицо, – сказала на прощание Светлана. – Голова не болит?

– Пока нет.

– Не расстраивайся, головную боль в ближайшем будущем я тебе гарантирую.

На улице снова шел дождь. Я прикинул, что могу добраться пешком до дома не больше, чем за полчаса и поднял воротник плаща. Дождь был теплым и светлым. В лужах играли осенние, желтые солнечные зайчики.

Дома не смотря на отсутствие аппетита, я плотно пообедал. Затем принялся собирать вещи. Между делом я подмел пол, убрал на кухне и замочил белье в ванне.

К трем часам все было готово. Прежде чем покинуть квартиру и подошел к книжному шкафу и скользнул взглядом по корешкам книг – мне не мешало бы прихватить что-нибудь с собой. После небольшого колебания я выбрал "Одиночество перед смертью". Название книги соответствовало моему настроению. Потом я надел плащ и открыл дверь.

За дверью стоял пьяный Гриша. Он устало опирался гру-

дью на стену и пытался нащупать нетвердой рукой кнопку звонка. Я поставил чемодан на пол. Гриша радостно улыбнулся и упал в мои объятия.

– Меня отпустили. Дома я немного выпил, и я все нашел!.. – прошептал он, прижимаясь носом к моему плечу.

Я оттащил Гришу в зал и усадил в кресло. По пути я поклялся самому себе месяц не прикасаться к спиртному. "Находить" что-то в пьяном виде, пусть даже "все" по методу Гриши занятие малопочтенное.

Гриша немного поворочался в кресле и закинул ногу за ногу. Мне пришлось придержать гостя, иначе он вывалился бы из кресла.

– Итак, я нашел, – повторил Гриша. – Я понял, чего боится Светка. Сейчас я все тебе расскажу... Надя будет просто в восторге.

"Поженить их, что ли?", – мелькнула у меня мысль.

К сожалению, такой вариант развития событий пришлось забраковать. Темпераментная Надежда относилась к Грише только как к инструменту для достижения своих личных целей. Кроме того, интрига с их свадьбой могла оказаться слишком громоздкой и явно искусственной.

Я напомнил Грише, что у меня мало времени.

– Да-да, – Гриша потер рукой лицо, сгоняя с него идиотскую улыбку. – Как я тебе уже говорил, вчера, когда меня допрашивала Светка у нее на столе лежали списки по распределению участков. Они были открыты на четырнадцатой

странице. Дома я выпил и еще раз просмотрел копию этих списков, а именно четырнадцатую страницу. Вот тогда я все и понял!..

Гриша многозначительно замолчал.

– Не тяни!

– Разгадку нужно искать в людях. Адреса и номера участков – только цифры. Короче говоря, неожиданно мне в голову пришла одна идея. Ответь мне, как фамилия следователя Шарковской?

– Шарковская, – с большой долей иронии быстро "догадался" я.

– Понял, да? – Гриша радостно улыбнулся и хлопнул меня по плечу. – В этом вся суть.

Понять женщину может только женщина, понять пьяного может только пьяный. Я вспомнил о спиртном в холодильнике, но поход в тюрьму требовал ясного ума.

– Поясни, пожалуйста, Гриша, – как можно мягче попросил я.

– Все очень просто, – Гриша мне подмигнул. – Светлана Шарковская замужем, но она не взяла фамилию мужа. Сообщаешь?.. Или, по крайней мере, тебе не кажется это странным?

Я насторожился.

– Продолжай, пожалуйста.

– При здравом размышлении, Шарковская не могла взять фамилию мужа только в одном случае – если эта фамилия

звучит, мягко говоря, не совсем благозвучно. Ну, например, Побирушкин. Следователь Побирушкина Светлана Петровна!.. Звучит как приговор любому честолюбию. Так вот, в списках я нашел только две подобных фамилии. Одна из них, именно на четырнадцатой странице, подошла к Гене по инициалам, – Гриша вытащил из кармана смятые списки и бросил на стол. – Посмотри сам: Портянко Геннадий Федорович. Улица Булдакова, дом пять, квартира восемнадцать. Теперь понял?.. Муж Светки тоже есть в этих злосчастных списках.

– Боже, откуда он там?!

– Я выяснил и это. Оказывается, его отец работает в министерстве энергетики. Именно с ним наш институт подписывает большинство контрактов. Усек?.. А Светка испугалась, что ты вернешь кирпич, но подбросишь его на участок ее мужа.

– Еще я говорил, что могу достать луну с неба, – немного растерянно припомнил я.

Я встал и принялся нервно расхаживать по комнате. В гипотезе Гриши определенно был здравый смысл. А Надежда, судя по всему (ох, уж эти мне предположения!), докопалась до разгадки раньше. Именно поэтому ей удалось уговорить Колю и Настю пойти на прямое воровство кирпича. Но Светка?!..

– Прежде, чем придумать такое, – сказал я, – Светка наверняка долго ломала себе голову. Не слишком ли это искус-

ственное умозаключение?

– Она паникует. Участки Коли и Гены расположены практически рядом. Если ты подбросишь кирпич Гене, Светке придется очень многое объяснять. Например, почему кирпич пропал? Почему когда он пропал, она выпустила на свободу твоего дружка Колю? И почему когда кирпич вернули, он вдруг оказался на участке ее мужа?

Черт возьми!.. Я в сердцах ударил кулаком по ладони. Оказывается, сестры-близнецы думали почти одинаково. Гипотеза была неплоха, но чего-то все-таки определенно не хватало. Наверное, последнего, завершающего штриха...

Я сел и взял в руки списки дачников. Под номером шестьдесят вторым, на четырнадцатой странице, действительно значился Портянко Геннадий Федорович.

– Портянко Светлана Петровна, – пьяно гоготнул Гриша. – Нет, как звучит, а?.. Я закажу красивую бирку и ночью повешу ее на дверь Светкиной квартиры.

Я потер лоб, собираясь с мыслями. Итак, в данный момент мне стоило исходить из того, что следователь придумала довольно замысловатую химеру. И теперь она опасается столкнуться с ней в действительности. Поэтому когда Коля и Настя, пыхтя и потея, перекладывали кирпич из штабелей в машину, за забором уже сидела парочка милиционеров и умирала со смеху. Но Светка поступила очень умно – она сделала из своей химеры элементарную ловушку. А весь парадокс ситуации состоял в том, что в эту ловушку нельзя бы-

ло сунуть свою голову без согласия ее хозяйки. Ведь Светка пока не просила вернуть кирпич меня... Но она это сделает. Она обязательно сделает это рано или поздно!

Я подошел к окну и открыл форточку. Сырой, пахнувший сторевшей листвой воздух, нежно коснулся моего лица и колыхнул густую пелену сигаретного дыма.

Я подумал о том, что если я попытаюсь предпринять что-либо, не имея достаточно ясного плана, любая моя затея, в конце концов, развалится как карточный домик.

– Ты что-то сказал? – спросил Гриша.

– Нет. А что?

– А, по-моему, ты что-то сказал...

Грише пора было ложиться спать.

За окном на приколоченный к стволу дерева и уже покинутый птицами скворечник приземлилась взъерошенная ворона. Островерхая крыша оказалась не совсем удобной площадкой для посадки. Ворона довольно долго ворочалась на ней, пытаясь хоть как-то устроиться. Птичьи лапки скользили по мокрой крыше и по очереди срывались в пустоту.

"Сволочной, вообще-то, домик, – сказал мне вороний взгляд. – Ни на крыше посидеть, ни внутрь забраться..."

Я тихо постучал пальцем по стеклу. Ворона расправила крылья и нырнула вниз.

Домик... Карточный домик... Кажется, Гриша прав и я сказал вслух о карточном домике.

Я целую минуту рассматривал раскачивающийся на ветру

скворечник, а потом ударил себя по лбу и выбежал из комнаты. Сзади послышался протестующий возглас Гриши. Он тоже хотел принять участие в последующих приключениях. Я набросил на плечи черную, кожаную куртку, выскочил на лестничную площадку и с силой захлопнул за собой дверь. Преследования Гриши я не опасался. Скорее всего, он уснул прямо в прихожей.

Прежде, чем поймать такси я выудил из кармана водительское удостоверение, взятое взаймы у одного из типов с которым, судя по всему, мне скоро предстояло встретиться на очной ставке. С фотокарточки на меня взглянуло хмурое лицо человека с незаконченным полусредним образованием. Уже в такси я прочитал, что данное удостоверение принадлежит Яковчуку Николаю Ивановичу. Этого было вполне достаточно. Через десять минут я уже знал его адрес и мчался в нужном направлении.

Дом будущего истца находился в одном из бесчисленных тупичков частного сектора. Дом состоял из многочисленных пристроек и верандочек и был похож на теремок. Не исключено, что братья Яковчуки принимались за строительство только после очередного набега на чью-то собственность. Но в данный момент меня интересовал совсем другой человек – сосед братьев-разбойников. Тот самый, который, как я помнил из рассказа одного из братьев, оказался более пронырливым в деле возврата ворованного.

Справа от дома Яковчуков стоял менее крикливый и неказистый на вид домишко. Перед ним красовались аккуратные штабели кирпича.

Я вошел во двор и позвонил в дверь. Мне открыла женщина с проницательным взглядом автобусного контролера. Я решительно отстранил ее в сторону и прошел внутрь.

На кухне сидел полный мужчина в майке с бретельками и ел густой борщ. Я молча сел рядом и закурил. Хозяин исподлобья посмотрел на меня и отправил в рот очередную ложку варева. В надежде как можно быстрее найти с хозяином общий язык, я стряхнул ему в тарелку пепел с сигареты.

Мужик побледнел и отложил ложку.

– Где наш кирпич, сука? – мафиозным шепотом спросил я.

Мужик побледнел еще больше и затравлено оглянулся по сторонам. Его блуждающий взор остановился на экране телевизора. Показывали очередной, безликий боевик: полуголый, мясистый супермен-одиночка производил отстрел членов по-киношному неуклюжей банды. Судя по количеству трупов, лицензии на отстрел супермен не имел и занимался явным браконьерством.

Я повторил вопрос. Хозяин снова промолчал. Судя по всему, он терялся в догадках по поводу моей личности и не знал что ответить.

Я глумливо усмехнулся.

– Слушай сюда, фраер, – медленно начал я. – Нам не нра-

вится, когда у нас тащат то, что достается нам с большим трудом...

Между тем перестрелка на экране телевизора достигла своего апогея – звуки выстрелов до предела заполнили комнату. Хозяин дома с трудом сглотнул слюну. Уверен, что мой молчаливый собеседник очень не хотел в свободное от воровства время отстреливаться из окон своего дома от настоящих мафиози желающих вернуть ворованное. Я снова заговорил. Факт моего знакомства с братьями-разбойниками Яковчуками добил хозяина дома окончательно. Собеседник быстро закивал, соглашаясь со всей чепухой, которую я нес, и в его глазах появилась собачья преданность. Я уверен, что все самое страшное мой собеседник придумал без моего участия. Крамольная мысль, что один единственный человек может смело войти в чужой дом и заняться элементарным шантажом, так и не пришла ему в голову.

Но мне было мало того кирпича, который лежал перед домом и я посоветовал его "хозяину" намекнуть своим знакомым, что у мафии очень длинные руки. Срок возврата ворованного я сделал очень жестким – два дня включая сегодняшний. В случае необходимости допускалась замена кирпича цементом, досками и песком согласно рыночной стоимости.

Садясь в ожидавшее меня за углом такси, я невольно поймал себя на мысли, что дальнейшее развитие событий будет зависеть от того, насколько правдоподобным окажется слух

о вмешательстве крупных мафиозных структур в дела мелких любителей чужой собственности. Мне хотелось верить в лучшее. Наш народ уже не раз проявлял чудеса смекалки. В конце концов, что такое слух?.. Слух это лишь всего-на-всего быстро катящийся с горы снежный ком, внутри которого находится один перепуганный простофиля. Бесплатных юридических консультаций соседу со стороны братьев-разбойников Яковчуков я не опасался. Во-первых, у нас не любят более хитрых соседей, а во-вторых, братьям очень скоро придется подумать о своих личных интересах.

Ох, уж эти мне тупичковые нормы нравственности!..

Глава девятая

в которой рассказывается о том, что созданную Богом женщину не сумеет переделать ни один мужчина, а так же о том, что вслед за пробуждением человеку рано или поздно снова захочется уткнуться головой в подушку и забыть обо всем на свете.

К Светлане Шарковской я вошел примерно так же, как входит богатый клиент в кабинет директора ювелирного магазина. Меня не только не попытались остановить, но даже не задали ни одного вопроса в спину.

Светлана сидела за своим рабочим столом и обедала. Она аккуратно выбирала вилкой кусочки из тарелки с чем-то ве-

гетарианским и искося посматривала на лежащую рядом газету.

Я молча сел. Светлана подняла глаза и приветливо улыбнулась.

– Чаю хочешь? – спросила она.

– Не откажусь, – я взял горячий стакан.

Его тепло приятно согрело мои ладони.

– Бутерброд возьми.

– Спасибо, я сыт. Что едят? – я кивнул на газету. – Что-нибудь новенькое?

– Воруешь, а еще больше врут, – Светлана вздохнула. – А вот мне, признаться, за делами и поесть некогда. Один раз, правда, хотела пообедать в ресторане, но ты испортил мне аппетит.

– Когда-нибудь ты получишь майорские погоны вместе с язвой желудка. Тебя погубит амбициозность.

– А что поделаешь? У меня нет другого выхода. Женщина, которая не умеет за себя постоять, никогда не сделает карьеры.

Светлана внимательно посмотрела мне в глаза. Я выдержал ее взгляд со спокойствием уставшего олуха. Следовательно снисходительно улыбнулась и потянулась за сигаретами.

– Признание писать будем?

– Конечно. Я не хочу, чтобы моя преданная жена провела еще одну ночь вне дома. Она может к этому привыкнуть.

Светлана положила передо мной чистый лист и ручку.

– Пиши явку с повинной на мое имя. Постарайся изложить все как можно проще. Так твое признание будет выглядеть более естественным и не написанным под диктовку.

Я принялся за работу. Через двадцать минут мне пришлось попросить еще пару листов. Следователь слегка наклонилась вперед и посмотрела на уже исписанную бумагу.

– Интересно, что ты там сочиняешь?

– Похождения интригана.

– Я попросила тебя написать только про то, как ты избил двух ни в чем не повинных людей. Мне не нужна вся твоя биография.

– Не мешай. Мне интересно самому что получится в итоге.

– Суду нужны факты. И поторопись, пожалуйста, мне еще нужно успеть сбежать в обед в парикмахерскую.

Еще через пятнадцать минут я закончил свой труд. Светлана взяла листки и принялась их перечитывать. Что ни говори, а мое сочинение удалось на славу – три раза Светлана улыбнулась и один раз громко рассмеялась, причем довольно искренне.

– Ладно, сойдет, – женщина отложила листки в сторону и посмотрела на часы. – Тебя проводить в камеру или ты сам найдешь дорогу?

– Конечно сам. Но перед этим я бы хотел поговорить с женой.

Светлана нахмурилась.

– Стоит ли?

– Для молодоженов мы слишком долго не виделись. И еще я бы хотел посмотреть, как Коля и Настя покидают стены твоего заведения.

– Думаешь, обману? – Светлана нажала кнопку под крышкой стола. – Поговоришь с женой пять минут, но не больше. А потом помашешь ручкой из окошка своему другу.

Мы вышли в коридор.

К моему удивлению Рая довольно легко перенесла свое первое (и надеюсь последнее!) заключение. Она поцеловала меня в щеку, взяла за руку и молча повела в пустой кабинет, на дверь которого кивнула следователь.

Первой заговорила Рая. Я попытался перехватить инициативу и рассказать о том, что ей предстоит сделать на свободе в самое ближайшее время. Но Рая просто не захотела меня слушать. После небольшого препирательства я невольно подумал о том, как сильно меняет женский характер даже краткосрочное пребывание в неволе. Надеюсь, что так действует только тюрьма, но не семейный быт.

Я пожал плечами, сунул в рот сигарету и достал спички. Рая села за пустой стол и поведала мне о своей вчерашней беседе со Светланой у нее на квартире. Сначала я слушал довольно невнимательно, но потом насторожился. Оказывается, Светка "честно" рассказала Рае обо всех тех издевательствах, которым она подвергалась каждый раз, общаясь со мной. Следователь даже несколько раз плакала. Выслушивая

подобный бред, я забыл про горящую спичку и обжег пальцы. К моему удивлению Рая вместо того, что бы выполнить долг любящей супруги, то есть заботливо осмотреть мою руку, усмехнулась и довольно ехидно заметила, что стряхивать пепел на пол и повсюду разбрасывать сгоревшие спички, абсолютно в моем вкусе.

Я не стал спорить и осторожно спросил, о чем же еще она беседовала со следователем. Ответ был потрясающим: оказывается Светка битых четыре часа рассказывала Рае о своем одиночестве и о тех страданиях, которые выпали на ее женскую долю. Я не выдержал и расхохотался. Если Светка додумалась до того, что решила выбрать себе в подруги жену человека, которого она уже в ближайшем будущем собирается отправить в тюрьму, она и в самом деле была довольно одинока.

Мой смех не понравился Рае. Она обиженно скривила губы и сказала, что я закоренелый циник. Я не согласился.

– Послушай, Зайчик, – сказал я, с трудом справившись с приступом смеха. – Тебе не кажется, что эти две сестрички, по очереди затаскивая тебя на кухни, преследуют исключительно своекорыстные интересы? Вспомни, после того как Надежда раскрыла тебе свою душу, ты оказалась сначала на стреме в женском туалете, а потом в подвалах КПЗ.

– Я не была в подвалах. Я провела ночь в чудесной квартире.

– На твоём месте я предпочёл бы подвал. Кстати, не при-

нимал ли в твоём разговоре со Светкой любвеобильный Геня?

– О Боже!.. – театральным жестом Рая воздела руки к потолку. – И этот человек еще меня ревнует.

– А почему я не должен тебя ревновать во время медового месяца? Это мой долг, в конце концов. А ты перестань быть дурой. Это тебе не к лицу.

– Значит я дура?! – Рая покраснела от гнева.

– Еще какая! Светка тоже хочет, чтобы ты еще раз посто-
яла на стреме. Но уже в другом месте.

В дверь тихо постучали.

– Еще пять минут, – сердито крикнула Рая.

– Дорогой Зайчик, – я подошел к жене и взял ее за руки. – У нас очень мало времени, а мне еще нужно многое тебе сказать.

– Не надо. Я и так знаю, что ты меня любишь.

– Я не о том... Как только ты выйдешь отсюда, попытайся сразу же собрать своих родственников. Коля и Настя тебе помогут. Потом...

– Перестань, – довольно грубо оборвала меня Рая. – Мне уже порядком надоела вся эта мышьяная возня.

– Возня?! – взорвался я. – Да знаешь ли ты, что твоя новоявленная подружка-следователь попросту хочет отправить меня в тюрьму? – я скомкал сигарету и швырнул ее на пол. – Меня!.. Твоего мужа, черт бы тебя побрал!

– Ты эгоист и думаешь только о себе. Подними сейчас же

сигарету и положи ее в пепельницу.

Я устало опустился на стул и обхватил за голову руками. Проклятая Светка!.. Мстя мне за Гену она, словно хитрый бес, все это время плела свою очередную паутину. Теперь ее жертвой оказалась Рая. Моя Раечка!.. Не зная как убедить жену в ее вопиющей глупости, я принялся раскачиваться из стороны в сторону как подсолнух на ветру.

Рая презрительно фыркнула.

– Перестань паясничать.

– Я не паясничаю. У меня уже давно кружится башка от приключений, – пояснил я. – Господи, что же мне, бедному, делать?

– Лучше спроси, что не должен был делать. Ты опустился до низкой мести...

– Может быть все-таки не я, а Светка?

– Нет, именно ты! Зачем ты подослал Настю к Гене? Хотел отомстить?.. Но это же низко. Ты просто доказал несчастной женщине, что ее личное счастье ни стоило и ломаного гроша.

– Будь я на месте Светки, я сказал бы спасибо, – успел вставить я.

– ...Кроме того, ты постоянно оскорблял Светлану на допросах, – продолжила Рая.

– Я?!.. Тогда, может быть, это я хочу отправить следователя в тюрьму, а не она меня?

– А кто тебе сказал, что тебя хотят посадить? Хо-хо-хо! Иди, просто извинись перед Светой и она тебе все простит.

– Никогда!.. Никогда еще дичь не просила извинения у охотника!

– Ты – дичь? – возмутилась Рая. – Ты запутал и стравил между собой двух сестер!

– Правильно. Я стравил их еще в материнской утробе.

Рая резко встала и пнула ногой стул.

– Нет, ты все-таки страшный человек, – в ее голосе вдруг зазвучали незнакомые мне металлические нотки. – Вчера я искренне пыталась убедить Свету, что это не так. Но теперь вижу, что зря. Мне очень жаль, что я люблю тебя и пока не могу уйти.

– Обрадовала. А когда сможешь?

– Не знаю. Впрочем, если ты попросишь у Светы прощения, я не сделаю этого никогда.

– Послушай, Зайчик...

– С сегодняшнего дня я для тебя больше не Зайчик, – металлические нотки в голосе жены надломилась, и он трагически дрогнул.

Я мысленно выругался. Да гори все синим огнем!.. Откинувшись на спинку стула, я положил ноги на стол. Уважающий себя интриган, решил я, должен быть всегда спокоен и циничен.

– Ладно, пусть вместо Зайчика будет Кролик, – безразлично согласился я. – Послушай, Кролик, твоя новая подружка по кличке Большой Удав изобрела новый способ общения с подследственными: один гражданин Кролик должен угово-

ритель другого Кролика не сопротивляться Удаву.

Рая пожала плечами и направилась к двери.

Прежде чем выйти она оглянулась и сухо сказала:

– Сегодня же извинись перед Светой.

– Может быть, еще пригласить ее в гости?

– Конечно. Я приготовлю торт.

– Лучше сразу начинай сушить мне сухари.

– Ты и в самом деле чудовище!.. – Рая громко всхлипнула и с силой захлопнула за собой дверь.

Я с трудом встал. У меня отчаянно болели все синяки и шишки, которые я получил за последнее время. По-стариковски шаркая ногами, я направился к двери.

В коридоре стояла Светлана и ела мороженное.

– Как поговорили? – поинтересовалась она, аккуратно облизывая протекающее доньшко стаканчика. – Надеюсь, все нормально?

– Еще бы!..

– Вы сильно кричали. Но я так и не поняла о чем.

– Мы спорили о принципах семейной демократии. Оказывается у нас разные взгляды.

– Сочувствую.

– Эх, да чего уж там!.. – я махнул рукой и привалился спиной к стене. – Коля уже вышел на волю?

– Пока нет. Ваш друг потерял ботинок в камере и Настя никак не может его найти.

– По-моему Настя идеальная жена.

– Твоя тоже ничего...

Я вздохнул:

– Смотря для кого.

Светлана немного смущенно кашлянула и состроила на лице гримаску, которая говорила: "Извини, но, в конце концов, каждый из нас старается сам для себя".

Неожиданно в конце коридора появилась стройная фигура Надежды Шарковской. Твердо постукивая каблучками, адвокат направилась прямо к нам.

Светлана насторожилась и выбросила остатки мороженого в урну. Я воспрянул духом. Надежда всегда вызывает у меня прилив сил, не говоря уже о том случае, когда одна несет тебе другую.

Не знаю, поправляют ли прыгуны в воду перед прыжком с вышки съехавший на бок галстук; застегивают ли они на все пуговицы пиджак, но после того, как я сделал такой же, как и они, глубокий вдох, я ринулся в пространство коридора со скоростью, которую эти отчаянные ребята могут развить разве что только через час свободного падения, да и то с камнем на шее. Сзади вспыхнул и увял протестующий возглас Светланы. Сметенная воздушной волной казенная урна упала на бок. Описав плавную дугу, она несколько раз, словно ища спасения, стукнулась железной головой в запертую дверь кабинета. Нет, я не бежал, я действительно падал в бездну. Думаю, что такого же мнения до сих пор придерживается молодой сержант вышедший покурить в коридор. Сержант

вовремя заметил, что у него расшнуровался один ботинок и нагнулся. Не исключено, что именно это спасло ему жизнь, но вместе с тем сократило срок существования подвешенного к потолку стеклянного плафона – он со звоном разлетелся на тысячу кусков. Кроме стеклянных осколков мое падение подарило экспертам и еще одну загадку – четкий отпечаток итальянского демисезонного сапога на спине сержанта. Впрочем, последний наверняка не стал достоянием печати, так как в противном случае это дало бы повод депутатам Государственной Думы еще раз поднять вопрос о том, как долго зарубежные капиталисты будут топтать наш российский закон.

Надежда испуганно пискнула и сжалась в комок. Я втолкнул адвоката в ближайший кабинет. К счастью кабинет оказался пустым. Я захлопнул дверь, навалился на нее спиной и подтащил к себе слабо отбивающуюся Надежду.

– А теперь слушай меня внимательно, – быстро заговорил я, глядя в широко распахнутые от ужаса глаза адвоката. – После того, как ты выйдешь отсюда, ты соберешь всех, кого только можешь найти...

В дверь забарабанили. Я не обратил на это никакого внимания и продолжал быстро говорить. Постепенно ужас в глазах адвоката уступил место более осмысленному выражению. Надежда выслушала меня очень внимательно и не задала ни одного вопроса.

Когда я закончил свою короткую лекцию, в дверь ударили

уже чем-то более тяжелым, чем среднее по массе мужское тело.

Не раздумывая, я надорвал рукав плаща Надежды и, после некоторого колебания, горловину ее платья. Надя даже не поморщилась. Она смотрела на меня примерно так же, как смотрит на отца маленькая девочка во время таинства надевания зимней шубки. Я внимательно осмотрел свою "жертву" со всех сторон. Ее вид оставлял желать лучшего. Я вдвое сократил количество сережек и придал женской прическе абстрактно-художественный беспорядок.

– Ты все запомнила? – строго спросил я.

Надя кивнула. Я нагнулся, снял с женской ножки невесомый сапожок и забросил его в угол кабинета.

– А теперь кричи, пожалуйста, – шепотом попросил я.

– Зачем? – удивилась Надежда.

– Твоя сестричка должна быть уверена, что мы по-прежнему в ссоре. Кричи так, словно тебя режут на части.

Я наступил на босую женскую ножку и слегка надавил.

Надежда взвизгнула нечеловеческим голосом:

– Помогите!

– Громче, – одними губами подсказал я. – Представь, что ты выступаешь на бракоразводном процессе.

– Он меня убьет!.. Зверь!

– Отпусти меня, – суфлировал я.

– Отпусти меня, негодяй!

– Ты ломаешь мне руку.

– Ты сломаешь мне ноги, подлец!

В дверь ударили с такой силой, что и меня и Надежду отшвырнуло в центр кабинета. Я упал, но успел вовремя придержать пролетающего мимо адвоката.

Первой в кабинет ворвалась Светлана Шарковская. Повелительным жестом она остановила напирющую сзади толпу и внимательно, словно прибывший на место убийства прокурор, осмотрела кабинет. Очевидно, в искренности моей драки с адвокатом Светлану убедил женский сапожок в углу.

Надежда рыдала так, как только может рыдать женщина на похоронах своего мужа, ясно сознавая, что ее больше никогда не возьмут замуж. Адвокату помогли встать. Заботливо придерживая за подрагивающие плечи, молодую женщину вывели из кабинета. Светлана проводила сестру долгим, внимательным взглядом.

– Вообще-то, на женщину нельзя поднимать руку, – сказала мне Светлана. – Даже в том случае, если она этого заслужила.

– Мне надоели женщины, – я встал с пола и попытался привести в порядок одежду. – Я никого больше не хочу видеть и особенно женщин. Пожалуйста, одолжи мне тихую обитель в виде камеры.

Светлана пожала плечами.

– А кто тебе возражает?

Я вышел из кабинета и устало поплелся по коридору. Не задавая никаких вопросов, передо мной распахнули пару ре-

щетчатых дверей. Такое предупредительное отношение к заключенному возможно только в том случае, если он уже приговорен к смертной казни. Это открытие совсем не улучшило моего настроения.

Свернув за угол, я нос к носу столкнулся с толстомордым прапорщиком. Это был тот самый любитель сладкого, который пообещал мне вчера нелегкий допрос. Я нехорошо улыбнулся и грубо толкнул его плечом. Прапорщик извинился и, отступив в сторону, исчез за дверью туалета. Мое настроение испортилось окончательно.

Я нашел уже знакомую камеру номер тринадцать и с силой захлопнул за собой дверь. Потом упал на нары и замер.

Минут через час в дверь вежливо постучали. Я буркнул, что дверь не заперта и отвернулся к стене. В камеру кто-то вошел.

– Привет, – сказал незнакомец. – Опять у нас гостишь?

Я промолчал. Рядом со мной на нары упала подушка.

– Одеяло нужно?

Я оглянулся. Это был тот самый вежливый милиционер, который провожал меня к выходу после появления газетной статьи. Не сказав ни слова, я снова отвернулся к стене.

– Как хочешь, – спокойно сказал милиционер. – Кстати, если чего нужно будет – я в коридоре.

Дверь захлопнулась.

Я попытался уснуть, но вскоре понял, что при моем теперешнем душевном состоянии мне будет значительно легче

совершить побег, нежели увидеть простой и умиротворяющий сон. Я вздохнул, перевернулся на спину и открыл глаза. Я так и пролежал на нарах до глубокой ночи, тупо разглядывая потолок и комкая в груди обиду на Раю.

Раньше я никогда не пытался понять женщин и всегда принимал их такими, какие они есть или хотели бы казаться. Им льстило такое отношение, а мне создавало имидж сильного человека.

Женщина!.. Как часто мы все-таки даже не пытаемся понять то, что до поры не тревожит нас, и какими жалкими мы станем потом, когда стараемся не столько взяться за ум, сколько ухватить за хвост ускользающее счастье. Лично для меня представление о женщине навсегда будет связано с образом одной маленькой девочки, которую я как-то раз увидел на пляже. Был жаркий август. Я нежился на песке и лениво оглядывался по сторонам. В конце концов, мое внимание привлекла довольно занимательная парочка: папа и его трехлетняя дочурка. Папа, крупный мужчина средних лет, блаженно улыбаясь, лежал, уткнувшись носом в песок. Суетившаяся рядом с ним девочка проделывала с отцом разные фокусы: она посыпала его песком, скатывалась с его могучей спины как с горки, пыталась взнудать папу с помощью носового платка или расчесывала ему лохматые ноги массажной щеткой. Наконец папа встал. Он несколько раз прогнулся, разминая затекшую спину, и протянул к девочке большие, сильные руки. Черт возьми, стоило было увидеть глаза ма-

лышки в тот момент. Какая гамма, какой диапазон чувств!.. В глазах девочки был целый мир, и этот мир начинался с настороженного вопроса: "Папа, а ты не будешь меня наказывать?" и заканчивался радостным восклицанием: "Папка, ну пошли купаться!" Пусть это звучит смешно, но мне кажется, что любой мужчина представляется женщине, вне зависимости от возраста, эдаким лежащим на песке папой с которым, с одной стороны можно делать все, что вздумается, а с другой стороны реакцию на происходящее которого просто невозможно предугадать.

"Ох уж эти мне мужские, огромные руки!— думает девочка-женщина, настороженно рассматривая тянущиеся к ней две огромные ручки. — Они могут приласкать, оттолкнуть, сделать больно, достать из воздуха конфетку и, вообще, совершить тысячу чудес как добрых, так и злых. Все мужчины — одна большая загадка!.."

Отвлеченные воспоминания и размышления, наконец, как всегда успокоили меня, и я уснул.

Глава десятая

в которой рассказывается о том, что маленькие радости можно найти и в, казалось бы, безвыходном положении, а также о том, что в схватке всегда побеждает более предусмотрительный.

В течение следующего дня меня никто не беспокоил. Я отказался от тюремной баланды, а когда мне предложили пообедать в служебном буфете, послал подальше коридорного вертухая. Он ушел, сердито стуча сапогами, но быстро вернулся и бросил в дверной глазок записку.

"В конце концов, мне плевать, – прочитал я. – Можешь делать все что угодно. Светлана".

Листок был маленьким, и мне пришлось приложить немало усилий, что бы мое ответное послание получилось как можно более оптимистичным и вместе с тем довольно ядовитым.

Я постучал в дверь и когда язычок приоткрылся, щелчком пропихнул туда записку. Вертухай воспринял мое ответное послание довольно бурно. Судя по всему, свернутая в рулончик записка попала ему прямо в глаз.

Только поздно вечером в мою камеру вошел человек, который принес мне нечто более приятное, чем хриплые мажорги за дверью. Это был вежливый милиционер.

– Все бунтуешь? – он присел на соседние нары и поставил на стол сразу три связки новых, сверкающих никелем кухонных наборов "первое-второе-третье". – От твоей жены, – пояснил он. – Но наши на тебя обиделись и не стали передавать.

– Обиделись на что? – безразлично спросил я.

– Не знаю. Я только пришел. Мне сегодня в ночь дежурить.

Милиционер был почти по-домашнему спокоен, благода-

шен и мне захотелось с ним немного поговорить.

– Как погода? – я провел пальцем по сияющей поверхности одной из кастрюлек. Таких туристических штук у нас дома не было и, наверное, Рая купила их ради меня. – Дождь идет?

– Даже не заметил, – милиционер снял фуражку и положил ее на стол. На козырьке головного убора желтым, электрическим светом поблескивали крупные дождевые капли.

Милиционер улыбнулся.

– Кстати, а у меня сегодня сын родился.

Мне оставалось только улыбнуться в ответ:

– Поздравляю.

– До этого моя жена только девчонок рожала, – пояснил милиционер. – А поскольку она у меня женщина упрямая, то я думал и четвертая девкой будет...

Я понимающе кивнул и приоткрыл крышку одной из кастрюлек. Там лежало пять котлет величиной с ладонь. Я сглотнул слюну, – последствия дневной голодовки давали себя знать.

Рая трижды бегала в КПЗ под дождем, подумал я. Но почему она не попросила свидания? Светка неплохо к ней относится, и Рая легко могла уговорить ее.

– ... Вот такие, значит, дела, – мой надзиратель покашлял в кулак. – Слушай, может быть, выпьем по такому случаю?

– А тебе со мной можно? – я откусил от котлеты небольшой кусочек и внимательно, если так можно выразиться, по-

жевал его. – Ты же на работе.

Удивительно, но котлета была вкусной.

Милиционер отмахнулся.

– Тоже мне работа!.. Мне велели только за тобой одним присматривать. Ты же и с охраной можешь подраться, – пояснил он. – Светлана Петровна мне так и сказала, глаз, мол, с него не спускай. А мы что, так и будем друг на друга всю ночь пялиться? Кроме того, ты хоть малый шибутной, но не гад. Я же вижу.

Определение "не гад" немного позабавило меня. Не сомневаюсь, что у Светки оно не вызвало ничего, кроме самого отчаянного протеста.

– А в магазин кто побежит? – спросил я. – Мне, наверное, нельзя.

– А зачем в магазин? – удивился милиционер. – Закуска у нас с тобой есть, – он кивнул на стол. – А что касается пойла, то у нас и конфискованного навалом. Недавно мы один киоск пощупали, так веришь-нет, десять ящичков поддельного коньяка хапнули.

– Хапнули?

– Ну, конфисковали, какая разница?

Милиционер сунул руку за борт кителя и извлек оттуда бутылку коньяка.

– А пить-то его можно? – усомнился я.

– Ребята уже пробовали. Никто не умер.

Через полчаса сержант Вениамин Скворцов (так звали

моего нового приятеля) был вынужден совершить еще одного ограбление вино-водочных складов следственного отдела возглавляемого Светланой Шарковской. Во-первых, мы ощутили с Веней некое сродство душ, а во-вторых, коньяк был действительно дрянь и не столько по качеству, сколько по количеству градусов.

Вернувшись из "экспедиции" Веня еще на пороге камеры с криком "ура!" извлек из оттопыренных карманов две бутылки. Забыв закрыть за собой дверь, он направился к столу.

После того, как мы прикончили вторую бутылку, Веня, давась от хохота, поведал мне о странной реакции Светланы Петровны на какую-то записку, которую принес ей в кабинет сержант Миша Заболотный.

– Она догнала его в коридоре и ударила кулаком по спине, – смеялся Веня. – А потом собрала весь личный состав отдела и предупредила, что если еще кто-нибудь будет таскать ей записки от подследственных, она уволит его по собственному, то есть ее личному желанию.

– По-моему, это чересчур строго, – заметил я.

– Это еще что! – Веня отмахнулся. – Ты у нее в кабинете хрустальную пепельницу видел?

– Да, а что?

– Больше не увидишь. Говорят, разбила ее о голову какого-то типа. Потом этот тип признался в трех убийствах.

– Крутая баба.

– И не говори, – Веня кивнул. – У нас ее даже полковники

побаиваются.

– Посадить человека ни за что может?

– Такая все может и особенно если захочет... А ты, слушаем, не себя имеешь в виду?

– Угу.

– Это Светлана Петровна зря, конечно, – Веня потрепал меня по плечу. – Ты малый ничего.

Мне стало интересно и я спросил:

– А почему ты так считаешь?

– Черт его знает, – Веня простодушно улыбнулся и пожал плечами.

– Ты раньше, где служил?

– В ОМОНе. Ну, а как задело меня немножко автоматной очередью, так я сюда, в следственный отдел перебрался. Вроде как временно и на легкий труд. Я ведь даже не в охране КПЗ работаю, а так – куда пошлют. Вот только скучно здесь!.. Ей-богу, как в санатории живу.

Мы пропьянствовали с Веней едва ли не до самого утра и за это время успели переговорить обо всем: начиная от женщин и их коварства и кончая политикой. Совпадение наших взглядов было практически полным. На заключительном этапе пьянки мы, кажется, обнимались и клялись друг другу в вечной дружбе. Как я уснул, я уже не помню...

Утром я проснулся от громкого и многозначительного "мда-а-а уж". Голова раскалывалась от боли. Я попытался от-

крыть глаза, но приоткрылся только один, да и то с большим трудом.

Посреди камеры стояла Светлана Шарковская. Она грозно сверкала глазами и постукивала авторучкой по ладошке. Едва сдерживая стон, я посмотрел направо. Веня сидел на нарах в расстегнутом кителе и безуспешно пытался натянуть правый сапог на левую ногу.

– Я сейчас, товарищ капитан, – пообещал он.

Следователь брезгливо поморщилась.

– У меня вчера сын родился, – глупо улыбаясь, пояснил Веня. – И я это самое... Отметим мы тут немного, в общем.

– Немного, значит?

– Да, совсем по чуть-чуть...

Шарковская промолчала и отошла к окну. Я с трудом сел. Через минуту Веня пулей вылетел из камеры, забыв под нарами казенные портянки.

Светлана повернулась ко мне.

– Слушай, ты, – многозначительно начала она. – Когда я разрешила тебе делать все что угодно, я совсем не имела в виду твою вчерашнюю вечеринку. Ты не имеешь права спаивать охрану.

Я пожал плечами.

– Значит, я не правильно тебя понял.

В руках следователя тихо хрустнула ручка, но эмоционального взрыва не последовало. Светлана долго подыскивала нужные слова. Так и не найдя их, она присела рядом со

мною на нары.

Мы посмотрели друг на друга.

– Мне кажется, что я способна понять много, – тихо сказала Светлана. – Но я не могу понять одного, почему к тебе тянутся люди?

– А почему они не должны этого делать?

– Потому что ты негодяй.

– Я веселый негодяй, – пояснил я. – Что касается интриг, то их последствия обрушиваются только на мою голову. Например, сейчас я сижу в одиночной камере и тихо страдаю...

– С похмелья? – съязвила Светлана. – Кстати, тебя не забывают. У тебя прекрасная жена, у тебя есть друг, который готов пойти ради тебя на любую глупость...

– Если бы ты только знала, как меня это расстраивает!

– ... В твоей банде есть великолепная Настя, моя сестра, Гриша, а теперь и мой подчиненный. Ты знаешь, иногда я тебе завидую. Вам весело жить.

– Особенно весело мне становится тогда, когда мои друзья начинают проявлять свой индивидуализм. Кстати я очень тебя прошу не выгоняй со службы Веню. Во всем виноват я.

– О Боже!.. – Светлана встала и принялась расхаживать по камере. – Да если бы даже ты и попытался убедить меня в обратном, я бы тебе все равно не поверила. Всегда и во всем виноват только ты.

– Спасибо. Значит, я могу быть спокоен за Веню?

– Да шут с ним, с твоим Веней! У него два боевых ордена

и совсем не за пьянку. Но я пришла сюда не затем, что бы успокаивать тебя относительно светлого будущего твоих со-
бутыльников. Послезавтра у тебя очная ставка с пострадав-
шими. Я хочу спросить тебя, ты еще не передумал?

– А что, у меня появилась какая-то возможность тюрьмы?

– Ты не ответил на вопрос.

– Конечно, не передумал.

Светлана резко повернулась и направилась к двери. Прежде чем захлопнуть ее за собой, следователь оглянулась и нерешительно спросила:

– Может быть... Ну, это самое?

– Что, это самое? – не понял я.

– Господи, ну какой же ты тупой. Короче, опохмелиться не хочешь?

Я осторожно ощупал гудящую голову и спросил:

– А что, разве вчера мы не до конца опорожнили склады?

Шарковская резко захлопнула дверь.

Я со стоном рухнул на нары. Перед глазами все плыло и двоилось. Мне стало легче только после того, как некая таинственная личность просунула мне в дверной глазок ленточку аспирина. Я подобрал с пола таблетки и увидел на упаковке несколько строчек написанных либо человеком пытающимся изменить свой почерк, либо попросту сильно дрожащей рукой.

"Потерпи, – прочитал я. – Твоя жена уже здесь и я послал ее за квасом".

Автор послания предпочел остаться анонимом. Я почесал затылок и улыбнулся. Вычислить автора не составляло большого труда. Правда, Веня сильно рисковал. Повторная встреча со следователем грозила ему нечто большим, чем удар кулаком промеж лопаток.

Через день меня вызвали в кабинет следователя на опознание. Я вошел и осмотрелся. Кроме безликих понятых и самой Светланы там присутствовало еще несколько людей – так называемых подставных. Они сидели на скамейке у стены и с уважением смотрели на что-то записывающего в деле следователя Шарковскую. Вопреки положению об опознании, подставные были похожи на меня примерно так же, как младенец на старого бомжа.

Светлана хмуро взглянула на меня и кивнула головой на свободный стул у стены. Я скромно поздоровался и сел. Светлана снова склонилась над делом. За последнее время она довольно сильно осунулась и побледнела. До прихода потерпевших еще оставалось какое-то время, и я попытался завести непринужденный разговор.

– Ты слегка похудела, – как бы между прочим, заметил я, обращаясь к Светлане.

Следователь фыркнула.

– А тебе какое дело?

– Села на диету?

– Допустим, а теперь заткнись, пожалуйста

– А ты перестань злиться. Тебе не идет.

– А пошел ты, добренький!.. – не поднимая головы, буркнула следователь.

– Я бы, конечно, пошел, но боюсь, что ты меня не отпустишь.

– Ага, жди.

– Вот именно. От тебя не дождешься.

– Аферист.

Собравшиеся в кабинете удивленно переглянулись. Очевидно, такой не совсем обычный диалог между следователем и подозреваемым они слышали впервые. Что касается нас со Светланой, то наши словесные баталии уже давно перестали нас удивлять.

Я не прекратил своей болтовни даже тогда, когда в кабинет вошли братья Яковчуки. Они сняли шапки и тихо поздоровались.

Я хотел было встать и пожать им руки, но следователь остановила меня грозным окриком. Я немедленно возмутился и высказал следствию все, что подумал о нем в ту недобрую для него минуту. В кабинете сразу же возникла базарная неразбериха, причем многие из присутствующих опустили свои головы, что бы скрыть улыбки.

В конце концов, все расселись по своим местам. Светлана быстро прочитала формальные правила опознания, изредка бросая суровые взгляды на деланно-деревянные и готовые в любую минуту расплыться в улыбке лица присут-

ствующих. Серьезными оставались только братья-разбойники. На их физиономиях отчетливо проступало затравленное выражение, которое можно увидеть разве что на лицах людей пришедших на чужой праздник по казенной нужде и ежесекундно ожидающих веселого подвоха.

– А теперь приступим, – Светлана строго посмотрела на братьев и кивнула на меня. – Итак, вы узнаете человека, который избил вас 20 октября на улице Туполева?

Кто-то из подставных весело гыгыкнул. Старший Яковчук побледнел и опустил голову. Его брат безучастно смотрел в окно. Оба родственника с силой массировали свои кроличьи треухи, словно надеялись с помощью этих манипуляций вернуть жизнь хотя бы одному кролику.

– Ну?.. – в глазах следователя мелькнуло недоумение. – Чего вы ждете?

– Тут его нет, – наконец нехотя выдавил старший.

– Что-что? – быстро переспросила Светлана.

Старший разбойник поднял глаза и быстро скользнул взглядом по моему лицу. Я дружески ему подмигнул. Яковчук-старший опустил голову.

– Точно нет, – уже куда более твердым голосом сказал он.

– Нет, – поддержал брата младший разбойник.

На лице Светланы появились нездоровые пятна.

– Вы уверены? – тихо спросила она.

– Ага.

– И все-таки я попрошу вас еще раз...

Я встал.

– Достаточно, – я поднял руки. – Признаюсь, братьев избил я. Кончай притворяться, ребята. Нам осталось только выяснить причину драки.

У Яковчука-старшего задрожал подбородок. История с мелким воровством чужой собственности – я уверен, что не единственной – вот-вот могла по-петушиному захлопать крыльями и заорать во всю глотку.

– Мы это... Мы пойдем, – старший брат взял за руку младшего и потянул его к двери. – До свидания.

Мы встретились взглядами со следователем. Я улыбнулся и развел руками. Светлана сама подсказала мне идею – ее взаимозаменяемость с сестрой была просто феноменальной. Я уверен, что Надежда отлично справилась с ролью следователя, посетив накануне на дому братьев-разбойников и поговорив с ними. Мама сестер Шарковских была права, когда утверждала, что ее дочери побеждают по очереди.

Вместо казенного "Все свободны, кроме задержанного", Света закончила опознание нервно-неформальным "Пошли все к черту!" Потом она долго стояла у окна и рассматривала проезжающие машины. Когда она, наконец, вернулась к столу, я уже успел выкурить сигарету. Мы снова посмотрели друг на друга. Красивое лицо следователя можно было бы назвать идеальным, но его немного портили устало опущенные уголки губ.

Первым глаза отвел я. Светлана усмехнулась.

– Интересно, – спросила она, – Когда ты успел запугать этих типов?

– Ты забыла, что все это время я сидел в КПЗ, – напомнил я. – А, во-вторых, я просто не мог знать их раньше.

– Действительно странно, – Светлана потеряла лоб. – Вчера утром я беседовала с ними и не заметила ничего необычного.

Значит, Надежда Шарковская посетила Яковчуков вечером. Что ж, братьям не повезло. Надежда слишком долго проигрывала и вчера попыталась взять реванш. На месте братьев-разбойников не пожелал бы оказаться даже потенциальный самоубийца или фанатичный камикадзе.

Неожиданно дверь в кабинет с шумом распахнулась и в нее, пятясь задом и согнувшись пополам, вошел милиционер. Он болезненно морщился и держался за живот. Милиционер нашарил рукой стул и сел. Следующим незванным посетителем оказался Гена. Он пулей влетел в кабинет и не найдя предмета, за который можно было ухватиться (я вовремя пригнулся) пропутешествовал в угол, налетел на шкаф и замер там на полу под грудой обвалившихся на него папок.

Светлана вытряхнула из пачки сигарету. Периодически распахивающаяся дверь открылась еще раз, что бы явить нам очередного посетителя. Разумеется, это была Надежда Шарковская. Кто-то в коридоре с силой тянул ее за обмотанный вокруг шеи шарф. Не смотря на такое, отнюдь не джентльменское противодействие, адвокат и не думала отступать. Каждое слово давалось ей с большим трудом.

– Я сделала все, что ты говорил... – Надежда перехватила рукой шарф, но тут же чьи-то волосатые пальцы вцепились в полы ее плаща. – Кроме того... Колю и Настю оправдает любой суд... Я достала справку, что Коля лунатик, а в той машине, в которую они с Настей укладывали кирпич, не было двигателя.

Я удовлетворенно кивнул. Подобная подготовка кражи была бы в духе начавшего суперменствовать Коли.

– А этот... – палец адвоката ткнул в грудь серых папок в углу, под которыми угадывались контуры человеческого тела. – Этот пришел ко мне вчера сам... Можешь забрать его, сестричка. На этот раз навсегда.

Надежда хотела сказать что-то еще, но на помощь противодействующей стороне прибыли свежие подкрепления. Адвоката осторожно оторвали от пола и вынесли в коридор. Но, даже потеряв почву под ногами, Надежда продолжала отчаянно сопротивляться. Дверь в кабинет захлопнулась. Когда утробное, женское рычание сопровождается топотом кирзовых сапог, наконец, удалилось в конец коридора, оттуда вскоре донесся крик чем-то очень похожий на рев раненого в первопричинное место слона.

Светлана вздохнула.

– Дал Бог сестричку, черт бы ее побрал.

– Вы очень похожи, – заметил я.

– Не заговаривай мне зубы. Ты все-таки помирился с ней.

Но позавчера решил убедить меня в обратном.

Я промолчал. Как говорится, улики были на лицо и это лицо – точнее говоря, моя физиономия – в данную минуту имела не только лукавый, но и весьма удовлетворенный вид.

Вопли в коридоре стихли. Глядя на дверь, Светлана сунула в рот очередную сигарету.

– В этом вся наша беда... Мы никогда не умели поделить с сестрой мир точно пополам, – Светлана поднесла к сигарете зажженную спичку. – Ну-с, подследственный, продолжим разговор?

– Ты о чем, Света?

– О том же самом что и раньше. Ты собираешься идти в тюрьму или решил немножко поупрямиться?

– Я решил поупрямиться, – вежливо сказал я. – Но меня можно понять, только что я узнал, что Коле и Насте ничего не грозит.

– Ну, допустим, что это всего лишь гипотеза моей разгоряченной сестрички. Кроме того, не советую тебе забывать, что дело твоей жены еще не закрыто. Если она получит даже условный срок, это поможет ей осознать, что такой замечательной женщине не стоило связывать жизнь с таким как ты. Я уверена, позже она сама скажет мне спасибо.

– Это слишком жестоко с твоей стороны, – снова очень спокойно сказал я. – Я честно обменял дело о Рае на свое чистосердечное признание.

– Ты?.. Честно?

– Докажи что нет.

– Мы не в суде.

– К твоему счастью. Впрочем, ладно, что ты хочешь?

Дверь в кабинет тихо приоткрылась и тут же захлопнулась, словно выпустила бестелесное привидение. Светлана замолчала и принялась рассматривать свои руки. Я посмотрел в угол кабинета. Гены там уже не было. Судя по всему, он решил выйти, не привлекая нашего внимания, и воспользовался для этого способом, с помощью которого мужественные разведчики пересекают линию фронта.

Я посмотрел на Светлану и немного смущенно кашлянул.

– Так что же все-таки ты хочешь? – повторил я свой вопрос.

Светлана грустно улыбнулась.

– Боже мой, как вы все мне надоели! – следовательно горько улыбнулась. – Сейчас я раскрою перед этим типом свою измученную женскую душу, а он вместо того, что бы понять и простить мои маленькие слабости, наверняка приступит к очередной афере.

– Ничто человеческое мне не чуждо.

– Но это же безнравственно! В конце концов, вас целая шайка, а я – всего лишь одинокая слабая женщина.

– Во-первых, за твоими женскими плечами прячется целое государство, а, во-вторых, я не понимаю, кто кого хочет посадить в тюрьму: ты меня или я тебя?

– Конечно же, я тебя!

– Но я не хочу садиться.

– Представь, что это маленький каприз красивой женщины. Я очень хочу сделать себе карьеру.

– Неужели на мне одним свет клином сошелся? – возмутился я. – Посади еще кого-нибудь.

– Но мне очень хочется посадить именно тебя.

Я обреченно махнул рукой.

– Ну и ладно. Давай, сажай.

Светлана откинулась на спинку кресла и внимательно посмотрела мне в глаза. Ее рука нащупала на столе карандаш и сжала его. Я спокойно выдержал взгляд следователя.

– Хорошо, – карандаш принялся постукивать по столу. – Во-первых, я хочу, чтобы ты не предпринимал никаких новых авантюр. Наша игра и так слишком затянулась. Ты согласен?

Я немного подумал и сказал:

– Ладно, если новых, тогда я согласен.

– Что значит тогда? – насторожилась Светлана.

– Ничего, продолжай, – я закурил и аккуратно положил сторовшую спичку в пепельницу. – Что у нас на второе?

Карандаш стал постукивать несколько медленнее.

– Я хочу, что бы ты вернул кирпич на прежнее место.

Светлана сказала последнюю фразу без подготовки и едва не застала меня врасплох. Боюсь, что мое удивление было несколько наигранным.

– Зачем?!..

– По законам детективного жанра мы должны вернуться

к тому месту и положению вещей, с которого начали.

В голосе следователя я уловил нотки фальши. Это насто-
рожило меня и заставило быть менее несговорчивым, чем я
рассчитывал раньше.

– Но я не смогу вернуть весь кирпич.

– А весь и не надо. Сколько сможешь.

– Ты переоцениваешь мои возможности.

– Разве? А, по-моему, как раз наоборот. Да или нет?

Карандаш замер над столом. Я уже не сомневался в том,
что мы оба врем друг другу. Вопрос стоял только в том, чья
ловушка окажется хитрее.

Я кивнул.

– Хорошо, я согласен. Я могу идти домой?

– Конечно. Мы встретимся через три дня и поедем на уча-
сток твоего друга. Кстати, за это время я снова открою ста-
рое дело.

"Точнее, не дело, а мышеловку для себя самой", – с на-
деждой подумал я.

Я встал и молча направился к двери. Единственное что
беспокоило меня, это то, что я никак не мог понять, что же
на этот раз придумала хитроумная Светлана.

Глава одиннадцатая

*в которой рассказывается о том, что люди довольно
плохо переносят одиночество, а так же о том, что встреча*

с любимой не всегда приносит долгожданное облегчение.

Раи дома не было. Я позвонил Коле, но трубку сняла его теща. Оказывается, мои друзья были очень заняты. Мы договорились, что Коля сразу же позвонит мне, как только вернется домой.

Я немного послонялся по квартире и, включив телевизор, уселся в кресло. Вскоре на экране появилось изображение, но звука не было – я забыл повернуть ручку регулятора громкости. Я так и просидел в кресле до самого вечера, уставившись на немой экран и перебирая в уме те слова, которые я собирался сказать Рае.

В шесть часов вечера в прихожей раздался звонок. Я встал и, шаркая ногами, направился к двери. У Раи был ключ, но я глупо надеялся на то, что она его потеряла.

В прихожую, едва не сбив меня с ног, ворвались веселые и счастливые Коля и Настя. Если бы не их вызывающий внешний вид – бомжеские фуфайки, обильно присыпанные кирпичной крошкой и цементной пылью – они были бы очень похожи на молодоженов.

– Где Рая? – спросил я.

– Ты разве забыл, что вы поссорились? Она сказала, что поживет пока у родных, – веселая парочка скинула фуфайки и сразу направилась на кухню. – Мы есть хотим.

Уже за столом Настя посмотрела на меня и сказала:

– Если хочешь, мы можем съездить за Раей вместе.

Я горько усмехнулся и спросил:

– А кто тебе сказал, что я собираюсь куда-то ехать? Меня вполне устраивает гордое мужское одиночество.

Три последующих дня моей жизни были до предела заполнены работой, но еще ни разу в жизни я не принимал участия в коллективном труде с такой хмурой физиономией. Мы работали все: я, Коля, Настя, Гриша и многочисленные Настины родственники. Там, вдалеке, маячил на часах мой новый друг Веня Скворцов. Мы строили дом на дачном участке Геннадия Федоровича Портянко. Это была та самая победная точка, которая должна была завершить наши приключения. Хотя, в сущности, моя идея имела и слабые стороны. Одной из них была та, что Светлана, после того, как Гена благополучно выполз из ее кабинета, уже не могла в будущем жить в этом доме. Но и объяснить своему начальству его появление она бы тоже не могла, тем более что ее развод с Геной не был оформлен. Кирпич, наконец, нашел свое последнее пристанище, он даже превратился в дом, но, к сожалению, никому не нужный.

Куда исчезла адвокат Надежда Шарковская, я не знаю. Один раз я увидел ее на улице. Она была в черных очках и явно кого-то выслеживала. Увидев меня, она быстро перебежала на противоположенную сторону улицы и скрылась. Я махнул на нее рукой – приключения уже порядком осточертели мне. Я с удовольствием променял бы их на тихое, се-

мейное счастье, разделенное с Раей на двоих.

Вечером, голодные и усталые мы шли ко мне домой ужинать. Как сказал дядя Леша "сразу всем колхозом, как с деревенского сенокосу". Услышав такое сравнение, кое-кто рассмеелась. Улыбнулся даже я...

Нет, ну что это за прелесть деревенский сенокос! И особенно вечером, когда уставшее и мягкое на вид солнце садится за горизонт. Пахнет травой, озером и дымом костра. Птицы смолкают. Вместо их щебета оживает ранее прижатый к земле полуденной жарой, а теперь вдруг осмелевший хор лягушек, сверчков и прочей мелочи.

"Шаба-а-аш!.." – доносится откуда-то издалека. "А-а-а?!.." – кричит твой сосед справа мокрая спина, которого весь день маячила у тебя перед глазами. "...А-а-аш!" – опять доносится издалека вместе с легким порывом ветра. "А, черт!.. – ругается сосед, – кажись на лягушку, что ли, наступил?" Он поднимает ногу и на фоне догорающего заката становится похожим на танцующего негра.

"Петрович, уха готова!?" – "Ну, а як же!.. Мы тут с Семеном уже присели". – "А мы?!.." Метрах в пятидесяти, там, ближе к берегу озера, из-под земли выныривает взлохмаченная голова. "Да я вас звал" – "Когда?" – "Звал, говорю же... Глухие вы, что ли?"

У берега тихо потрескивает костерок, отсвечивая колеблющимся светом еще не видимые просто так сумерки. Мяг-

кая и теплая озерная вода приятно освежает разгоряченное лицо, шею и руки.

"Небось, уже все без нас все поели?" – "Не-е-е, тут всем хватит". – "А бабам?" – "Я говорю всем, а не бабам..."

Котелок слегка жжет колени. Уха прекрасна, хотя торопливо сделанная, она немного отдает тиной. Тяжелый, домашней выпечки, хлеб еще хранит тепло и не совсем понятно чье – то ли печки, то ли полуденного солнца.

"Тыфу, блин, а я ложку забыл" – "На Васькину" – "А он где?" – "С бабами, за лесополосой косит". – "Попался, значит, мужик" – "Это точно. Его жена с собой пойти заставила, а сам-то он не хотел..." – "Понятное дело, баба, если в работе упрется – семь потов из мужика выжмет".

Откуда-то появляется трехлитровая банка с самогоном настоящим на столь большом количестве трав, что даже ее хозяин, не смог бы назвать и половины из них. По цвету самогон похож на мед. Блаженно морщась, мужики пьют пахучую, густую жидкость.

"Слышь, Семен..." – "Ну?" – "А вот правду говорят, что ежели в меру пить, то даже для здоровья полезно?" – "Так то если в меру. Но какую, понимаешь, меру? Ведь стаканы разными бывают".

В ближайшем затоне тихо плещется истомленная дневным зноем рыба. Медленно пережевывающий Семен бросает в воду большущий, недоеденный кусок хлеба. "Ты мне всю рыбу распугаешь, идол! Я уже донки поставил". "А пусть

просто так жрет, – Семен простодушно улыбается, – что тебе, жалко, что ли?"

Кто-то садится на рыболовную снасть и, вдруг обнаружив на своих штанах целую горсть крючков, беззлобно матерясь, приступает к кропотливой работе. "Разложились тут, понимаешь!.." Кто-то идет купаться, туда подальше, за коряги, а кто-то просто говорит, что придет в голову и поскольку солнце уже зашло, и на небе высыпали первые, осторожные звезды, то говорит он о чем-то настолько большом и непонятном, что его плохо слушают. "Дядь Вась, включи транзистор что ли..." – "Ну его! Ты лучше Степку послушай. Вишь, рассказывает что-то человек..."

Если долго смотреть на огонь, то ночь наступает быстрее. Свежескошенное и еще по живому шуршащее сено, сотнями тупых и слабых иголочек приятно щекочет спину. Звезды... Кто придумал звезды?.. "Степк, ты, о чем говоришь-то?" – "Я это самое... Я понять хочу". – "Что?" – "А Бог есть?" – "Сейчас есть". – "Ну, вот я и понять хочу, какой он, Бог?.."

Глуп и прекрасен человек!

Из темноты выплывает озорное девичье лицо и, нависая, заслоняет звезды. В колеблющемся пламени костра оно кажется далеким и, наверное, поэтому более желанным. "Ты че?.. Все думаешь?" – "А ты че? Все смеешься?" – "Ага... А почему до конца не докосили?" – "Тебя ждали. А ну-ка поди-ка сюда!" – "Ай, пусти!.."

Сильные, девичьи руки упираются в грудь. Веселый и ко-

лючий завиток уже в конец потерявшей форму немудреной прически, касается твоего лица. От женских волос пахнет солнечным зноем. "Пусти, говорю!.." Со всех сторон к костру подходят женщины и начинают окликать своих мужей. Разговоры оживают и иногда вспыхивают легкие перебранки. Но люди слишком устали для того, что бы ссорится всерьез. Вскоре пожилые косари вместе с женами уходят к смутно сверкающим в ночи огонькам села. Их голоса растворяются в тишине.

"А ты, на звезды смотришь, да?" – "Нет, на тебя... Ложись рядом".

Девичий профиль кажется настолько чистым и светлым, словно какая-то сила освещает его изнутри.

"Лучше на звезды смотри, а не на меня..." – "Ладно..."

Ночь. Мы лежим и молча рассматриваем звездную и чудесную бездну над нами...

К вечеру третьего дня мы закончили свою ударную стройку. От переизбытка радостных чувств Коля ударил лопатой по оставшейся груде кирпича и чуть не лишился передних зубов. Состоявшаяся в тот же день у меня дома вечеринка не удалась. Мои гости понимающе переглядывались друг с другом и, после небольшого застолья, поспешили разойтись по домам. Они были правы, мне было совсем не до веселья. Когда часы пробили полночь, я разделся и, поеживаясь, полез в холодную постель... Как в прорубь.

Я пришел к Светлане утром на следующий день. Она похудела еще больше и под ее грустными глазами появились темные, нездоровые круги.

– Как дела? – безразлично поинтересовалась Света. – Надеюсь, для того, что бы вернуть кирпич, ты вытряс из города всю душу?

– Хвастать не буду, но сделал все что мог, – я присел рядом со столом следователя.

– Все что мог?.. Но я не слышала перестрелок на улицах. Кроме того, за минувшие три дня в городе было только восемнадцать пожаров.

– Ты удивишься, если узнаешь, что я не виноват ни в одном из них. Но я вернул кирпич.

– Много?

– Не очень, но на полтора года общего режима хватит.

Светлана положила передо мной чистый лист бумаги и коротко сказала:

– Пиши.

Я удивился.

– Что, пиши?..

– Отказ от своих прежних показаний.

Я уронил сигарету.

– Ты сошла с ума!

– После общения с таким типом как ты, это было бы не удивительно. Пиши-пиши!..

– Не буду. Ты мне ломаешь весь финал.

– Я тебя предупреждала, что люблю неожиданные эффекты.

– Иди к черту! – я сорвался на нервный крик. – Давай с тобой договоримся, раз и навсегда – я победил и точка. Сейчас я приглашу тебя в ресторан, мы поужинаем, посмеемся над нашими прошлыми приключениями, а потом я поцелую тебе ручку и мы расстанемся по-хорошему.

– Фиг тебе, понял? – Светлана сложила кукиш и показала его мне. – Видел, да?.. Это я тебя победила.

– Это невозможно. Ты просто рехнулась от своих хронических неудач.

– А вот ты мне уже надоел. Сейчас я вызову парочку прапорщиков и они попросту вышвырнут тебя из кабинета. Твой отказ от прежних показаний – только формальность и я могу обойтись без него. Но тогда тебе будет еще хуже!..

– Сначала объясни, что случилось.

– Потом. Сначала – отказ.

Небольшое сочинение на полстранички отняло у меня чуть ли не двадцать минут времени. Мои мысли были слишком далеко – холодное ощущение близкой катастрофы не давало мне покоя. В конце концов, я протянул следователю исписанный листок.

Светлана прочитала, кивнула головой и только потом посмотрела на меня.

– Иди домой, – глухо сказала она. – Не сомневаюсь, что

там, на столе тебя ждет записка, которая на многое откроет тебе глаза. Прощай, интриган!..

Как я не спешил, я смог добраться до своего дома только через полчаса. Ощущение катастрофы стало настолько огромным, что возле подъезда я затравлено, оглянулся по сторонам.

Ключ легко вошел в замочную скважину, но замок не поддавался. Пришлось надавить сильнее. Ключ оставался недвижимым, как гвоздь. Я выругался и ударил кулаком по двери.

– Кто там? – сразу же спросил из-за двери голос Гриши. Меня качнуло.

– Хозяин! – закричал я. – Открывай.

Гриша ничего не ответил и, тяжело топая ботинками, направился в глубь квартиры. Вскоре оттуда донесся отчаянный вопль Раи. Я крикнул что-то нечленораздельное и принялся ломиться в дверь, используя для этого все возможности, которые может себе позволить человек довольно большой массы и напрочь лишенный инструментов для взлома. С потолка посыпались куски штукатурки.

– Перестань сейчас же! – вдруг послышался из-за двери запыхавшийся женский голос. – Давай лучше поговорим спокойно.

Я присел, вынул ключ и попытался заглянуть в замочную скважину.

– Ты кто?

– Шарковская.

Я немного подумал.

– А какая именно?

– Надя.

Мне стало чуть легче. Обман напрочь исключался, Гриша хорошо научился различать сестер.

– Что ты делаешь в моей квартире?

– Пытаюсь уговорить твою жену.

Из глубины квартиры снова донесся протестующий крик Раи. Я зарычал и ударил в дверь кулаком с такой силой, что чуть не сломал себе пальцы.

– Немедленно открой!

– И не подумаю, – спокойно возразила адвокат. – В данный момент я защищаю твои интересы.

– Когда я выломаю дверь, тебе придется вспомнить о своих.

– Общаясь с тобой, я уже давно о них забыла.

– Дура, открой дверь!..

– Я не дура, это ты кретин.

Я замер.

– Что ты хочешь этим сказать?

– То, что Светка отняла у тебя жену. Я сделала все, о чем ты просил: я посетила братьев-разбойников, причем один из них в конце нашей беседы чуть не выпрыгнул в окно, я собрала всех родственников Раи, но я сразу же поняла, что моя

сестричка не будет сидеть сложа руки. Она специально – понимаешь, специально! – заставила меня, а потом Гришу и тебя обратить внимание на четырнадцатую страницу списка во время допроса. Это была ловушка. Светка заранее просчитала твой следующий ход. Правда, вместо груды кирпича вы решили построить дом. Но Светка избавилась от мужа и, в сущности, вы ничего не достигли...

– Ты можешь говорить покороче? – нетерпеливо перебил я.

– Могу, но вряд ли от этого тебе станет легче. Вы только начали строить дом, а Светка все уже знала.

– Откуда?!

– Кто-то из родственников сказал Рае, а она проболталась Светке.

– Тогда получается что... – я похолодел.

– Правильно. Рая жила не у родственников, а по-прежнему обреталась у Светки. В конце концов, какая молодая женщина да еще в свой медовый месяц признается близким, что у нее не лады с мужем? Вот так Светка и нашла выход: она убедила Раю в том, что прекратит дело, если Рая от тебя уйдет.

– Откуда ты все это знаешь?

– Вместо того, что бы ворочать с вами кирпичи, я следила за Светкой. Но я чуть не опоздала.

– Открой мне дверь и я поговорю с Раей сам.

– Не могу. Рая сейчас в таком состоянии, что если ты нач-

нешь с ней говорить, то вы обязательно с ней поссоритесь. Потом ты ее выгонишь сам. Я нашла другой выход.

– Какой?

– Я ее связала.

– Ты что, уже совсем рехнулась со своими заумными идеями?!

– Совсем нет. Рая дала честное слово, что уйдет от тебя в любом случае не позже восьми вечера. Собственно говоря, она приехала сюда только за вещами. Я продержу Раю в квартире до утра и заставлю нарушить слово. Оно перестанет иметь юридическую силу.

Я осторожно ощупал опухшую ладонь и ударил в дверь ногой.

– Дай мне поговорить с женой!..

– Не дам, – твердо ответила Надя. – Ты недооцениваешь способность молодой женщины принести себя в жертву. Кстати, я совершенно недавно я была такой же дурой. Но теперь я поняла, что все мужики полные идиоты, вроде тебя.

– Дай мне поговорить с женой!

Я навалился на дверь всем телом. Та подозрительно затрещала. В коридоре кто-то испуганно ойкнул.

– Ладно, ты поговоришь с ней, – крикнула Надя. – Но открывать дверь и полностью развязывать Раю мы все равно не будем.

Адвокат отдала тихий приказ. Мне показалось, что ее последняя фраза начиналась с "Коля, пожалуйста, принеси..."

Я отошел от двери, и устало привалился к перилам. Если Коля и Настя были в квартире, то их поведение можно было бы расценить как предательство.

Стараясь говорить как можно спокойнее, я сказал:

– Настя, твоя мама просила тебя позвонить ей.

– Хорошо, – сразу же ответила из-за двери Настя. – Я сейчас же...

Готов поспорить на что угодно, что адвокат просто зажала ей ладошкой рот. За дверью слышалось возмущенный шепот. Кто-то выразительно и громко постучал себя по лбу.

Я горько усмехнулся и вытащил пачку сигарет.

– Коля, тоже у вас? – спросил я.

Надежда промолчала. Вскоре в прихожей раздался разъяренный голос Раи.

– Немедленно развяжите меня! – кричала она. – Это, в конце концов, подло.

– Я всего лишь защищаю интересы твоего мужа, – невозмутимо повторила свою версию событий Надя. – Иногда ваш благоверный бывает излишне самоуверен. В данный момент я пытаюсь спасти его от самого себя.

– Рая!.. Зайчонок! – я нежно прильнул к двери. – Я так по тебе соскучился.

Целых три минуты, забыв обо всем на свете, мы ласково ворковали друг с другом через закрытую дверь. Должен признаться, но я никогда раньше не слышал в голосе Раи столь-

ко печальной нежности. Но как только наш разговор, изредка прерываемый циничными репликами адвоката, коснулся решения Раи уйти, мы сразу же перешли на крик. Мне пришлось высказать жене все, что я думаю о ее умственных способностях.

– Это чистой воды идиотизм!

– Нет, это не идиотизм, – обиделась Рая. – Я дала слово и теперь хочу сдержать его.

– Зайчик, одумайся. Над тобой будут смеяться все твои бесчисленные родственники.

– Не вижу ничего смешного. Например, декабристки пошли за своими мужьями в Сибирь.

– Господи, ну, конечно же, пошли, но пошли-то в Сибирь вместе с мужьями. Это хоть ты понимаешь?

– Понимаю. А вот я пойду одна.

– А я?!..

– Глупый, я делаю это ради тебя.

Наш дальнейший диалог быстро лишился какой-либо логики – мы говорили каждый о своем и почти не слушали друг друга. Рая то требовала развязать ее, то плакала и вспоминала счастливые, но такие немногочисленные, дни нашей совместной жизни. Что касается меня, то я не выдержал напряжения и, как говорят китайцы, потерял свое лицо. Я кричал и бесновался словно турецкий янычар у неприступных стен женского монастыря на голову которого, вместе с проповедями о смирении и добродетели, еще сыпались валуны и

горшки с кипящей смолой. Впрочем, меня можно было понять. Уже в который раз вместо выстраданного и изящного финала я получил очередной страшный удар – у меня попросту украли любимую жену. Мне было очень больно, потому что, как и любой другой начинающий муж, я искренне был убежден в том, что мое будущее счастье зависит только от меня. От меня единственного.

И тогда я сбежал... Я пришел в себя уже на улице. Оглянувшись по сторонам, я вдруг понял, что мне безразлично куда идти. Уйти далеко от дома мне не удалось. Я плохо обращал внимание на то, что происходит вокруг, и на первом же перекрестке чуть не угодил под "иномарку" с четырьмя крепкими парнями. Машина выехала на тротуар, сбив урну.

Наверное, сидевшие в машине считали себя крутыми ребятами. Сначала оттуда вышли двое и не совсем вежливо заинтересовались у меня, за каким чертом я бросаюсь под колеса. Они ждали от меня унижительных объяснений. Но мой ответ на грубость был, мягко говоря, не адекватным и откровенно хамским.

Когда меня ударили первый раз, я не удивился и ответил тем же. Парень даже не охнул – скользнув спиной по отполированному боку машины, он сел на землю и не вставал до конца драки. Потом я увернулся от удара его друга и пару раз крепко съездил по маячившей передо мной коротко остриженной голове. Я совсем забыл про свой правый трав-

мированный кулак и предпочитал действовать именно им. Из машины выскочили еще двое, но я был зол и не собирался уступать. Вскоре еще один из моих противников, шатаясь и держась руками за разбитое лицо, отошел в сторону. Парни немного растерялись, но простая мысль, что человека можно испугать, размахивая монтировкой, придала им сил. Мне стало смешно. Мир потерял для меня реальные очертания. Он сузился до величины той площадки, на которой происходила драка, а все остальное просто исчезло. Злость сделала меня бесчувственным к ударам, и в отличие от парней из машины я отлично понимал, за что дерусь: получая очередной удар, я ясно осознавал, что он причиняет боль не мне, а Рае.

Схватка закончилась совершенно неожиданно. Откуда-то, словно из-под земли, вдруг возникли люди в милицейской форме и явно казенном штатском. Они принялись ловить разбегающихся и расползающихся в разные стороны моих противников. Я отошел в сторону, и устало привалился спиной к столбу.

С громким криком, размахивая пистолетом, мимо меня пробежал милицейский майор. На ходу он обернулся и обругал меня матом – кажется за то, что я начал операцию без команды. Кто-то крикнул, что Угрюмый уходит... Грохнуло несколько выстрелов. На тротуаре, под ворохом милицейских тел, бился и кричал толстомордый тип с в кровь разбитым лицом. Ему аккуратно заломили руки за спину и потащили к "воронку". Кажется, Угрюмого тоже взяли. Ина-

че мне не чем объяснить тот факт, что ко мне подошел молоденький лейтенант и, робко поздоровавшись, предложил спички, которые я долго не мог найти, обшаривая свои карманы.

– Вы из московской группы? – вежливо спросил он.

Я наконец-то прикурил и с наслаждением выпустил струю дыма.

– Нет, я просто прохожий.

Лейтенант понимающе хмыкнул.

– А здорово вы их!.. Особенно того, первого.

– А чего тянуть? По шее – и в "воронок".

Лейтенант оглянулся по сторонам и достал из кармана плоскую фляжку.

– Вот, глотните немного, – предложил он. – Говорят, нервы хорошо успокаивает.

Я поблагодарил и откупорил фляжку. Знакомый коньяк приятно обжег горло.

– Ну, как? – поинтересовался лейтенант.

– У Шарковской коньяк брали? – я занюхал выпитое рукавом и затащился сигаретой.

– У нее. Только мы без спроса, сама бы она ни за что не дала.

– Веня Скворцов выручил?

– Он! – обрадовался лейтенант. – А вы и его знаете?

– Я, брат, много кого знаю, – заверил я лейтенанта и выпил еще. – Работа у меня такая.

Я вернул фляжку и поблагодарил. В голове приятно зашумело и мне действительно стало немного легче. Я дружески похлопал лейтенанта по плечу.

– Ну, пока!..

– А вы разве не с нами поедете? – удивился тот.

– В таком виде? – я провел рукой по своему лицу. – Пойду лучше в гостиницу и приведу себя в порядок.

Лейтенант пожал мне руку и побежал к "Уазику".

– Привет Шарковской передай! – крикнул я ему вслед.

Лейтенант оглянулся.

– А как вас зовут?

– Ты главное привет передай, а там она сама догадается.

Она сообразительная.

Я махнул рукой и пошел прочь. Вскоре мое внимание привлекла надпись на одном из кафе. На улице было еще светло, но надпись уже горела, синим, спиртовым пламенем и обещала оказать множество услуг "дешево и быстро". Я немного подумал и толкнул дверь.

В туалете я умылся и осмотрел лицо. Если не считать двух не очень заметных синяков и рассеченной губы мои потери в уличной драке были не столь уж велики. Я направился в зал.

Не знаю, что подразумевал хозяин кафе под вызывающим лозунгом "Дешево и быстро", но та быстрота, с которой я накачался спиртным, случайно забредя к нему в гости, не шла ни в какое сравнение с обещанием дешевизны. Правда, покидая кафе я немало удивился, взглянув на часы. Было толь-

ко шесть часов вечера. Я невольно поймал себя на мысли, что до назначенного Светкой срока ухода Раи – восьми вечера – осталось еще целых два часа.

Я сжал зубы и, подняв лицо к небу, дал себе страшную клятву не возвращаться домой до восьми часов. Пусть все рушится к чертовой матери, решил я, и пусть Рая уходит!.. Я никого не собираюсь держать возле себя силой.

Мое жесткое решение объяснялось более чем просто – дешевая водка оказала мне такую же дешевую услугу. Я попросту забыл, что в данный момент Рая лежит связанная на диване и никуда уйти не может. Что же касается поспешности, с которой я постарался похоронить свое семейное счастье, то я испытывал настолько сильные душевные муки, что был готов простить человечеству все его грехи, включая первоначальный, лишь бы как можно быстрее сдержать свою страшную клятву. Дикая смесь вселенского благородства и обыкновенной ревности терзала мне грудь и требовала выхода.

Я подошел к телефону-автомату, но прежде чем набрать первую цифру надолго задумался. Потом повесил трубку и пошел дальше. Мой друг Коля, к которому я мог заявиться домой в любое время дня и ночи, предал меня. Что же касается остальных, то они не были достаточно близки мне, что бы я пришел к ним пьяный, с побитой физиономией и длинной исповедью о поруганной любви.

На ближайшей остановке я попытался заговорить с

людьми. Мне было все равно с кем и о чем говорить. Но народ был безмолвен, безлик и обтекал меня со всех сторон, как вода обтекает севшую на мель лодку. После нескольких отчаянных и безуспешных попыток найти себе нового друга и излить ему свою душу, я вздохнул и побрел прочь.

Наверное, в этот момент я представлял из себя довольно жалкое зрелище. Еще ни разу в жизни я не напивался в одиночестве и не приставал на улице к прохожим. Увы, но, как и любой другой мужчина, решивший показать любимой женщине свой непреклонный характер, я оказался способным только на самоунижение.

Улица была вызывающе пуста...

Глава двенадцатая

в которой рассказывается о том, что люди все-таки иногда обращают внимание на своих близких, а так же о том, что наши приключения закончились вполне счастливым финалом.

В конце концов, мое несколько меланхоличное настроение и острая жажда общения привели меня на тихую улицу, застроенную полудеревенскими подворьями. Подгоняя перед собой дребезжащую консервную банку, я медленно побрел в сторону островка многоэтажек. В самом высоком здании, похожем на детский пенал, на пятом этаже справа горел

свет. Это была моя квартира...

Дойдя до конца улицы, я сильным ударом послал банку в ворота ближайшего гаража. Потом закурил и подошел к невысокому заборчику. Мне было абсолютно некуда спешить, и я поневоле обращал внимание на мелочи. Там, за заборчиком, во дворе дома бродил мальчишка и что-то искал в траве. Покрытая инеем трава серебристо искрилась под падающим из окна светом и, наверное, была очень холодной и неприятной на ощупь.

С минуту я курил, облокотившись на забор, а потом окликнул мальчишку.

– Эй, парень!.. Тебе помочь?

Мальчишка разогнул спину и посмотрел на меня. Ему было лет десять-одиннадцать не больше. Лица мальчика я не разглядел, встречный свет из окна слепил мне глаза.

– Спасибо, не надо, – глухо отозвался он.

В голосе пацана звучала нотка тихой скорби. Он снова нагнулся. Я выбросил окурок и открыл калитку.

Трава была действительно очень холодной на ощупь и чем-то напоминала расплюснутую проволоку.

Я посмотрел на мальчишку и спросил:

– А что ты ищешь?

– Ничего.

– Тогда ты очень быстро найдешь это "ничего", – пошутил я и нагнулся к траве. – Вот тут ничего нет и тут тоже...

Неожиданно я нащупал в траве что-то небольшое и твер-

дое.

– Стоп! Кажется, нашел что-то.

Я поднял предмет к глазам. Это был черный шахматный конь. Мальчишка сердито засопел, быстро выхватил у меня фигурку и спрятал ее в карман курточки.

Мы помолчали.

– И много потерял? – спросил я.

Мальчишка отвернулся и, присев на корточки, снова принялся шарить в траве.

– Много... Еще четыре штуки осталось.

– Ясно, – я отошел сторону и чиркнул спичкой.

В траве зашевелились черные тени. Вскоре, при помощи спичек, мне удалось найти еще две шахматные фигурки.

Мальчишка взял их с моей ладони и тихо сказал:

– Спасибо, дядя.

– Пожалуйста. Наверное, мать шахматы выбросила?

– Нет, отец.

– Чем же они ему не понравились?

– Не знаю, – мальчик коротко вздохнул. – Отец пьяный был. А когда он пьяный, он всегда почему-то к ним пристаёт...

"К ним", как я понял это, наверняка, к шахматам. По своему личному опыту я знал, что увлечение шахматами, каким бы тихим и скромным оно не казалось людям, иногда способно довести до умопомешательства родственников самого шахматиста. Например, жена одного моего знакомого даже

подала в суд на развод, мотивируя свой поступок тем, что ей страшно надоело каждый вечер видеть перед собой спину человека впавшего в гипнотический транс над клетчатой доской. Суд счел причину не уважительной и приговорил женщину к дальнейшей семейной жизни с шахматистом. Говорят, дамочка рыдала. Ну, а вечером того же дня председатель суда, проиграв незадачливому мужу очередную блиц-партию, обиженно доказывал ему, что тот ничего не смыслит в сицилианской защите. Муж-шахматист был абсолютно спокоен. Он отлично знал, что играет лучше, а, кроме того, он так и не понял, зачем днем жена таскала его в суд.

На веранде хлопнула входная дверь, и на порожки вышел здоровенный, рыжеволосый мужик, одетый в трико и поло-сатую, на бретельках, майку.

– Мишка! – рявкнул он – А ну, марш домой.

Я вытер руки носовым платком и недобро усмехнулся.

– Дядя, дядя!.. – жалобно зашептал мальчишка. – Пожалуйста, не надо.

Я пожал плечами и шагнул в ярко освещенный падающим из дверного проема светом прямоугольник.

– Привет, сосед.

Рыжий спустился с порожек и подошел ближе.

– Сосед, говоришь? – спросил он, внимательно разглядывая мое лицо. – Что-то я тебя не знаю.

Я кивнул головой в сторону многоэтажек.

– А я вон там живу.

– А-а-а... – рыжий замялся, не зная, что говорить дальше.

Его замешательство можно было понять: человек, живущий в своем личном доме, довольно неохотно признает соседом ближнего, проживающего в многоквартирной громадине. Пусть даже балкон последнего нависает над его печной трубой.

Через пять минут мы сидели с рыжим на порожках веранды и по очереди отхлебывали из бутылки, которую я прихватил с собой, покидая кафе. Моего нового знакомого звали Толик. Мы мирно беседовали. Жена Толика категорически отказалась пустить меня в дом. Она предложила мужу, в качестве компенсации за моральный ущерб, теплую куртку, а также совет не связываться с "разными приبلудными алкашами".

В силу понятных причин я не могу припомнить с достаточной точностью все, о чем мы беседовали с Толиком. Впрочем, даже если бы мне удалось это сделать, то все равно мне не под силу передать волшебную ауру случайной, пьяной беседы, которая возникает не из слов, а скорее из чего-то такого, что можно назвать неумным желанием высказать все, что накопилось на душе. Высказать и быть понятым сейчас, именно в эту минуту...

Толик говорил много и быстро. И если я пытался простить всех и вся (разумеется, кроме своей жены), то Толик желчно ругал все сущее на свете. Мой собеседник тоже был неудач-

ником, но, в отличие от меня, он пытался оценить свои потери в денежном эквиваленте. Не думаю, что мы достаточно хорошо понимали друг друга. А, впрочем, именно это и помогало нам поддерживать беседу.

Толик в очередной раз стукнул кулаком по колену и заявил, что все люди – сволочи. Я попытался возразить, ведь утверждение собеседника опровергало само себя. Даже если бы все люди и являлись сволочами, то, как не крути, но опять-таки выходило что все люди – братья, пусть даже как сволочи.

Толик пошел в своих рассуждениях дальше и обрушился на власть. Толик не любил демократию чисто интуитивно, как не любят девушку, которая не только не пришла в назначенный час на свидание, но еще чуть позже прошла мимо под ручку с другим.

Я посмотрел на часы. Стрелки показывали половину восьмого. От выпитого у меня уже начинало двоиться в глазах, но понять, о чем рассказывает мне Толик я все-таки еще мог. Он ушел от политической темы и стал рассказывать мне о кирпиче, который он дважды крал и дважды возвращал на место в течение одной недели.

Я снова невольно приложился к бутылке. Теперь я понял, почему лицо Толика мне показалось немного знакомым. Он был тем самым мужиком, который ломал свой сарайчик после появления моей статьи; тем самым, который строил его заново, когда я спешил на встречу со следователем и, кроме

того, одним из тех, кто поверил слухам "про мафию" и вторично вернул кирпич.

Я протянул Толику бутылку и закурил. История Толика была проста: он работал водителем и однажды, воспользовавшись случаем, стянул кирпич. Разумеется, он боялся, хотя с другой стороны не воровать он просто не мог. И даже не потому что вокруг воруют все. Его воровство было той же зарплатой, которую было бы глупо не брать, но с той лишь разницей, что брать ее нужно было достаточно осторожно. Это была неформальная форма оплаты человеку его труда. Так жили все люди. Но страх заставил Толика дважды вернуть ворованное назад. Страх был черным и липким как паутина. Толик не был трусом, но оба раза его заставляли бояться чего-то непонятного и от этого еще более пугающего.

Толик закончил свой рассказ и посмотрел на меня. В его глазах было столько злости и скорби, что я невольно содрогнулся. Передо мной сидел простой русский мужик, слегка прижимистый и незамысловатый, но именно такой, каким вылепила его жизнь. А жизнь не баловала его успехами, заставляла делать простые вещи и не думать ни о чем, кроме практической выгоды. Таких как Толик любили ругать в книжках и газетных статьях при социализме, а при случае лягают и сейчас, при демократии. Правда, уже не за излишек практицизма, а за кургузость мышления и деловую доморощенность. Толика долго и плохо учили, давая знания, которые он забыл, едва выйдя из стен школы. До всего более-ме-

нее значительного и нужного в жизни он был вынужден добиваться своим умом... Самоучкой и в полном одиночестве.

Толик сидел рядом со мной, и я чувствовал, как на моем плече подрагивает его теплая рука. Он ждал моего ответа на только что услышанное.

– Ты знаешь, – тихо сказал я, – мне очень интересно будет узнать, какая сволочь затеяла всю эту возню с кирпичом.

– Теперь концов не сыщешь, – Толик потупился. – Обидно...

– Что обидно-то?

– А черт его знает, – Толик попытался улыбнуться, но улыбка получилась довольно жалкой. – Трезвый я ни о чем таком не думаю, а вот как подопью, так мне сразу мысли всякие в голову лезут. Все воруют, вот и я тоже... Зло меня берет. Я же не вор, понимаешь?.. Но с другой стороны, живем-то мы все как тараканы в темном шкафу. И что толку от такой жизни?

Моя жалость к собеседнику стала теплой и нежной.

– Ты себя не ругай. Ты что, только для себя кирпич брал, что ли?

– Конечно, нет, – легко согласился Толик. – У меня же жена и трое детей. Понимаешь?.. А без них бы я уже спился, наверное, к чертовой матери, – его голос сентиментально дрогнул, а глаза вдруг стали по-телячьи добросердечными. – Думал, вот сарайчик построить и два десятка кур завести. Все прибыток какой-то...

– Правильно, – горячо поддержал я. – Это значит, что ты не этот... Не простой хапуга... То есть не эгоист. Ты же для детей старался. Что касается кирпича, то кое-что про эту историю я слышал.

Толик насторожился и коротко спросил:

– А что?

– Ты можешь поехать и забрать свой кирпич назад, – твердо сказал я. – Только не весь, конечно, шесть тысяч принадлежат какому-то типу. (Я имел в виду Колю) А остальное – твое.

Толик недоуменно заморгал глазами и попытался вытащить из меня все, что я знал об истории с кирпичом. Больше всего его удивило, что я знаю номер участка, где находится кирпич и то, что, судя по всему, я был на этом участке совсем недавно – я упомянул про только что построенный рядом дом. На все вопросы Толика я соврал что-то неопределенное, чем, вполне возможно, еще больше укрепил его уверенность в своем праве на разрешение забрать кирпичи. Потом я, кажется, даже пригрозил всеми возможными карами зарвавшейся прессе печатающей непроверенные факты.

Дверь за нашими спинами тихо скрипнула. Протиснувшись между нами, по порожкам спустился Мишка.

– Ты что это, сынок? – добродушно спросил сына повеселевший Толик и попытался погладить его неловкой рукой по голове. – Мать послала?

– Я просто так, – соврал Мишка. – Пап, пойдем домой, а?

– Сейчас. Ты шахматы все собрал?

– Одна фигурка осталось. Я завтра ее найду.

– Завтра не надо... – возразил Толик. – Я сам сейчас по-
ищу.

Толик попытался встать, но Мишка быстро взобрался на колени к отцу.

– Сиди, сиди!.. Ты пьяный, пап, ты упадешь еще.

– Вот какой у меня сын, – Толик довольно заулыбнулся: –
Заботливый. Бережет папку.

Отец и сын принялись шутливо бороться друг с другом. Вскоре Мишка едва не повалил отца на бок. Толик ласково матюгнулся.

– А я тоже люблю шахматы, – неожиданно признался я. –
И даже в шахматный клуб иногда езжу.

– Правда?! – в Мишкиных глазах вспыхнули восторженные огоньки. – А где он, клуб этот?

– На правом берегу. Там, кстати и кружок для детей есть.

Мишка умоляюще посмотрел на отца. Толик не выдержал взгляда. Он потупился и, как я успел заметить, удивленно заморгал глазами. Мое неожиданное признание что я, судя по всему, окончательно сформировавшийся мужик, играю в какую-то детскую игру, было для Толика чуть ли большим откровением, чем мой рассказ о кирпиче.

– А книжки шахматные у тебя есть? – спросил я Мишку.

– Нет.

– Как же ты играть научился?

– А у нас дома старая подписка журнала "Крестьянка" есть, – пояснил за сына Толик – Там раздел... Ну, этот, шахматный. Мишка страницы из журналов вырвал и сам себе книжку сделал.

Я спросил Мишку, что он знает о шахматах. Мальчишка довольно уверенно объяснил мне, чем отличается испанская партия от сицилианской защиты и почему, по его мнению, в последней все-таки лучше на втором ходу передвинуть пешку на с3, а не ходить конем f3.

– А у вас шахматные книги есть? – жадно спросил Мишка.

– Конечно.

– А много?!

– Да ни мало... Пожалуй, штук пять могу и тебе отдать.

Мишка чуть не задохнулся от счастья.

– Когда?! – воскликнул он – Сейчас, да?

– Ну, разошелся, – оборвал сына Толик. – Прямо сейчас тебе все подавай, цыганенок.

Мишка посмотрел на отца. Когда он все-таки понял, что с заветными книгами придется подождать, мальчишка чуть не заплакал от горя. Я улыбнулся. Еще совсем недавно, до того как моя старая страсть немного остыла после знакомства с Раей, я был таким же отчаянным фанатом, как и Мишка.

Мишка молча обнял отца за шею и уткнулся ему носом в плечо.

Все прекрасно, думал я, все прекрасно!.. Пусть Толик, в конце концов, достроит свой многострадальный сарайчик, а

Мишка получит вождеденные книжки, о которых он не смел даже мечтать. Мишка очень любит шахматы, а его отец совсем не вор. Он просто хозяйственный мужик. Толика не нужно учить уму разуму, потому что это может только раздать в нем все естественное и доброе. Он такой же человек, как и все мы. А мы – люди... Мы должны делать друг друга счастливыми и делая это, становиться счастливыми сами.

– Ну, до свидания...

Я встал и направился к калитке.

– Ты еще зайдешь? – окликнул меня Толик.

– Зайду. Завтра книги Мишке занесу. Толик, ты про кирпич не забудь, а то без тебя все расхватают.

– Не расхватают, – Толик все еще гладил притихшего Мишку. – Я завтра туда прямо с утра пораньше поеду. Ну, бывай!..

Выходя на улицу, я разорвал карман плаща о дверную задвижку.

Мне было безразлично куда идти. Вскоре я заметил, что иду в прежнем направлении – к своему дому. Я чертыхнулся и посмотрел на часы. Кажется, время решило остановить свой бег – стрелки показывали без пятнадцати минут восемь.

Я остановился и огляделся по сторонам. Ярko светила луна. Вокруг не было ни души. Я направился в ближайший переулок.

Каково же было мое удивление когда, свернув за угол, я нос к носу столкнулся с Веней Скворцовым. Он был в форме

и держал в руках большую, черную дубинку. Чуть дальше за его спиной стоял милицейский "Уазик". Мотор машины работал на холостых оборотах, а возле нее курили три темные фигуры.

Мы посмотрели друг на друга. Судя по всему, Веня был на службе.

– Он что ли? – окликнул Веню один из милиционеров стоящий возле машины.

Веня не оглядываясь, молча кивнул.

– Берем?

Веня снова кивнул. Я вынул руки из карманов куртки. Лицо Вени мне не нравилось. Оно было холодным и решительным.

– Пошли, – Веня взял меня за руку и потянул к машине.

Я вырвал руку и шагнул назад.

– Куда пошли? – довольно грубо спросил я.

– Домой.

– А тебе не кажется, что это мое личное дело? Куда хочу туда и пойду.

– Ты лучше на себя посмотри, – Веня брезгливо улыбнулся. – Вся физиономия в синяках, куртку порвал да еще пьяный в дребезину.

– Это тоже мое личное дело.

– Зато у меня не личное.

– А какое?

– Служебное.

– Вот и иди, служи. Я тебя не задерживаю.

Разговаривая, мы цеплялись руками друг за друга, причем Веня старался схватить меня поудобнее, а я освободиться от захвата. Веня наступил в лужу и выругался.

– Веня, отстань по-хорошему! – не унимался я.

– Не могу. У меня приказ доставить тебя домой.

– Не ерунди. Чей приказ?

– Хотя бы твоей жены.

Факт, что моя жена уже командует милицией, несколько меня не удивил. За последние дни произошло столько разных событий, что даже если бы я узнал, что Светлану Шарковскую вдруг назначили премьер-министром, я не удивился бы и этому.

– Не пойду.

– Мы тебя уже четыре часа ищем! – перешел на крик Веня. – Кто на проспекте драку устроил?

– Не я!..

– Слушай ты, идиот, это была банда Угрюмого. Ее наши и фээсбэшники уже полгода искали, к операции неделю готовились. А ты, значит, просто решил кулаками помахать?

Трое Вениных сослуживцев осторожно, явно избегая резких движений, окружили меня с трех сторон. Мое бегство исключалось напрочь. От усталости и изрядного количества выпитого я еле-еле стоял на ногах.

Я довольно смутно помню, как меня втолкнули в машину и после минутной и езды и еще менее короткой стычки

в подъезде дома, погрузили в лифт. На лестничной площадке я решил дать последний бой и, наверное, именно поэтому открыл дверь головой. Попыток вырваться на свободу я уже не предпринимал. Я едва переставлял ноги. Все повторные проблемы Вени по моему этапированию в квартиру могли заключаться разве что в том, что бы перетащить мое бесчувственное тело через порог.

Дверь захлопнулась.

– Только попробуй выйти! – грозно сказал снаружи Веня.

Я вытер пот и огляделся по сторонам. В коридоре было тихо и только из кухни доносились какие-то звуки, напоминающие ворчание закипающего чайника.

Я прошел дальше и заглянул в зал. Рая стояла у окна и смотрела на улицу. Я взглянул на часы. У меня оставалось еще три минуты для того, что бы уговорить жену остаться.

Я вытащил сигареты и чиркнул спичкой. Рая оглянулась. По-моему она собиралась мне что-то сказать, и не думаю что нечто приятное. Но как только ее взгляд скользнул по моему лицу и одежде, Рая в ужасе прикрыла рот ладошкой. Весь горячечный монолог, который она наверняка долго и обстоятельно обдумывала и который совершенно точно начинался с вычитанного в романе "Я уже устала от тебя...", моментально вылетел у нее из головы. Единственная фраза, которую смогла вымолвить Рая, да и то полупшепотом, была:

– Идиот ты мой, где тебя черти носили?

Я гордо усмехнулся и направился в ванну. Рая останови-

ла меня в коридоре. Она быстро подбежала ко мне сзади и рывком развернула к себе. Мы долго и молча смотрели друг другу в глаза. Потом я отвернулся...

– Поздравь меня, – Рая горько улыбнулась. – Сегодня, наконец, я стала женщиной.

– Мне казалось, что ты ей стала еще полгода назад, – попытался пошутить я.

– Ах, дурак!..

– Никакой я не дурак. Пожалуйста, дай мне умыться.

– Конечно ты дурак! Ты – гордый дурак. Зачем ты убежал?

Я попытался освободиться, но маленькие ладошки крепко держали меня за лацканы куртки. Отвернуться я тоже не мог. Рая тянулась ко мне лицом и жадно ловила мой взгляд.

– Ты знаешь, я, наверное, только сегодня поняла, что того счастья, о котором мы мечтаем в детстве, просто нет. Я не могу пока решить хорошо это или плохо, но мне грустно. Я потеряла мечту и из девочки превратилась в женщину... Знаешь, почему я хотела уйти от тебя? Ты думаешь из-за Светки? Нет! Наверное, я просто хотела сохранить свою мечту... Как детскую игрушку, как желание чуда. Теперь во мне что-то сломалось, что-то детское... И его больше нет. Чудес тоже нет. Я твоя жена и я остаюсь с тобой. И знаешь, что самое удивительное? Мне кажется, что именно сейчас я понимаю тебя значительно больше и лучше, чем когда была глупой девчонкой и только мечтала понять тебя. Когда ты сбежал, ты, словно оттолкнул меня и... И прижал к себе еще

крепче. Странно, да? Пожалуйста, не смейся, но я подумала, что ты решил...

Рая замолчала. Неожиданно в ее глазах блеснули радостные искорки.

– Ну, так что же я решил? – спросил я.

– Ты решил спасти меня?

– От кого?

– От себя самой.

Я вспомнил драку на улице, желание причинить Рае боль, тусклое помещение кафе, дурацкую клятву...

– Ты ошибаешься. Я просто решил выпить.

– Врешь! Я знаю...

– Что ты знаешь?

Рая осторожно прикоснулась губами к синяку на моем лице.

– Я знаю тебя.

Еще никогда в жизни я не видел такого фантазмагорического коктейля в глазах женщины. В них было все: радость, боль, грусть, смех и вызов.

Я потупился.

– Слушай Зайчик, все-таки дай мне умыться, а?

– Не дам, – Рая тихо засмеялась. – Скажи, я права?

– Ты опять становишься наивной девочкой.

– Может быть. А вот ты превращаешься в алкоголика.

Кстати, ты снова обозвал меня Зайцем. Или мне послышалось?

– Конечно, послышалось. Если через минуту я не смогу присесть, я упаду от усталости.

– А хочешь ты упадешь прямо сейчас и совсем не от усталости?

– Как это? – удивился я.

Рая приложила палец к губам. Она осторожно толкнула дверь на кухню и показала рукой на зеркало. Зеркало висело на стене так, что стоя спиной к ванне, в нем можно было видеть все, что происходит на кухне. Я мельком взглянул на ярко заблестевшее от света стекло, и уже было хотел отвернуться, как вдруг вздрогнул и вернул тело в прежнее положение. Если бы я увидел в зеркале отражение моей покойной прабабушки, это произвело на меня гораздо меньшее впечатление.

Рая прыснула от смеха и зажала рот ладошками. Я устало привалился к стене, и напрочь забыв о сигарете, которую держал в руке, принялся нашаривать в кармане пачку. На кухне, за столом, сидели сестрички Шарковские. Они идилично рыдали, положив головы друг другу на плечо.

– Светка в шесть часов пришла, – зашептала Рая. – Коля с ней чуть не подрался. Он пошел тебя искать и наткнулся на следователя возле подъезда...

– А зачем пришла Светка?

– Она пронюхала, что Надя у меня и что... Ну, в общем, ты сам понимаешь. Светка знала, что Надя меня ни за что не отпустит. Коля успел добежать до квартиры первым и стал

баррикадировать дверь...

Я задумчиво потер щеку. Там же, на кухне, возле окна стояли Коля и Настя. Они о чем-то не слышно спорили, и казалось, совсем не обращали внимания на сестер Шарковских.

– А почему Коля здесь, а не в КПЗ? – спросил я. – Там что, нет свободных нар?

– Подожди, не перебивай! Светка пригрозила, что выломает дверь, и Наде пришлось пойти на компромисс. Меня перенесли в ванну, а потом Светка и Надя устроили переговоры в нашей спальне. Они хотели найти компромисс...

– Компромисс?! И как быстро сестрички Шарковские снова подрались?

– Почти сразу же. Светка разбила подушкой окно. Потом их растащили в стороны Коля и еще сержант какой-то. Кажется, его Веней зовут. Надя еще на нем мундир порвала. И вообще, тут столько беготни было, я думала, что потолки обвалятся. Про меня все забыли и я чуть не утонула...

– Где?

– В ванне! Я же в ней связанная лежала.

– Ну?

– А Гриша опять напился – он утверждает, что трезвый не умеет думать – и пошел на кухню чай готовить...

– Это когда все по квартире бегали?

– Да нет же! Когда все первый раз помирились. Потом меня Веня нашел, и я попросила его отыскать тебя. Глупо, конечно, но я же не думала, что они во второй раз подерут-

ся. По крайней мере, так быстро. А потом из крана вода пошла...

– Господи, из какого крана?!

– Какой же ты бестолковый, из крана в ванной, конечно. Гриша на кухне лазил-лазил, а потом спьяну все краны открывать стал, в том числе и под газовой колонкой. Когда Светка и Надя второй раз подрались, Гриша в спальню побежал, а про чай забыл. Не знаю, что такого он сказал, но потом его сестрички Шарковские по всей квартире ловили. Кажется, он Надю со Светкой перепутал и что-то не то ляпнул.

– Бедный Гриша. Наконец-то сестрички нашли общего врага. Он жив?

– Он уже спит... Вот, значит, я в ванне лежу, а вода все льется и льется. Бр-р-р!.. – Рая зябко поежилась. – Я думаю, а пускай льется! Я захлебнусь, и пусть тебе станет стыдно...

Я улыбнулся и присел на корточки. Сил стоять на ногах почти не осталось. Рая уселась рядом и продолжила рассказ: о том, как неизвестно почему поссорились Коля и Настя, о том, как визжал Гриша и том, как, наконец, над его неподвижным телом зарыдали сестры Шарковские.

Я взглянул на зеркало и вдруг с грусть понял, что наши приключения окончились. Через три месяца у меня день рождения. Светка наверняка придет ко мне в гости вместе со своей сестричкой. Они будут много смеяться и подарят мне что-нибудь полосатое, похожее на тюремную робу. Например, тельняшку... В конце концов, если разобраться, то

я не лишал сестер их семейного счастья, а всего лишь разрушил его иллюзию. И не моя вина в том, что женщины любят жить в воздушных замках только до той поры, пока не начинают понимать, что в них нельзя по вечерам жарить картошку, штопать носки и изредка рожать детей.

Я встал и, с трудом переставляя ноги, прошел в зал. Возле книжного шкафа я остановился и выбрал несколько шахматных книг – не очень сложных и хотя бы отдаленно напоминающих учебники для начинающих. Завернув их в подвернувшийся под руку полиэтиленовый пакет, я направился к выходу.

Рая растерянно улыбнулась и взяла меня за руку.

– Ты куда это собрался? – быстро спросила она.

– Тут не далеко, – я освободил руку. – Я скоро вернусь.

– Господи, да ты же на ногах еле стоишь!

– Я превосходно себя чувствую, – я осторожно освободил руку. – А, кроме того, я пока не хочу говорить со Светкой. Когда она уйдет, я вернусь. Я не хочу портить своим присутствием чужое счастье.

– А, по-моему, ты все еще злишься на Светку.

– Ты ошибаешься. Сейчас я даже не злюсь на себя самого.

Я вышел из квартиры и закрыл за собой дверь. Лифт не работал. В его кабине подозрительно пахло сгоревшей резиной и кирзовыми сапогами. Бедолага-лифт явно перетрудился, поднимая наверх четверых довольно крупных мужчин.

Спускаясь вниз по лестнице, я споткнулся и выронил кни-

ги. Нагнувшись за ними, я вдруг почувствовал, что у меня сильно кружится голова. Я сжал зубы и крепко вцепился рукой в перила. Я подумал о том, что беспокоить Толика, пожалуй, не стоит. Подарок можно оставить на порожках веранды. Утром Толик найдет его и решит, что я занес его по дороге на работу.

На улице я несколько раз глубоко вздохнул и с силой потер ладонью лицо. Оставалось сделать совсем немного – дойти до цели, а потом вернуться домой... Я несколько раз повторил про себя последнюю фразу и улыбнулся. Как это много и как мало!.. Ведь, по сути, вся наша жизнь – дорога куда-то, а затем возвращение домой.

Дойдя до угла, я услышал за спиной звонкий, женский окрик и оглянулся. Меня торопливо догоняли четыре женские и одна мужская фигура. Впереди всех бежала Рая...